

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

*К 75-летию Краснодарской
краевой писательской организации*

2022 год

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи принимаются в электронном
виде (направлять на адрес:

snmakarova@mail.ru)

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терехин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление Губернатора Краснодарского края В.И. Кондратьева	3	<i>Николай Зиновьев</i>	40
Поздравление Председателя Законодательного Собрания Краснодарского края Ю.А. Бурлачко	4	<i>Юрий Васин</i>	44
Поздравление председателя комитета по вопросам науки, образования, культуры и делам семьи Законодательного Собрания Краснодарского края В.В. Чернявского	4	<i>Нелли Василинина</i>	49
Поздравление Председателя Правления Союза писателей России Н.Ф. Иванова	5	<i>Сергей Зубарев</i>	52
Поздравление члена Президиума и Правления Союза писателей Беларуси В. Гавриловича	5	На развилке дорог	
<i>Светлана Макарова-Гриценко</i>	7	<i>Проза</i>	55
В год 75-летия		<i>Владимир Кирпильцов</i>	55
<i>Слово создающее</i>		Ген выживания. Отрывок из романа	
<i>Татьяна Немчинова</i>	9	<i>Светлана Медведева</i>	63
Быть с веком наравне		Полевые уроки. Рассказы	
<i>Людмила Бирюк</i>	9	<i>Вячеслав Сбитнев</i>	67
Благодарю судьбу		Трудный разговор. Из новой книги	
<i>Гвардия кубанской поэзии</i>	7	<i>Публицистика</i>	70
Дорогому солнечному краю		<i>Владимир Романов</i>	70
<i>Иван Варавва</i>	9	Билет в один конец. Очерк	
<i>Виталий Бакалдин</i>	9	<i>Поэзия</i>	74
<i>Кронид Обойщиков</i>	11	<i>Алексей Смоленцев</i>	74
<i>Сергей Хохлов</i>	11	Нам до Бога – только жизнь	
<i>Николай Краснов</i>	14	<i>Леонид Север</i>	77
<i>Вадим Неподоба</i>	14	В ледяных краях. Из северных тетрадей	
<i>Валерий Клебанов</i>	14	<i>Лидия Железовская</i>	82
<i>Вячеслав Диника</i>	14	Ну, что ж, я такая как есть	
<i>Алексей Горобец</i>	15	<i>Проза</i>	85
<i>Валентина Саакова</i>	15	<i>Степан Деревянко</i>	85
<i>Сейтумер Эминов (Эмин)</i>	16	Казачьи истории. Рассказы	
<i>Иван Даньков</i>	16	<i>Ирина Иваськова</i>	89
<i>Александр Мартыновский</i>	17	Будь моим деревом. Рассказ	
<i>Проза</i>	17	<i>Николай Седов</i>	96
<i>Николай Ивеншев</i>	18	Негаснувшее. Рассказы	
Дырка в ремне. Рассказ	19	<i>Поэзия</i>	101
<i>Геннадий Пошагаев</i>	19	<i>Михаил Никольский</i>	101
Хорошая примета. Рассказ	20	Не ко времени	
<i>Светлана Макарова-Гриценко</i>	20	<i>Анна Вартаньян</i>	107
Пандемия. Рассказы	21	Согреть берёзами	
<i>Поэзия</i>	25	<i>Семейное чтение</i>	109
<i>Владимир Архипов</i>	25	<i>Сергей Лёвин</i>	109
За что я Родину люблю	31	Сказки из лесов кубанских	
	36	<i>Любовь Деткова</i>	115
	36	Солнечный лучик. Стихи	

**Поздравляю Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России с юбилеем!**

На протяжении 75 лет общество служит одной цели – сохранению и развитию культуры края. Писательская организация всегда объединяла самых ярких представителей слова, прославляющих в своих произведениях героическую историю Кубани, ее колорит, самобытность и, конечно, жителей.

За эти годы собрано литературное наследие, которым мы гордимся, благодаря которому о кубанской земле узнают читатели далеко за пределами региона и страны. Многие авторы, такие как Виктор Иванович Лихонос, Кронид Александрович Обойщиков и многие другие вошли в золотой фонд отечественной литературы.

Писатели, поэты, публицисты находят вдохновение в прошлом и в настоящем своей малой родины. Их творчество не оставляет равнодушным никого. А активная общественно-просветительская работа привлекает в региональный Союз молодых, талантливых авторов. Они сохраняют преемственность поколений и закладывают основы литературы нового времени и новых смыслов. Эти основы – нравственность, любовь к миру, почитание семейных ценностей, единение и патриотизм.

**Глава администрации (губернатор)
Краснодарского края
В.И. Кондратьев**

Поздравляю Краснодарское региональное отделение Союза писателей России со знаменательной датой – 75-летием со дня образования!

У истоков Краснодарской краевой писательской организации стояли лучшие поэты и прозаики Кубани, объединившиеся в региональное отделение Союза писателей СССР. Своими произведениями они увековечили трудовой и ратный подвиг наших земляков, внесли достойный вклад в дело художественного осмысления происходящего в жизни края и страны. Сегодня их дело продолжают нынешние члены краевой писательской организации, чьё творчество является значимой частью общенационального литературного процесса.

Книги кубанских авторов учат читателей сопереживать тревогам, надеждам и радостям их героев. В них содержатся глубокое осмысление и объективная оценка сложных и порой противоречивых событий, происходящих в российском обществе.

Дорогие друзья! Вы делаете большое и важное дело. Воплощая свои мысли и чувства в художественные образы, вы передаёте будущим поколениям бесценный опыт. Ваши произведения, написанные с неподдельной искренностью, учат любви к Родине и её людям. И сегодня, в час непростых испытаний особо важен патриотизм писательского сообщества. Кубанские писатели в первые же дни специальной операции публично поддержали Президента и Армию в своих произведениях, повествующих о борьбе защитни-

ков Отечества с неонацистами.

Благодарю вас за вклад в развитие кубанской литературы, большую общественно-просветительскую работу, способствующую сохранению отечественной литературной традиции, духовному и нравственному воспитанию земляков.

От всей души желаю вам вдохновения и новых творческих удач, читательской признательности кубанцев и россиян.

**Председатель Законодательного Собрания
Краснодарского края
Ю.А. Бурлачко**

**75-летие Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России – важное событие для Кубани и всей страны**

Краснодарское региональное отделение, признанное одной из лучших писательских организаций в России, является важным звеном общероссийского литературного сообщества. Ваш сплочённый творческий союз объединил известных нашей Родине поэтов и прозаиков. Кубанцы любят творчество Николая Зиновьева и Светланы Макаровой, Николая Ивеншева и Геннадия Пошагаева, Владимира Кирпильцова и Анатолия Ильяхова, Владимира Архипова, Вячеслава Сбитнева и Сергея Зубарева, детских писателей Любови Мирошниковой, Владимира Нестеренко, Сергея Лёвина и многих других. Их имена составляют гордость кубанской литературы, а творчество способствует культурному росту земляков, распространению идеалов патриотизма и высокой гражданственности.

Истинный русский патриотизм всегда заключался не просто в признаниях любви к Родине, а в самопожертвовании и готовности к трудовому и ратному подвигу, в верности семье, в постижении тайн духовной жизни личности. Именно об этом так точно сказал Ф.М. Достоевский: "тайна бытия человека не в том, чтобы только жить, но и в том, для чего жить".

Поднимаемые вами темы многообразны и злободневны. Ваше творчество продолжает традиции целых поколений российских литераторов, опирается на гуманистический потенциал отечественной классической литературы. Творчество современных кубанских писателей достоверно отображает современную эпоху, сохраняя сегодняшние реалии для будущих читательских поколений.

Желаем вам дальнейших творческих успехов, а вашим произведениям – востребованности и читательского признания.

**Председатель комитета по вопросам науки,
образования, культуры и делам семьи
Законодательного Собрания Краснодарского края
В.В. Чернявский**

Краснодарскому краевому отделению Союза писателей России – 75!

Правление Союза писателей России поздравляет своих коллег и товарищей по перу со знаменательной датой – 75-летием. Все эти годы краснодарская организация объединяет самых талантливых поэтов и прозаиков региона, способствует сохранению и развитию традиций русской классической литературы, сбережению эталонной чистоты русского языка, делится профессиональными наработками с одарённой молодёжью. Писатели Кубани активно участвуют в культурной жизни общества, реализуют значимые культурные проекты, заботятся о патриотическом и нравственном воспитании подрастающих поколений, прививают землякам любовь к чтению. Но, главное, вы создаёте всё новые и новые высокохудожественные произведения во всех жанрах литературы, отражающие вызовы, тревоги, достижения и чаянья нашего времени, произведения, востребованные читателями не только вашего края, но и во всём Отечестве.

Дорогие друзья, от всего сердца желаем вам продолжения духовного, творческого и гражданственного полёта, достижения поставленных высоких целей, общих и личных радостей.

**Председатель Правления
Союза писателей России
Н.Ф. Иванов**

Кубанским друзьям-литераторам. С добром и братской любовью

Дорогие кубанские друзья! Уважаемые коллеги!

От имени Союза писателей Беларуси, Гомельского областного отделения ОО "Союз писателей Беларуси", Международного союза писателей и мастеров искусств, примите сердечные искренние поздравления с большим событием в литературной жизни Краснодарского края – 75-летием писательской организации.

Сложный, противоречивый, как и само время, но очень плодотворный путь пройден за эти десятилетия несколькими поколениями поэтов, прозаиков, литературоведов и критиков, выросших на почве культурного наследия Великой России на краснодарских просторах. Кубань стала творческой взлётной полосой для ряда известных русских литераторов, чьими произведениями, созданными как в довоенное, так и в послевоенное советское время, следует гордиться.

Современные литераторы Краснодарского отделения Союза писателей России под руководством талантливого поэта, прозаика, публициста, общественного и культурного деятеля, великолепного организатора литературных встреч Светланы Макаровой-Гриценко держат высочайшую планку нравственной ответственности перед читателем за свои произведения. Обострённая гражданственность, человеколюбие, гуманизм, фундаментальные основы великой русской литературы, как в зеркале, отражаются в их творчестве. Краевой писательский актив не только всем сердцем реагирует на происходящее в стране и в российском обществе, но выступает охранителем вечных ценностей, в лучших традициях русской литературы, призывая читателя к совестливой памяти, сохранению души.

Писатели края также проводят большую работу по восстановлению некогда по живому разорванных в результате распада Советского Союза – нашей общей великой Родины – творческих связей с литераторами Республики Беларусь.

Нам, писателям Белорусского Полесья, приятно осознавать, что уже целое десятилетие в лице Краснодарской писательской организации Союза писателей России мы имеем надёжного партнёра.

Заключенные дважды в этом периоде договоры о творческом сотрудничестве общими усилиями выполняются конкретными значимыми делами. Прежде всего, это участие в фестивальном литературном движении Беларуси и России (международный проект "Берега дружбы", международный фестиваль-праздник "Славянские литературные дожинки", творческий форум-проект "На земле Кирилла Туровского"), в котором успешно реализуются проекты, помогающие окрепнуть и утвердиться на литературном поприще молодым талантливым поэтам-переводчикам из наших стран. С каждым годом уровень их становится выше и выше, что не может не радовать. А это, не могу не подчеркнуть, – наша совместная непростая творческая работа!

Благодаря инициативе Светланы Николаевны Макаровой-Гриценко, всецело поддерживаемой мной как руководителем и Советом отделения СПб, налажен постоянный обмен произведениями талантливых авторов Гомельщины и Кубани на своих ресурсах. Пять лет назад в столице Белорусского Полесья – древнем Мозыре – вышел сборник поэзии и прозы "Славянское солнце", объединивший в одном издании гомельских и краснодарских литераторов. Чуть позже наши коллеги подготовили специальный выпуск газеты "Кубанский писатель", не только рассказав на её страницах российскому читателю о деятельности нашей писательской организации, но и поместив произведения почти двух десятков белорусских авторов.

Все последующие годы делегации Краснодарской писательской организации Союза писателей России активно участвовали в работе белорусских форумов в Гомеле и других городах нашей области. Мы с удовольствием представляли краснодарских поэтов и прозаиков в областном альманахе "Литературная Гомельщина", а с созданием в 2019 году международного альманаха "Літара. Літера. Літара" – уже вышло восемь номеров, – на его страницах опубликованы произведения многих кубанских поэтов и прозаиков. Благодаря этому произведения Светланы Макаровой-Гриценко, Вячеслава Динеки, Ольги Сафроновой, Леонида Севера, Николая Зиновьева, Николая Ивеншева, Сергея Лёвина, Михаила Никольского, Лидии Вдовченко, Лидии Железовой, Сергея Зубарева, Владимира Романова, Виталия Серкова и многих других кубанских талантливых авторов стали ближе белорусскому читателю. С удовольствием предоставляет свои страницы для белорусов и воссозданный литературно-художественный и общественно-политический журнал "Краснодар литературный".

Мы горды, что не только на официальном, но и на чисто человеческом, дружеском уровне поддерживаются контакты писателями наших организаций, ими даже осуществляются совместные авторские литературные проекты. Например, нельзя не отметить работу Анны Варганыч. Удивительная краснодарская поэтесса и переводчик выполнила переводы стихов с белорусского языка на русский сразу нескольких полесских авторов. И даже издала сборник переводов "Собеседник с моими глазами".

Нельзя не поблагодарить за поистине подвижнический труд поэтессу и переводчика Ольгу Сафронову, члена Краснодарской писательской организации Союза писателей России, которая за многие годы нашего сотрудничества перевела с нашего родного языка на русский целый ряд произведений белорусских поэтов. Эти стихи и переводы вошли во многие сборники, изданные как в России, так и в Беларуси.

В 2019 году Краснодарская писательская организация признана лучшей в России. Не случайно. Членами отделения Союза писателей России ведётся, без преувеличения, огромная общественно-просветительская работа. Прежде всего, по повышению культурного уровня кубанцев, воспитанию гражданственности и патриотизма у молодёжи, любви к чтению художественной литературы. Проходят презентации новых книг, отмечаются юбилеи и праздничные даты, постоянно организуются встречи с читателями даже в самых удалённых уголках, не прекращается подготовка к изданию авторских книг и коллективных сборников, а с прошлого года начался ежеквартальный выпуск журнала "Краснодар литературный". Достоинно!

Мы, белорусы, особо рады этому признанию. Так как за десятилетие очень многое в многогранной организационно-творческой работе как Светланы Николаевны Макаровой-Гриценко, так и кубанского писательского актива, особенно связанной с творческой молодёжью, было для нашей молодой областной организации, уже вступившей в период взросления (нам только 17 лет), настоящим, важным уроком. Изучая бесценный опыт, мы не стеснялись переносить на белорусскую землю всё лучшее, что видели в работе русских коллег. Наверное, что-то полезное из нашей работы пригодились и в Краснодаре.

Совсем не случайно в сложном пандемийном 2020 году кубанский Союз писателей удостоен международной премии имени Кирилла Туровского за укрепление и развитие связей с братским белорусским народом. А в 2022-м Светлане Николаевне Макаровой-Гриценко, одному из первых русских литераторов, в Гомеле на XVII Международном фестивале-празднике "Славянские литературные дожинки" торжественно вручена литературная премия "Верность Слову". Благодаря этой награде белорусский читатель вскоре будет держать в руках сборник её избранных талантливых произведений!

Всё, о чём сказано выше, всецело подтверждает: дружба наших литератур, наших литературных организаций – источник взаимообогащения. Пусть он не иссякает никогда!

С юбилеем писательской организации, дорогие коллеги и друзья! Будем же и впредь наполнять души читателей добром и любовью!

Владимир ГАВРИЛОВИЧ,
заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, член Президиума и Правления Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного Государства, секретарь Международного Союза писателей и мастеров искусств по Республике Беларусь, руководитель проекта "Берега дружбы" по Республике Беларусь, прозаик, публицист, драматург

В ГОД 75-ЛЕТИЯ

В год своего 75-летия Кубанская писательская организация – Краснодарское региональное отделение Союза писателей России – шагнула уверенно и сплочённо: сделано немало и планы намечены широкие. Так, в 2019 году решением Пленума Союза писателей России Краснодарская писательская организация признана лучшей в стране, в 2020-м кубанский литературный Союз за укрепление и развитие культурных связей с братским белорусским народом удостоен международной премии имени Кирилла Туровского, и в том же 2020 году городу-курорту и городу Воинской славы Анапе присвоено почётное звание "Литературный город России".

Только за последние пять лет организацией реализованы сотни социально значимых культурно-просветительских мероприятий и осуществлены десятки литературных проектов. Ключевыми, конечно же, стали подготовка и издание сборников: "Молодая проза Кубани" – подобного издания не было с советских времён; "Русское слово Победа" – стихи и проза, посвящённые 75-летию освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков; книга для семейного чтения "На берегу океана". Ежемесячная газета организации "Кубанский писатель", издававшаяся с 2005-го, на страницах которой полноценно фиксировался краевой литературный процесс, в 2020-м преобразована в журнал "Краснодар литературный", который выходит теперь раз в квартал и успел завоевать интерес читателей.

Среди проводимых литературных фестивалей и конкурсов, охватывающих всю Россию и даже зарубежье, наиболее знаменательными являются: учреждённый совместно с администрацией города-курорта Анапа всероссийский фестиваль-конкурс "Поэзия русского слова" и тихорецкий фестиваль "Родники земли кубанской". Фестиваль-конкурс "Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки, учреждённый с целью увековечения памяти о талантливом поэте и прозаике, десять лет руководившем краевым литературным объединением "Верность", в этом году проходил второй раз. В мае 2022-го при поддержке Министерства культуры Краснодарского края в городе Абинске торжественно прошло открытие фестиваля-конкурса "Кубань литературная". Этот проект охватывает все возрастные группы от школьников до пенсионеров – своё творчество представили авторы романов, поэм, стихов, рассказов и публицистики. Весной этого же года мы объявили о проведении фестиваля-конкурса "Родословие", посвящённого Году национальных культур, стремясь пробудить интерес молодёжи к народному творчеству, фольклорному достоянию страны. В жюри приглашены литераторы из Москвы, а заявки на участие поступили со всей страны – так что краевой проект уже можно назвать всероссийским. Набирает силу международный фестиваль с литературной сердцевиной "Степная лира" в Новопокровском районе. Писатели нашей организации работают в жюри и активно участвуют междуна-

родных молодёжных фестивалей поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы" (Ростовская область) и "Славянские литературные дожинки" (Гомель, Беларусь).

Следует также отметить организацию и проведение при поддержке Министерства культуры Краснодарского края краевых литературных конкурсов "Ты цветы, моя милая Родина", "Семья", "Наш черёд жить на этой земле", а также открытие Первого литературного канала Кубани на Ютубе, видео-проекты "Кубанские писатели. 21 век" и "Видео-книга Кубани".

Большим событием в литературной жизни края являются семинары молодых и начинающих литераторов, которые проводятся один раз в два года. И в декабре 2022 года мы также планируем проведение семинара молодых литераторов Кубани, где самые талантливые смогут выслушать советы титулованных кубанских мастеров слова.

В 2018 году при краевой писательской организации создан и активно работает Совет молодых литераторов Кубани так, что одно из его подразделений – анапское молодёжное литературное объединение "Авангард" – признано в 2021-м лучшим в стране. Лучшим в стране назван также "Клуб молодых литераторов" под руководством Людмилы Мурашовой (Краснодар).

Более пятнадцати лет существует в Краснодаре краевое литературное объединение "Верность", куда приходят самодеятельные авторы, стремясь обрести литературную среду и развить технику, ведь занятия проводят настоящие мастера слова, члены Союза писателей России. Всего же по краю действует около семидесяти литературных объединений и кружков, которые сотрудничают с нашей писательской организацией.

Конечно же, главное достижение организации – собрание и единение в едином союзе самых талантливых поэтов, прозаиков, переводчиков и критиков, живущих и творчески работающих в Краснодарском крае.

Унаследованные от уже легендарных Анатолия Знаменского и Александра Степанова, Ивана Варравы и Григория Федосеева, Виктора Логинова, Виталия Бакалдина, Николая Доризо, Кронида Обойщикова, Виктора Лихоносова и других известных писателей-кубанцев традиции высокой нравственности, истинной народности, художественной красоты родного слова в 21 веке продолжают лауреаты всероссийских и международных премий, победители престижных литературных конкурсов, отмеченные почётными званиями, государственными, ведомственными, региональными и общественными наградами Владимир Архипов, Николай Зиновьев, Людмила Бирюк, Любовь Мирошникова, Владимир Нестеренко, Нелли Василинина, Владимир Кирпильцов, Николай Ивеншев, Айтеч-Хагуров, Геннадий Пошагаев, Юрий Васин, Степан Деревянко, Анатолий Ильяхов, Сергей Зубарев, Светлана Медведева, Сергей Лёвин, Ирина Иваськова, Ольга Немькина, Владимир Коротеев, Татьяна Немчинова, Дмитрий Нестеренко, Ольга Сафронова, Леонид Север, Татьяна Соколова, Владимир Романов, Николай Седов, Виталий Серков, Алексей Смоленцев, Марина Тараненко, Сергей Тимшин, Михаил Ткаченко, Нина Хрущ, Ольга Хомич, Наталья Широбокова, Анатолий Шипулин. В последние годы приняты в Союз писателей России и влились в краевую организацию Любовь Деткова, Михаил Никольский, Станислав Терпогосов, Эллина Савченко, Лидия Вдовченко, Лидия Железовская, Руслан Тосунов, Ораз Пояндашоев, Вячеслав Сбитнев.

Краснодарская краевая писательская организация – отделение Союза писателей России, и мы реально ощущаем себя неизъемой частью общенационального литературного процесса. Публикации произведений наших авторов в авторитетных литературных изданиях от столицы до самых отдалённых регионов подтверждают: художественное слово Кубани слышит и ценит вся Россия. И это главный духоподъёмный настрой для встречи юбилея.

**Председатель правления, заслуженный деятель искусств Кубани,
главный редактор журнала "Краснодар литературный"
С.Н. Макарова**

Татьяна Немчинова**БЫТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ**

Слово писателя немаловажно, когда оно звучит в тему времени. Писатель, живущий судьбой народа, ни о чём не должен забывать. Он обязан быть с веком наравне! Наша эпоха – это судьбоносное время. Сегодня весь российский многонациональный народ стоит на рубеже эпохальных, исторически грандиозных военных событий. Безусловно, мы, современники, не выбирали для себя, в какую историческую эпоху нам следовало бы родиться и жить. Нас выбрало Время. Поэтому, в первую очередь, хочу сказать о главном, выразить своё отношение к проведению Российскими Военными Силами спецоперации по защите населения Донецкой и Луганской народных республик и всей Украины от зверски фашиствующего нацистского режима, и вхождению после проведённых референдумов в состав России исконно русских территорий – четырёх новых субъектов – ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. Однозначно поддерживаю эти государственно значимые движения с гордостью за свою несравненную, великую во всём священную Российскую Державу!

Важно понимать, что президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в сегодняшних архисложных международных условиях спасает Россию и всё человечество от всемирной катастрофы. Наш Верховный Главнокомандующий – гениальный стратег и тактик! Он вызывает к себе искреннее уважение и вселяет твёрдую уверенность в безусловной Победе. Очевидно же и из истории: где Россия, там всегда только Священная Победа! Формула Православной России – мир, миролюбие! Эта формула заповедана Богом. Мы должны прожить своё время правдиво, с честью, достойно.

Поистине, всё свыше: с момента принятия князем Владимиром православного Крещения Руси на нашей земле своевременно рождаются люди-светочи: Ломоносов, Пушкин, Суворов, Кутузов и, в наше время – Путин. Все они – великие русские национальные полководцы истории.

2022 год объявлен годом культурного наследия народов России. Думаю с сожалением о том, что идея эта возникла не от хорошей жизни, но как сигнал беды. И тем не менее, отмечу, что у России всегда была задача сохранения культурного пласта.

Важнейшей составляющей частью культуры, духовной среды нашего народа является русская отечественная литература. Бесспорно, что именно русская литература служит не только основой бытия, но и средством национального единения и взаимообогащения народов России.

Тысячелетняя история России сформировала мощный духовно-культурный код нашего народа. В этом коде имеется сложившаяся веками традиция приоритета духовных ценностей над материальными.

Для меня лично литература – это, прежде всего, Дар свыше и инструмент понимания жизни. А основная мера моей сути – совесть, требующая от меня как от человека и писателя очень многого.

Нет сомнения в том, что внутренний код, одухотворённый святостью, генетически укоренённый в русском многонациональном российском народе, никакими силами и средствами не разрушить, так как он представляет собой совокупность истин, прошедших испытание временем. Код направляет в добродетельное русло, к самоотверженности, чести и достоинству, каждого человека и всё общество. Ключевое понятие кода – это соборность.

К большому сожалению, с начала 1990-х годов, и в последующие долгие 30 лет происходящие в нашей стране финансово- и социально-экономические реформы вызвали глубокие негативные изменения. Однако дальнейших промедлений в разрешении искусственно созданной национальной проблемы время не терпит: ценностные основания, заключённые в духовно-культурных традициях, следует поддерживать и развивать. И это – дело государственной политики. Здесь важно подчеркнуть, что и государство, и общество должны быть заинтересованы в поддержании ценностей, способствующих общественному развитию.

В мирное время эти ценности помогали отстраивать общественную жизнь, а в самые жестокие моменты испытаний – преодолевать всевозможные трудности.

Наша великая Россия богата своей землёй и её ресурсами. Но при этом следует помнить, что самый главный капитал – это люди. Весьма большое значение имеет их творческий потенциал, способность к творческой мысли, к ответственному созидательному труду. Воспитывать будущих граждан России следует с ранних лет для того, чтобы они могли осознавать нравственное измерение своей собственной жизни: каждому человеку от рождения важно слышать чистое, одухотворённо-живое слово. Слово – это наивысшая человеческая ценность! Значит, в воспитательном процессе главным

помощником является её величество Литература – литература Древней Руси, классическая русская литература, лучшие произведения писателей-современников. Истинное слово в литературе нетленно, как и вся сотканная из слов, речей, духовности, честная просветительская литература.

Родная русская речь – это духовная скрепа русской цивилизации, животрепещущая душа народа, без которой, возможно, нашего существования просто не было бы!.. Изучая жизнь и творчество наших великих художников слова, знакомясь с отношением того или другого из них к языку, с необычайной чёткостью понимаешь: главное и неперемное качество всех замечательных русских писателей – это огромное чувство ответственности в работе над словом, серьёзное и бережное обращение с ним!

Первыми величинами в историю русской культуры вошли Нестор-летописец, митрополит Илларион, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский... Далее каждый век благосклонно добавлял новые имена мастеров слова. Яркими представителями русской литературы середины XX века являлись Чуковский, Евтушенко, Рождественский, Вознесенский, Деметьев, Арсений Тарковский...

Во все эпохи писатели не опускали свою самую высокую планку – быть на передовой. И не только с пером в руках!.. В годы Великой Отечественной войны на фронтах находилось более тысячи русских советских писателей, из которых 417 человек героически погибли. И от самого "печального дня начального" – 22 июня 1941 года до последнего победного дня 9 мая 1945 года, поэты и прозаики мужественно шли фронтовыми дорогами в авангарде с уверенным, пламенно-патриотическим, публицистическим, лирическим или сатирическим ёмким русским словом – как с боевым оружием.

В нынешнем 2022-м году, 13 сентября, все мы, жители Кубани, отметили 85-летие со дня образования Краснодарского края. Чтим очередную дату памяти погибших в Великой Отечественной войне, преклоняя колени перед всеми участниками освобождения земли Кубанской от фашизма. Мы отметили и 229-летие со дня рождения нашего любимого Краснодара.

Достойным образом встречаем мы и 75-летний юбилей Краснодарского регионального отделения Союза писателей России (КРО СПР), умело возглавляемого в течение более двух последних десятилетий Светланой Николаевной Макаровой-Гриценко. Созданный на Кубани в труднейшем послевоенном 1947 году (5 сентября) как краевое отделение Союза писателей СССР, он с 2019 года имеет статус "Лучшая писательская организация России".

Вот как об истории создания КРО СПР рассказывает Светлана Николаевна: "В то время на Кубани было только пять членов СП: Н. Винников, П. Иншаков, П. Игнатов, А. Кирий, А. Степанов. Несмотря на исключительно строгий приём, Краснодарское отделение Союза писателей СССР быстро росло. В 50-е годы пополнили его А. Панфёров, Г. Соколов, В. Монастырёв, Л. Пасенюк, В. Логинов, В. Бакалдин, И. Варавва, И. Беляков, А. Мишик, В. Попов, П. Радченко. В 60-е годы семья писателей выросла за счёт того, что в члены СП СССР были приняты молодые тогда литераторы: Ю. Абдашев, Н. Веленгурин, И. Зубенко, В. Иваненко, В. Лихоносков, К. Обойщиков, Г. Степанов, Б. Тумасов, С. Хохлов. В эти же годы из разных уголков Отечества на Кубань приезжают члены СП М. Грешнов, А. Гаркуша, А. Знаменский, С. Лившиц, Н. Краснов, В. Саакова, А. Стрыгин, Б. Тихомолов, Б. Федосеев, В. Фролов, С. Эминов... В 70-е – начале 80-х годов ряды прозаиков и поэтов пополнило новое поколение литераторов, принёсших славу кубанской литературе, – И. Бойко, Б. Васильев, Г. Василенко, Т. Голуб, Г. Ефременко, В. Неподоба...

...Один из самых выдающихся поэтов второй половины 20-го века Юрий Кузнецов и всемирно известный теоретик литературы Юрий Селезнёв родились, выросли и начинали свой творческий путь на кубанской земле. Краснодарские просторы стали творческой взлётной полосой и для любимых всей страной поэтов Николая Доризо и Виктора Гончарова.

Вторая половина двадцатого века, на мой взгляд, явилась временем высшего расцвета кубанской литературы. Поистине золотыми страницами стали созданная в то время и изложенная высокохудожественным словом история казачьего края и его столицы Краснодара, а также горькие и гордые свидетельства писателей-фронтовиков о Второй мировой войне, о защитниках Отечества, рассказы о трудовых подвигах земляков-кубанцев. И, конечно же, настоящие лирико-поэтические откровения, воспевающие красоту нашего неоглядного края, передающие глубины человеческих переживаний".

Из всего этого следует очевидное: духом эпохи пронизано всё огромное творческое наследие светоносной плеяды кубанских писателей 20-го века. Невозможно переоценить их интеллектуальные труды, оставленные поколениям. История передовой русской литературы Кубани в прошлом и история современной литературы есть история постоянной, неухающей борьбы писателей, неистовых деятелей культуры за сохранение и развитие великого, богатого, точного и прекрасного русского языка, языковой культуры.

Гюдмила Бирюк**БЛАГОДАРИЮ СУДЬБУ**

Очерк

Три кубанских писателя, три больших мастера художественной литературы стали для меня главными учителями в жизни и творчестве: Виталий Борисович Бакалдин, Виктор Николаевич Логинов и Борис Евгеньевич Тумасов.

С писателем Логиновым меня познакомил поэт Бакалдин, которому я когда-то помогала выпускать газету "Литературная Кубань". Это было в 1999 году, и Виталий Борисович раздумывал о том, как в следующем году отметить 75-летний юбилей своего друга и собрата по перу. Помню, Бакалдин пригласил меня к себе домой, и мы сидели в его "кабинете", который был одновременно и гостиной, и столовой, и местом семейного просмотра телепередач. Лично ему в этой комнате принадлежала только откидывающаяся полочка секретера, характерного образца мебели брежневских времён. На этой скромной полочке он и писал свои стихи, ставшие известными всей Кубани, вошедшие в школьные хрестоматии и антологии. После некоторых колебаний я решила спросить, почему выдающийся поэт не имеет нормального стола для работы.

– А этот чем плох? – удивился он, устраиваясь возле секретера. – Поэтам вообще стол не нужен, они могут и на ходу сочинять. Тем более "выдающиеся", – добавил он насмешливо.

И, поправляя непослушные волосы, принялся темпераментно объяснять, что нынче титулы "великого, народного, выдающегося" раздаются с чисто хлестаковской "лёгкостью необыкновенной". Немного остыв, он всё-таки признал, что несколько "выдающихся" у нас в Краснодаре всё же имеется, и тут же с ходу предложил мне написать статью в "Литературную Кубань" к юбилею Виктора Логинова.

Вот это да... Не могу описать, как я перепугалась! У меня к тому времени была издана только одна приключенческая книжка "Война в кружевах". А Логинов был признанным художником слова, шестикратным лауреатом журнала "Огонёк". Его первый юношеский роман "Дороги товарищей" после войны прочитала вся страна, без преувеличения. Логинов дружил с известным писателем-эмигрантом Владимиром Максимовым и сотрудничал с режиссёром Иваном Пырьевым, который по его повести поставил кинофильм "Наш общий друг" с Натальей Фатеевой в главной роли. В общем, было от чего растеряться и прийти в смятение. Но, когда я уже открыла рот, чтобы отказаться, Бакалдин шутливо пожал мне руку:

– Прекрасно, я рад, что ты согласилась. И запомни одну простую вещь: чем талантливее автор, тем легче о нём писать.

Вот в этом он оказался совершенно прав, и впоследствии я часто вспоминала его слова. В то время в стране разгоралась заря демократии, и электорат упивался своей независимостью, "голосуя сердцем". Но Логинов едко посмеялся над нашей "свободой выбора". В одном из его рассказов, написанном перед выборами, по домам шастали черти и покупали у избирателей... нет, не души, а голоса. Черти были современные, без рогов и хвостов, как говорится, "продвинутые". В общем, благодаря купленным по дешёвке голосам, чертям удалось протасовать во власть своего босса, а народ, как всегда, опростоволосился: на то он и "простой".

Несколько дней я собиралась с духом, чтобы позвонить Логинову, и придумывала, что ему сказать. Но, на моё счастье, Бакалдин устроил так, что Логинов сам позвонил мне и пригласил в гости. Как водится, я пришла не с пустыми руками, а с цветами, конфетами и фруктами, но хозяин, увидев "дары", пришёл в неопишущий гнев:

– Это что значит? Что ещё за подношения?! Чтобы это было в последний раз!

Если бы не милая Лариса Андреевна, жена писателя, не знаю, как бы я выкрутилась из неловкого положения.

– Не обращайтесь внимания, он шутит. Проходите, садитесь, будем чай пить.

Как же хорошо и уютно было потом! Многие я узнала в тот незабываемый день: как в детстве маленький Витюшка пробирался через таинственное Берендеево болото в родном селе Большие Вески, как впервые он узнал опьяняющий запах книги, и почему, будучи солдатом, он отстал от поезда на одной из наших кубанских станций. Его так поразили необычайные оранжевые фрукты "африкосы" (абрикосы), что он не мог от них оторваться. Но главное – оказывается, ещё в детстве он дал себе клятву стать писателем и выполнил её!

Домой я уходила с огромной "челночной" сумкой, полной книг, которые Виктор Николаевич дал мне прочесть. И это была лишь маленькая толика от безбрежного моря его творчества.

Долгое время мне казалось, что школьник Володя Борисов, герой повести Логинова "Сказание о первой любви" – сам писатель в детстве. Это он в военное время "набивал кровавые мозоли", работая в совхозе: "Косить с мужиками, особенно вначале, мне было трудно, и, если бы не Женя Татарникова, которая незримо косила рядом со мной, я бы не выдержал".

Однако при новой нашей встрече Логинов честно признался, мне, что никаких Володи и Жени в действительности не было: он их выдумал. Я не поверила. Но он объяснил мне, что в своих книгах писатели часто описывают не то, что было на самом деле, а то, чего не было, но могло быть.

Однажды я прочитала у него такие слова: "Придуманый мир ничем не хуже настоящего, а очень хорошо придуманный даже живее настоящего". Замысловатая фраза Микишки из рассказа "Мир хороший", поначалу была не совсем понятна, но потом до меня дошло, что в ней речь шла о великом законе искусства – образности. Чем ярче образ, тем он живее, и может даже стать бессмертным.

– Мы все когда-то уйдём, – объяснял мне Логинов, – а Пьер Безухов, князь Мышкин, Буратино и Каштанка – останутся...

Свою статью о Логинове я писала почти год и назвала её "Звезда над дорогой": мне очень понравился эпизод в рассказе "Цвет топленого молока", в котором "звезда высекает живую искру" на мокрой булыжной мостовой. Когда большая двухполосная статья вышла в "Литературной Кубани", многие писатели потом звонили, удивлялись, откуда я так хорошо знаю Логинова, и предлагали написать о них. Вскоре мы с Виктором Николаевичем снова встретились. Он был растроган, долго благодарил меня за работу, а когда мы прощались, вручил мне старую пожелтевшую тетрадь.

– Вот вам сувенир на память.

Я открыла тетрадь и обомлела. На глазах выступили слёзы. Это была его собственноручная рукопись знаменитого лирического рассказа "Цвет топленого молока". Она до сих пор хранится у меня...

Почему Виктор Николаевич так трогательно отнёсся к моей скромной литературоведческой работе? Могу лишь предположить, что в то сумрачное время ни Бакалдин, ни Логинов не были избалованы читательским вниманием. Обидно, что известность писателя часто зависит не от таланта, а от каких-то политических веяний, рыночного спроса или просто от случайностей.

Бакалдин всегда трогательно-нежно относился к своим друзьям. Бывали, конечно, и разногласия, но только по поводу творчества или мировоззрения, а не по каким-то мелким личным мотивам. Даже после раскола Союза писателей СССР Бакалдин всегда с большой теплотой отзывался о Леониде Пасенюке и Юрии Абдашеве, ставших членами альтернативного Союза российских писателей. И, конечно, давняя преданная дружба связывала его с литературными соратниками, членами Союза писателей России, например, с Виктором Иваненко, Сергеем Хохловым, Иваном Дроздовым и Борисом Тумасовым, чьи произведения не сходили со страниц газеты "Литературная Кубань", которую редактировал Виталий Бакалдин. Для Тумасова Виталий Борисович придумал специальную рубрику: "Историческая миниатюра", и эта так называемая "миниатюра" порой занимала две полосы большого газетного формата.

Огромные исторические романы Бориса Евгеньевича Тумасова лились неспешно, вольготно. Куда истории торопиться, если у неё впереди вечность? А вот меня время заметно поджимало. Дело в том, что, вдоволь насладившись успехом своей статьи о Викторе Логинове, я самонадеянно вызвалась написать статью о творчестве Бориса Тумасова, чей 75-летний юбилей следовал на следующий год после юбилея Логинова. Полагая, что уже имею немалый опыт в критике и литературоведении, я пошла по проторённой дорожке: познакомилась с писателем, набила сумку его романами и отправилась домой читать, предвкушая удовольствие от увлекательного чтения. Если бы я знала, что меня ждёт! Вместо любовных приключений графов и графинь в духе Дюма на меня обрушилась малопонятная и неприкрашенная жизнь Древней Руси во всём её противоречивом многообразии.

Кого там только не было! Множество древних князей с похожими именами: Мстислав, Ярослав, Святослав, Мечеслав, Изяслав и прочие "славы", а также Ярополки, Игоря, Всеволоды и Владимиры, затем основатели Московского княжества – Даниил, Иван Калита и Дмитрий Донской, амбициозные и коварные князья тверские и новгородские, и ещё бесконечные Василии и Иваны под соответствующими номерами, а позже – Самозванцы, коих было не менее трёх... Попробуй разберись, если к тому же книги написаны своеобразным тяжеловатым языком "под старину". Но отступать было поздно. Конечно, мне пришлось изучить генеалогическое древо Рюриковичей и даже дополнить его собственными пометками и значками, изображавшими любовниц и внебрачных детей, которым на древе поче-

му-то не нашлось места. Постепенно я привыкла к старинному слогу и, уже не глядя в комментарии, понимала, что это значит, когда "гриден, накиннув корзно, поскакал о двуконь".

Оглядываясь в глубину веков, некоторые современные читатели традиционно полагают, что раздробленность русской земли происходила исключительно по вине гордых и не слишком умных князей, каждый из которых претендовал быть не только "первым среди равных", но и главным над всеми. Однако это упрощённое представление о русской истории. Когда мы обвиняем князей, что они своими распрями наносили вред всей русской земле, на которую с одной стороны наседали татары, а с другой прижимала Литва, нужно учитывать, что общего государства ещё не было. Витала лишь ещё не вполне осознанная мысль о необходимости создания такого государства. Не было и особого почтения к Москве, которую вполне могла "воевать" Тверь или какой-нибудь другой город.

Жизнь, далёкая от меня, и всё-таки своя, русская, родная, открывала мне жгучие тайны, пугала и очаровывала одновременно. Особенно большое впечатление произвели романы о Смутном времени. Иногда казалось, что я присутствую на некоем дьявольском шабаше. Всё идёт в ход: убийство, обман, подкуп, предательство, клятвопреступление. Порожденье боярского заговора – Лжедмитрий I ведёт за собой на Русь шляхетское войско, которое захватывает один за другим русские города. И лишь народное ополчение под предводительством Минина и Пожарского спасает страну от полного распада.

– Ну, как впечатление? – встретил меня Тумасов, когда я вновь появилась у него.

– Потрясающе! И откуда вы всё знаете в мельчайших подробностях? – вырвалось у меня.

Он пожал плечами без тени улыбки:

– Я жил в то время!

Мне оставалось только поверить. Иначе откуда бы он знал, как любили и страдали, что ели и пили, во что одевались и чем согревали душу наши далёкие предки? Почему пришлось бежать в Литву фавориту Ивана Грозного князю Курбскому, и какие слова шептал в ночь любви народный воевода Иван Болотников прекрасной княгине Елене Телятевской?

Статью о Борисе Тумасове я назвала "Незабвенная Родина". В этом названии был скрытый намёк на лирический рассказ Логинова "Первый, второй...". Герой рассказа, глядя с колокольни собора на раскинувшийся перед ним простор, говорит восхищённо: "Незабвенная Родина!" Именно так он сказал, не стесняясь "высокого штиля"...

Через год, в 2002 году, 75-летний юбилей был у Виталия Борисовича Бакалдина. К этой знаменательной дате я написала большую статью о его творчестве "Поэт, учитель, гражданин". Писалось легко, радостно, то ли и вправду опыт помог, то ли было очень большое желание. А может быть и то, и другое. Мне хотелось написать так, чтобы читатели полюбили этого талантливого и смелого человека, который в тяжёлые годы распада страны не побоялся сказать о себе, что он "советский учитель и русский советский поэт".

В "Литературную Кубань" статья не попала. Будучи редактором, Бакалдин посчитал нескромным напечатать в своей газете статью о себе. Её опубликовали в "Вольной Кубани" и почему-то под моей девичьей фамилией – Хоруженко. Всё равно я была так счастлива, словно это у меня был юбилей. Вскоре позвонил Виктор Николаевич Логинов, поздравил и сообщил, что в Союзе писателей на стене приколоты газетный разворот "Вольной Кубани", и что статья понравилась самому Петру Придиусу, в то время председателю правления КРО СП России.

Через несколько дней Петр Ефимович пригласил меня в офис Союза и долго, обстоятельно и доброжелательно со мной беседовал в своём кабинете, спрашивал, что я пишу, какой любимый жанр. В тот день я увидела "живьём" многих мэтров кубанской литературы: Ивана Варавву, Кронида Обойщикова, Николая Краснова... Они казались мне божествами, спустившимися на землю. Невольно мелькнула мысль: "Вот бы попасть в их славную семью... Какое это, должно быть, счастье!". Но до осуществления моей мечты было ещё два долгих года. Ныне, вспоминая то далёкое прекрасное время, я не устаю благодарить судьбу за радость, которую она мне подарила – радость общения с кубанскими мастерами пера.

Шёл 2002 год...

Мои незабвенные старшие друзья ещё находились рядом со мной, полные жизни и творческих планов. И сколько счастливых дней ждало впереди...

ДОРОГОМУ СОЛНЕЧНОМУ КРАЮ

Иван Варавва

* * *

Всё, чем жив, что ведаю и знаю,
 Что добыл в походе и в бою,
 Моему отеческому краю
 В доброе наследство отдаю.
 Отдаю весну родной станицы
 С грозовой верностью сердец,
 Зрелый колос радужной пшеницы
 И цветок казачий воронец.
 Край родной!.. Сады твои и нивы,
 Цепи гор, седая даль морей...
 Был бы ты, а мы-то будем живы
 Щедростью и радостью твоей.
 Чем богат, что ведаю и знаю,
 Что добыл в походе и в бою –
 Дорогому солнечному краю
 В вечное наследство отдаю.

* * *

На хуторе нашем вишнёвом
 У чистой Криничной воды
 Девчата справляют обновы,
 К заре поднимают цветы.
 И те станковые цветочки
 Как щедрой Кубани молва,
 Шитьём украшают сорочки,
 Подолы рубах, рукава.

На хуторе нашем вишнёвом,
 Где катится речка вольна,
 В красивых девичьих обновлениях
 Весь год пламенеет весна.
 Проезжий нездешний, прохожий
 Заметит у тихой воды:
 Здесь даже одежды похожи
 На степь, огороды, сады.

На хуторе нашем вишнёвом
 Весною дорога бела
 От вишен в цветении новом,
 От их молодого тепла.
 Я тоже однажды недаром
 Из хутора в стылый мороз
 Бесценный домашний подарок –
 Весну на рубашке – принёс.

* * *

На окраине села –
 С головою белой
 Сына мать с войны ждала
 И окаменела.

Прилетал в село степной
 Сизокрылый сокол.
 Бились клёны головой
 О гранит высокий.
 Ковыля катились ниц
 От тоски матроса.
 Тихо с каменных ресниц
 Покатились слёзы.
 И из памятных глубин
 Вздох раздался мамин.
 Прикоснулся к камню сын –
 Ожил серый камень.

На окраине села –
 С головою белой
 Сына мать с войны ждала
 И окаменела.

Виталий Бакалин

* * *

Я не рос среди берёз,
 я не рос под елями,
 мне не пел седой мороз
 вьюгами-метелями,
 я черёмух не ломал
 ночью под окошками,
 сок берёзы не пивал
 и грибов не собирал
 целыми лукошками.
 На Кубани вырос я,
 мне родней, понятнее
 наши южные края:
 степи необъятные,
 горы хлеба до небес,
 ветки вишен алые,
 если лес –
 так южный лес
 перед перевалами.
 И понятен мне прибой,
 дикий ли, задумчивый...
 Разговор волны с волной
 я, как стих, заучивал.
 Я запомнил у крыльца
 тополя зелёные,
 черномазого скворца
 песни немудрёные,
 в завитушках виноград,
 горы седовласые
 и поток, что вечно рад
 меж теснин отплясывать...

Но, наверно, потому,
 что рождён в России я,
 не пойму,
 в каком краю,
 где у нас красивее.
 Вид везде
 знакомый, свой,
 близким с детства кажется –
 над Окою ли рекой,
 На Урале кряжистом...
 Велики у нас края –
 Вся земля российская.
 И везде она –
 моя,
 потому
 и близкая.

Ветеран

Ему твердят со всех сторон,
 что он отстрелянный патрон.
 Зато другие говорят,
 что сохранился в нём заряд,
 что пуля им припасена,
 и цель для выстрела ясна...
 Его загнать бы только в ствол,
 уж он стрелка бы не подвёл!

* * *

Я счастлив был
 встречаться с чистотой
 и с красотой искусства неподдель-
 ной:
 с напевностью мелодии простой,
 с поэзией прозрачности капель-
 ной,
 с живым дыханьем света на хол-
 сте,
 с ненарочитой театральной стра-
 стью...
 Прикосновенья к высшей красоте
 жизнь озаряли приобщеньем к
 счастью.

Кронид Обойшиков

---

* * *

Я вчера был нежным и влюблённым,
 Первый стих рождала тишина.
 А сегодня взрывами и стоном
 Рифмы перепутала война.

Над КП* сигнальная ракета.
 Я в кабину с лётчиком спешу.
 Наш маршрут проложен до победы.
 ...А стихи потом я допишу.

* КП – командный пункт

А небо такое святое

Сегодня четыре полёта подряд
 Мы будем врываться в зенитный ад.
 А небо такое святое с утра.
 И в розовой дымке полоска Днепра.

Четыре полёта. И каждый раз
 Домой не вернётся кто-то из нас.
 Но мы полетим на высоких ветрах.
 Командует долг – и сдаётся страх.

Вот штурман уже обнаружил цель.
 Повозки и танки он вводит в прицел.
 Сорвём переправу на горле Днепра.
 А небо такое святое с утра!

Хозяин

Я сегодня не скучал –
 Молотком весь день стучал.
 Доску выправил в заборе,
 Два гвоздя забил в скамью
 И на стенке в коридоре
 Сделал вешалку свою.
 Можно звать теперь гостей –
 Хватит здесь на всех гвоздей.
 Молоток и щипцы
 Мо-
 лод-
 цы!

Говорит мне отец,
 Что и я молодец,
 Маленький хозяин.
 И на стройке, и в квартире –
 Всюду нужен крепкий гвоздь.
 В целом мире, в целом мире
 Я хозяин,
 А не гость!

Сергей Хохлов

Зима 1941 года

Теплушка с зябнувшими стенами.
 Закат.
 Я помню и сейчас,
 Как мама долго и растерянно
 Всё пересчитывала нас.

А мы, напуганные, серые,
Сидели молча по углам.
Нас было с нею только семеро,
А остальные были там...
Я понимал, что, нас подчитывая,
Она всё думает о тех...
И по ночам не спал, сощипывая
На стенках выступавший снег.

Неизбывный свет

Не знаю, будет ли тот час.
Тот миг,
Чтоб мне собраться в гости
В деревню, где забыли нас
Не только люди, но погосты.
Той, говорят, деревни нет,
Войною имя её стёрто.
Одно я только знаю твёрдо:
Земли той
Неизбывен свет.
Хочу средь сонной ржи пройти,
Хранящей мягкий шелест шёлка.
В ней эхо дней былых найти,
Ему откликнуться, и только.

* * *

Кубанские синие ночи,
Черешен густой аромат,
Шумит над посёлком рабочим
Зелёными ветками сад.

Его мы с любимую вместе
Сажали весенней порой.
Но где ж ты, подружка-невеста,
Девчонка с тяжёлой косой?

Приди под заветные кроны,
Улыбку свою подари,
Пусть месяца рог золочёный
Нам светит с тобой до зари.

Поют за посёлком гармошки,
И хлопцы девчат веселят.
Ты помнишь ту стёжку-дорожку
И наш удивительный сад?

Он весь, как хорошая сказка,
В нём полный разгул соловьям.
Эх, сад мой бескрайний кубанский,
Счастливая юность моя.

Николай Краснов

---

* * *

Когда-то с тобою мы были в лесу,
Ломали калину – лесную красу.
И были мы сами огня горячей
От наших желаний и наших речей.

Как жарко пылали – таи не таи –
Пунцовые щёки и губы твои!..
Теперь ты далёко, и слёзы я лью,
Никто эту грусть не развеет мою.
Пойду наломаю калины в лесу,
Красу зоревую домой принесу
И буду глядеть на неё и мечтать,
Красу зоревую – тебя – вспоминать.

* * *

В Тамани бушевал полночный вечер,
Шла осень по пригоркам городка,
Когда он незадачливо приветил
Поручика Тенгинского полка.
Как не озлиться: "Скверный городишко...
Спать не пришлось... Хотели утопить...".
Но – чудо! – в записной родится книжке
Шедевр, века которому прожить...
Как знать, когда – в труде ли неустанном
Иль на пиру, за дружеским стаканом,
Во сне или в пылу мирских забот,
Иль на краю опасности неожиданной –
Вдруг гений человеческий блеснёт.

9 мая 1945 года

Где их застала тишина Победы,
Там и уснули: в танках, на броне,
В грузовиках, на пушечных лафетах,
В садах, в открытом поле и в кюветах –
Уснули сладко, позабыв все беды,
Как не спалось ни разу на войне.
И как пришла – никто из них не слышал –
К ним женщина печальная одна,
Ступая легче тени, ветра тише,
Как чья-то мать, невеста иль жена.
Пришла им благодарно поклониться
За всё, за всё, чем их судьба свята.
И пристально разглядывала лица,
И целовала каждого в уста.
То, может быть, она, сама Россия,
В победный час пришла наведать их.
И после безутешно голосила,
Не всех сынов найдя среди живых.

Вадим Неподоба

---

* * *

Мы живём у надежды в плену.
За неё наивысшая плата,
Если в мире хотя б одному,
Кроме матери, жизнь твоя свята.
Значит, очень тебе повезло.
Став ведущею нынче наукой,
Всё уродство, отравы и зло
Круговую повиты порукой.
Святость жизни, раздавлена ты
Многотысячьем войн на планете,
Но святыми рождаются дети,
И нетленны о счастье мечты.

* * *

Подует холодом из дола,
Нальётся стужею роса –
И позовут меня из дома
Поля, овраги и леса.
И жгуче новой, чуткой правдой
Нездешне ярко и лучист, –
С такой задумчивой прохладой
Заглянет в душу каждый лист.
И в тишине исповедальной
Среди берёзовых лампад
Раздастся предков голос дальний,
Прошедших, словно листопад.

* * *

Возвращаясь к родному порогу,
Растрепавший себя не совсем,
Как тогда, собираясь в дорогу,
На прогретый пригорок присел.
На высоком дыхании пахот,
По-отечески светлых небес
Я услышал, как родиной пахнут
Волны речки и поле, и лес.
Я не виделся с матерью долго,
Позабыла меня и родня.
Ощущенье горячее долга
Переполнит внезапно меня.
Задержу этот миг на минуту,
Процежу через родину вдох,
А иначе ни дому, ни утру
Не верну я просроченный долг.

Валерий Клебанов

---

* * *

Мы не боги. Мы это знаем.
Слишком тянут к земле грешки.
Потому-то и обжигаем
мы не амфоры, а горшки.

Пусть удел наш не слаще соли,
и бесцветно проходят дни, –
но дымящиеся мозоли, –
всё оправдывают они.

* * *

Прости меня, усталый плотник,
дешевой "Примою" дымя,
что нужный родине работник
не получился из меня.

"Стихи?" – ты ухмыльнулся криво
и сплюнул, плавая в дыму.
"Пойду-ка лучше, выпью пива..."
Пойди, родной. Я всё пойму.

* * *

Я узник этих улиц
с рожденья и до гроба.
Темна во дни распутиц
их мокрая утроба.

Кружу привычной глушью,
шатаясь, как от водки,
и снашиваю душу,
как старые подмётки...

Вячеслав Динка

---

* * *

Я помню ночь – я был тогда курсант...
Нас подняли сигналом и сказали,
Что по ошибке сброшенный десант
До одного пропал на перевале.

И мы, в составе поисковых групп –
Юнцы, толпа мальчишек неумелых –
Тащили из снегов, за трупом труп,
Ровесников своих окоченелых.

Мы их сложили в полной тишине
За рядом ряд у старого сарая,
И было отчего-то стыдно мне,
И я рыдал, лица не закрывая.

А горы молча брали нас в кольцо,
Луна рыдала в облачном тулупе,
И снег всё сыпал на моё лицо,
Всё сыпал и не таял, как на трупе...

В ту ночь я словно понял, наконец,
Что бога нет! Что всем – одна дорога!
И если у планеты был Творец,
То был он недостоин званья Бога...

С тех пор минули многие года,
Душа смогла ожить и отогреться,
Но этот миг неверья и стыда
Кусочком льда лежит в усталом сердце.

* * *

Ляжет туман ли, колдун бородатый,
Взмоют ли птицы над солнечным лугом,
В буйном цветенье утонут ли хаты,
Плачут ли вдовы, поют ли солдаты,

Пахарь ли голову склонит над плугом –
 Всё это в чуткое сердце вольётся,
 Как в океаны вливаются реки.

Всем существом, устремившимся к солнцу,
 Всем, что способно болеть в человеке:
 Честной душою, доверчивым оком,
 Телом, держащимся на валидоле,
 Сердцем, кровавым сочащимся соком,
 Чувствую боль твою, русское поле.

Я обнимаю туманами хаты,
 Птицею к солнцу над лугом взмываю,
 В ниву заглохшую пот проливаю,
 Я сыновей провожаю в солдаты,
 Я задыхаюсь от счастья и боли!
 Я ли не сын тебе, русское поле?

* * *

Как живём, говоришь? Без гордыни...
 Кое-как выживаем пока...
 Кто там помнит о нашей пустыне?
 Только вьюги да степь, да тоска.

Мы и носим от века до века
 Из обувки лишь войлок да фетр;
 Нас тут пол-, говорят, человека
 На квадратный один километр.

Что тут умного цифрам ответишь?
 Ведь, бывалоча, в нашей глуши
 Трое суток бредёшь и не встретишь
 Ни одной маломальской души.

А бывает, под высвисты стужи
 За стеною расслышишь едва:
 Кто-то медленно ходит снаружи
 И сердито бормочет слова;

Неприметная в вечере блёклом,
 Чья-то прячется тень за сугроб –
 Тут уж нос не подсовывай к стёклам,
 Чтобы пулю не выпросить в лоб.

Затаишься вдали от окошка
 В помертвелой и тёмной избе –
 Только ветер, как сонная кошка,
 Еле слышно мурлычет в трубе...

Рассветёт – разглядишь на досуге
 Чей-то след, занесённый слегка.
 И опять – по огромной округе –
 Только вьюги, да степь, да тоска...

Алексей Горобец

А день уже устал!..

А день устал!..
 И ты уже не в силах
 Оберегать, удерживать в душе
 Цветную ретушь цапель тёмно-синих,
 Штрихи-пунктиры серых камышей,

И пыльные свои пути-дороги,
 Где, мало доверяя колесу,
 Перетрудив натоптанные ноги,
 Верблюды-миражи, степные боги,
 С колючек пьют рассветную росу.

Где солнце, что пылало и светило
 Для всех для нас,
 Теперь, к исходу дня,
 Клонится вниз, печалась и скорбя,
 Поскольку понимает, что не в силах
 Наш мир земной
 Возвысить до себя.

Мы ждём подарка

Мы ждём подарка от небес
 И верим в чудеса.
 А за окном
 Прохладный лес
 И Божия роса.

А за окном прохлада сна
 И, что ни говори,
 Нас ждёт сияние окна
 Предутренней зари,
 Где тонконогая весна,
 Просвистывая лес,
 Пробежке солнечной верна
 С дождём наперевес.

Судьба осталась там, за поворотом,
 А время притаилось за углом.
 И зимний холод, старый дурилом,
 Трещит в саду и лезет напролом,
 Не ведая печали и заботы.
 И руки отдыхают от работы,
 Давно поняв – зачем ты,
 Где ты, кто ты...
 И время затаилось –
 И кого-то
 Всё ждёт,
 Всё караулит за углом.

Валентина Садкова

* * *

Так хочется верить в добро!
 Среди разоренья и тлена
 Одно лишь добро – серебро,
 Которое неизменно.
 Добро, как голодному хлеб,
 Для жизни нам необходимо,
 Затеплим, как свечи во мгле,
 Добро –
 Пусть горит негасимо.
 И пусть опалит мне свеча
 Ладонь: я не вырону света,
 Молитва моя горяча –
 Добром состраданья согрета!

Память предков

Как наша связь с природою крепка:
 Я в память предков непреложно верю –
 Мне кажется, что в прошлые века
 И я была весёлым добрым зверем...
 Я ухожу, власть города поправ,
 В шум дубрав и разноцветье трав,
 Где бродит эхо на копытцах тонких,
 И солнце, как лосиха-мать лосёнка,
 Вылизывает рыжую листву,
 И сердцем, полным удивленьем древним,
 Я чувствую себя сродни деревьям,
 И зря цветов в моём лесу не рву.

* * *

Не надо расчленять мои стихи
 На темы, жанры, стили и манеры, –
 Пишу во власти судеб и стихий,
 А жизнь сама всему положит меру.
 Пишу о том, что думаю и вижу,
 Пока свершаю путь нелёгкий свой –
 От девочки с кудрявой чёлкой рыжей
 До женщины с седой головой.
 Потом вместят в короткую черту
 Меж колыбельной датой – той и этой
 Моих стихов простую доброту,
 И станет слово времени приметой.
 И, может, кто-то бережной рукой
 Откроет пожелтевшие страницы,
 И над моей бесхитростной строкой
 Задумавшись,
 В лицо моё взглянется.

СейтумерЭминов (Эмин)

* * *

С рассудком спорь
 И с чувством спорь.
 Со смертью спорь
 И с жизнью.
 Со страстью
 Буйной и слепой,
 Что кровь
 взрывает в жилах.
 Всегда спорь с тем,
 В ком видишь ложь.
 Проспоришь –
 Не беда.
 И только совесть
 Не тревожь.
 Не спорь с ней
 Никогда.

* * *

Прости за то, что не сумел я
 Тебя от стужи оградить,
 Что горечь моего удела
 Пришлось тебе со мной делить.
 Я так хотел, чтоб улыбалось
 Нам счастье жизни на земле.
 Но счастье где-то задержалось,
 Потом забыло обо мне.
 За что ж тебе такая участь?
 Зачем делить печаль мою?
 Прости, что я, любя и мучась,
 Уж ничего не изменю.

* * *

Я бы хотел
 Написать хоть однажды такое,
 Чтобы кому-то помочь
 Своей тихой строкою,
 Чтобы кому-то хотелось её повторять.
 Чтоб она стала
 Хорошей и доброю вестью,
 Может, весёлой,
 А может, печальной.
 Песней.
 Пусть напевают.
 А автора можно не знать.

Иван Даньков

* * *

Мельчают озёрные воды.
В почёте не гордость, а лесь.
И даже высокие годы
Не в радость сегодня, не в честь.

Мельчают пруды и колодцы.
Уменьшилась втрое родня.
И солнце всё реже смеётся
За кромкой угасшего дня.

* * *

Зажгу пасхальную свечу
У изголовия России.
Я дань ей верою плачу,
О скорбной участи молчу
И крест несую, и путь осилю.

Зажгу пасхальную свечу
И в воскресенье поверю,
И виновато промолчу,
Но плюну в морду палачу,
В глаза прищуренные зверю.

Зажгу я робкую свечу
У изголовия России.
Я дань ей верою плачу,
О скорбной участи молчу
И крест несую, и путь осилю.

* * *

Вечерняя зимняя дрёма
На плечи легла январю.
О, как же я близко от дома
На зябкой дороге стою!

Молитвой и верой хранимый,
Хоть ветром холодным сечён,
Забытый, никем не любимый,
С бедой, как с женой обручён.

Не зрелищ – работы и хлеба
У господ Бога молю,
Но грозное хмурое небо,
Не слышит молитву мою.

Александр Мартыновский

* * *

Откуда ж это золотце?
Стройна, легка, мила.

Наверно, многих молодцев
С ума она свела?
Играючи раскована,
Бровей крутой разлёт.
О, как она рискованно
По краешку идёт.
По краешку незнания,
Над полымем огня.
Гадания, мечтания
До краешка манят.
А он, давно седеющий,
Блудливый взгляд тая,
Легко манить умеющий,
Уж мнит: она моя.
Ах, чудная девчоночка!
Но не его улов.
Завязана тесёмочка
На тысячу узлов.

Как по полю...

Как по полю, по раздолью
Проскакал конь вороной.
Занялось сердечко болью
По судьбинушке родной.
Мчался конь, сронив поводья,
При седле без седока.
Жду вестей который год я
От любимого дружка.
Там по дикому по полю
Свищут пули, бьёт картечь.
Моего дружочка-дроллю
Ой, да некому сберечь.
Весть послал мне утром ранним
Белый ангел над горой:
Шлёт приветы с поля брани
Разудалый мой герой.
Но средь ночи в час ненастья
Черный ангел протрубил:
Не найти мне с милым счастья,
Он теперь другой уж мил.
Брошу я колечко в речку,
Утоплю свою печаль.
Не боли моё сердечко,
Коль ему меня не жаль.
Утопила я колечко,
Заковало речку в лёд.
Но ретивое сердечко
Всё болит, дружочка ждёт.
А весною весть худая
С поля брани прибрела:
Там могилка молодая
К себе дролю прибрала.

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

ДЫРКА В РЕМНЕ

Рассказ

Прошлое омывается дождями. Парными, слепыми, ледяными – всякими. То ласково, то безжалостно – до исчезновения.

От Димы, Димули, Дымка у Тропинина осталось немного: альбом с фотографиями, брючный пояс – чёрный, узенький. Из-за того, что сын был гибок и тонок, в ремне пришлось прожигать раскалённым шилом новую дырочку.

Греть шило на газовой плите и вонзять в отмеченное крестиком место.

У Дымка имелись лишь одни джинсы. Когда сын их изнашивал, Тропинин и Дымок ехали в город, чтобы выбрать на Вишняках что по душе. Дымок замирал перед понравившимися брюками, и Тропинин спрашивал цену. Если продавец просил дорого, то Дымок как-то пугался, и видно было, как у него дрожали руки.

Хотя Тропинин предупреждал: не показывай виду, что нравятся.

Но Дымок не слушался. Выдавали руки. Было ясно – надо брать.

И Тропинин хватался за карманы, торопливо вытаскивая из них мелкие денежные бумажки. Собирал "до кучи".

После покупки всё же оставались деньги – заначка в пистончике. Они вразвалку, дело сделано, шли в кафе "Платан", обмывать. Тропинин – пивом, а Дымок пил пепси. Тропинин бурчал каждый раз одно и то же, что пепси яд, что кинь туда пятак, и монета через сутки растворится. Дымок не верил, стеснительно шурился, мол, не заливай.

И когда сын шурился, его белые ресницы ещё больше выделялись на загоревшем лице.

– А у меня деньги и так растворяются, без пепси.

Тропинин подхватывал шутку:

– Дожди смывают. И носки вот. На ночь сую их под диван. Утром глядь – дубль пусто.

У Дымка вздымались брови и трепетали ресницы, будто притрушенные мукой.

Так он смеялся.

Жена Тропинина, Зоя, подкрашивала ресницы сына растворённым в тёплой воде порошком. Подкраски хватало на неделю. Не больше. Манипуляция всегда давалась с трудом. Дымок шёл к стакану с растворённой краской, морщась.

Дымок где-то вычитал, что эта болезнь, обесцвечивание, нехватка пигмента имела у кого-то из римских императоров.

И она помогала в борьбе за власть.

Но вот как? Никто не знал. Ни Тропинин, ни Зоя.

Зоя Тропинина прижимала руки к груди. Она всегда так делала, чтобы извлечь какую-то мудрую мысль:

– Кровосмешение в императорском Риме.

Дымок стеснительно хмурился. И заявлял:

– Но он плохо кончил.

Каждый раз один и тот же разговор:

– Калигула или Нерон. Плохо кончил.

Попив пиво, Тропинины торопились к вокзалу. Одной рукой Дымок прижимал к груди пласт пакета с джинсами, другая была прижата к боку. Это походило на парад. Сам Тропинин шёл-бежал будто на лыжах с тычками, загребая руками. На вокзале, увитом тёмным плющом, из окошка буфета вынимали, как из печки, три апельсина. Один – для Зои, один для самого Тропинина, один – для Дымка.

Дымок всегда оценивал их словом "афигенные". "Афигенные апельсины". Через "А".

Руки буфетчицы самостоятельно, как будто это отдельные существа, перебирали монеты.

Но где то время? Оно смыто летним, слепым дождиком, холодным, осенним ливнем, засыпано, мокрым, прилипающим к воротнику куртки снегом.

И всё меньше и меньше листался альбом. Тропинин реже стал бывать на кладбище, хоть и корил себя. Но уже появилась где-то в глубине сознания успокоительная фраза: "Не вернёшь". И уже не душил мешающий дышать ком в груди.

Не от болезни императоров, витилиго, умер сын. Он покончил с собой в больнице на улице Красных Коммунаров. Там ослабили его волю и назначили таблеточки, сворачивающие волю в клубок... От волнения. И кто-то и что-то выкинуло этот клубок.

– Депрессия! Депрессия! – повторял врач Миколайчук. Неужели у него всегда глаза такие: то бежали, то прыгали по стенам и потолку.

Где же жалость: "Депресс-суха".

И откликнулось "Депресс-сука".

Грянул гром. Ударила молния. И не разбила ничего: ни крышку бедного, струганного из сосны гроба, не пронзила самого Тропинина. Всё было обычно. Не рушились рядом дома, не вяла виноградная листва в беседке. И похожий на Дымка паренёк, словно птица, вздымая нос, впивая (иначе не скажешь) в кафе рядом с кладбищем пепси-колу.

– Паренёк, как звать тебя?

– Власом!

Что это? Кто это сказал? Чей голос?

И дома уже. Время потерялось. Его не было вовсе. Часы тикали, а время стояло. Спряталось за тяжёлой шторой.

Подушка в груди давила. Зоя поджимала руки:

– Работой надо выгонять.

– Кого выгонять? – очумело хлопал глазами Тропинин. И шевелил листок твёрдого ватмана.

Карандаш выпадал из рук. Он хотел нарисовать сына в том автобусе. Как Дымок покачивался на заднем сидении и косился на пакет с джинсами "Дизель". Рядом, на проходе катались купленные водителем у дороги арбузы. Их Тропинин хорошо помнит. (Арбузы с белым бочком). А вот черты сына неуловимы. Загадка природы.

– Пройдёт. Работой надо выгонять! – утверждала Зоя. И плакала без слёз, сжимая ребристые кулаки. Имя ей такое дали, жизнеутверждающее...

Кто-то оторвал сына от Тропинина. Сказывают люди, бог так решил. Он за грехи Тропинина так наказал. И кто-то прожёт...

Эту дыру под левым ребром.

Это сообщил ему рыжебородый батюшка, отец Симеон, работавший ранее учителем химии.

Бог. Коротко и ясно. Но за какие грехи? Знать бы.

Уж если не могли узнать, как витилиго помогало цезарям, то тут – полный завал.

Но и о. Симеон, хочется сказать Сименон, детективно постреливал глазами, словно хотел выговорить: "Депрессия".

Тропинин вспомнил название сказки "Семь Симеонов, семь бестолковых".

Слова, особенно научные, ничего не объясняют. Раньше говорили: "Сплин".

– Музыкальная группа такая есть! – изрекала Зоя. Почему-то в нос. Выходило почти: "Спиммм".

Остались, да, тогда остались джинсы, ремень и альбом с фотографиями. Там Дымок забирается на лысую гору в долине Сукко, и маленький ещё "ребяёнок", шевелит пальцем ноги острый камешек. На пляже ресницы Дымка ещё были чёрными, без подкраски. Они были чернее, чем у самого Тропинина.

Долину Сукко Тропинин теперь не жалуется. Боится там увидеть сына.

А джинсы "Дизель"?

"Джины", их Дымок называл "джинами", были подарены девушке, как снег на голову свалившейся из Пензы. В общем-то, с Луны.

Её звали Аня. Нет, не Анна. Аня. В слове Анна царственность. А здесь была нежность. И какой-то умильный покой. Анютины глазки. Фиалковый, душистый сумрак сумерек.

Она нагрянула внезапно. Позвонила от железнодорожного вокзала, представилась:

– Девушка Дымка.

Слова застряли у Тропинина в горле.

– Я знаю про трагедию!.. Беду, – тихо сказал этот голос... – Он называл меня "летучий пензенский велосипед".

– За что?

– А я бесшумная. Дымок шума не любил, вы ведь знаете...

Действительно, в голосе нет шума. Никакого. Все люди как-то подсвистывают, рыпят, сипят. Если прислушаться, все люди с шумом. Аня не обладала этим свойством. Тропинин это понял потом. При встрече.

Он раньше видел Аню на снимках. Дымок даже хвастался ими. Аня на фотографиях играла великосветскую даму в длинном платье с вырезом, с туманным взглядом. Она играла. Потому что, взглядевшись в глаза, в их искры, можно заметить иронию. Или озорство.

А Зоя Тропинина по этому поводу отчётливо выразилась:

– Это какая-то Настасья Филипповна?

Семья читающая. В основном классику. Тропинин даже как-то хотел изобразить героев Достоевского. Но у него выходил Иннокентий Смоктуновский в роли князя Мышкина. Он злился:

– Илья Глазунов. Китч.

Дымок читал Достоевского. Тогда он недоверчиво взглянул на отца, как будто они на Вишняках, выбирают джинсы.

Пробормотал:

– Настя Филипповна...

Аня оказалась другой. И пока ехали на старом тропининском "жигулёнке", девушка упорно глядела вперёд и рассказывала: про то, как был мил Дымок, как познакомились они на море, в молодёжном лагере, в Ейске. Что они с Дымком окрестили этот Ейск "Люблейском". Знать было за что.

Там, помнится, с пухлым, но ершистым поэтом Щупловым они ставили комедию дель-арте. Это когда артисты сами играют предложенный им сюжет.

В Ейске, в санатории для детей с опорно-двигательными неурядицами, они показали эту комедию.

Лагерь назывался "Надежда". Издёвка, что ли?!

"Шестёрка" подпрыгивала на неровном асфальте.

– И дети не смеялись! – твёрдо произнесла гостя.

Щуплов умер от сердечной недостаточности, – зачем-то сообщил Тропинин.

– Знаю. Он был мил.

Художник подтвердил:

– Он был мир.

И засмутился от высокопарности.

А когда подъезжали к дому, то Аня расплакалась. Ожесточённо тёрла лицо платком, будто оно было грязным. И всё торопливо всхлипывала:

– Как я вашей жене в таком виде покажусь!

И ещё:

– А ещё мы стихи с ним читали, в людных местах. На широкой площади возле Дома культуры. Прохожие кидали монетки в бескозырку Дымка. А потом отнесли мешочек с деньгами на мороженое в санаторий. Тем детям, которые не улыбались переделанному сюжету "Чипполино".

– Жена в курсе! – мягко сказал Тропинин. И они поднялись на этаж.

Нет, не Настасья Филипповна! С ней, с Аней, Дымок был бы счастлив.

Она не была красива, как красивы все современные длинноногие девицы. Она была особенной, лёгкой, павной и хорошо улыбалась. Она была бесшумной. Честно.

На другой день они с Аней посетили кладбище, где лежал, всё же лежал сын, а не его останки. На овале мраморного памятника была нарисована птичка. Скворец в галстук-бабочке. Это рисунок фломастером, сына. Сын тоже баловался рисунками на студенческих тетрадях. Тропинин, разглядывая их, понимал: это какой-то другой мир. Вытянутый, мёртвый, чужой. И всё же он узнал руки буфетчицы на вокзале, шевелящей монеты. И на полочке – три похожих на волейбольные мячи апельсина.

Над могилой Дымка плескал густыми ветками кряжистый клён, он всегда засыпал мраморную плиту зелёным цветом, похожим на кузнечиков. Бороться с кузнечиками было бесполезно. По осени просто надо было смести рыжие комки тупым, облысевшим веником.

Клён безразлично раскрывал руки и так же безразлично обнимал. Его тоже смывали дожди.

Потом Тропинин с Аней бродили по станице и боялись говорить о Дымке, боялись сказать не то. И это понимала Аня из Пензы и сам Тропинин. Потому что всему есть предел.

Зачем он это показывал: парк с остановившимися качелями, пустой фонтан, прозванный "Гусиным корытом"...

Уже к вечеру Аня бесшумно сообщила, будто спрашивала разрешения:

– Михаил Трофимович, я завтра уезжаю. И билеты уже куплены. Утром... Уезжаю. Всё. Уезжаю я.

– Надо бы на память что-нибудь! – подсказала умная Зоя.

Зоя из мезозоя. Так она над собой подшучивала.

На память. Да, на память... А! Да... Почти не надёванные джинсы "Дизель". Дима берёт их на выписку из больницы. Даже пакет из твёрдого целлофана остался.

Утром медленно собирались. Зоя напекла пирожков с абрикосовым вареньем. Аня положила на кухонный стол большой почтовый конверт.

Сказала: "Письма... Дымка!".

Она как-то побаивалась Зои, робела перед ней. А в машине опять стала всхлипывать:

– Я замуж выхожу... Надо ведь... Вы слышите, Михаил Трофимович, замуж.

– Надо! – промолвил Тропинин. Велосипедные шины у тебя лёгкие.

– Надо, – эхом подтвердила Аня, и её лицо тронула улыбка. – Я приехала сюда, чтобы избавиться, чтобы убедиться, что Дымка нет уже на белом свете. Нет ведь, Михаил Трофимович?

Она хотела, явно хотела услышать ответ.

Такая тихая, как её короткое имя.

Тропинин не ответил. Может быть, и нет. Хотя? Хотя вот ремешок с дыркой остался. И Тропинин специально спрятал его в угол одежного шкафа, чтобы не попался на глаза.

Дожди смывают всё. Все следы, как сказано в старом детективном фильме.

И Аня пропала вовсе. Её утатила зелёная ящерица поезда. Аня каталась в хорошую погоду по шумным улицам Пензы. То на автобусе, а то на велике с толстыми шинами. С передним и задним тормозом. Тропинин хорошо запомнил её лицо. И даже набросал эскиз.

Хотя знак она подала. Аня прислала фотографию, где она с младенцем. Розоватым, щекастым. Сидела гордо, словно переименованная в Анну.

Не было сходства с царицей, скорее это был известный портрет Наппельбаума царственной Анны Ахматовой.

И строчки вспомнились. Тропинин читал их своей Зойке-Зайке. Давным-давно. В двадцатом веке:

"Оттого и темно в светлице,
Оттого и друзья мои,
Как вечерние грустные птицы.
О несбывшей поют любви".

Вначале царапнуло сердце. Но Тропинин взял себя в руки. Кажется, Анна была счастлива. Да, точно. Счастлива. Он достал из шкафа ремень Дымка... А ремень, что в нём? Аккуратно просверленные фабричные дырочки. И одна неровная, обожжённая по ободку раскалённым, красным шилом.

ГЕННАДИЙ ПОШАГАЕВ**ХОРОШАЯ ПРИМЕТА**

Рассказ

1.

Даниил Помиляйко, человек суеверный, хохол ставропольский, ни от кого и не собирался скрывать, что разговаривает сам с собой. Правда, соседи, знакомые, в том числе и желчная невестка, от которой муж переметнулся жить к другой сударке, эту привычку считали ненормальным явлением и были убеждены в необходимости пенсионеру полечиться. Усмехаясь, Даниил Павлович отметал подсазки доброжелателей и утверждал, будто ничего дурного в том нет. Наоборот, причислял свою говорливость к числу хороших черт. Приходя на дежурство, после приёма смены он обязательно отправлялся в машинный зал пообщаться с оборудованием. И ни разу за столько лет не произошло ни одной аварии, в то время как у других сменщиков что-то да случалось. И действительно, ничего не утаивая, как с друзьями, делился радостью и наболевшим, поглаживал дымосос, дутьевой вентилятор, сетевые насосы, рассказывая, где пропадал днём, из-за чего поскандалил с невесткой. Выложится душевно – и каверзы никакой потом. Котельная работала чётко, без поломок! А с наступлением ночи мог и на боковую. Был уверен старик: оборудование не подведёт...

С собой на смену Даниил Павлович брал помимо сумки с харчишками и утренние газеты, по пути купленные в киоске, чтобы просвещаться. Как-то, сидя на дежурстве, он вычитал интересное сообщение, прояснявшее недоразумение, за что корили его невестка и все прочие, советовавшие обратиться к психиатру. Даниил Павлович узнал, например, что последние исследования немецких ученых полностью опровергают мнение о "разговоре с самим собою" как признаке душевного нездоровья.

Напротив, научно доказано, что "беседы наедине" оказывают благотворное влияние не только на психику, а и на поведение. "Кто думает "громко", тот действует эффективнее, поступает целесообразнее и быстрее решает свои проблемы, – утверждают психологи. – Разговоры с самим собой уже давно и весьма успешно применяются в психотерапии. Но и в совершенно нормальной повседневной жизни они могут быть чрезвычайно полезны во многих аспектах. Ну, хотя бы являются замечательным средством "выпускания пара" при отрицательных эмоциях, злости, раздражении..."

Статья статьёй, а над стариком Помиляйко, предлагавшим ознакомиться с мнением учёных, не переставали потешаться, подтрунивать, и он крикливо-бабьим, высоким голосом, пожимая плечами своё доказывал – официальные сведения для него важнее...

2.

Даниилу Павловичу уже под семьдесят, щупловат, с седыми усиками, кончики которых то и дело подкручивает кверху. Удивлял старик пронзительным, тонким фальцетом. В армии, в войну, был лихим запевалой, заводил бойкие украинские песни...

Настроение у него сегодня превосходное. Проверил целостность взрывных клапанов, обмуровку агрегата, наличие огнетушителей: вдруг пожар! И подался к сетевым насосам. Остановился у крайнего, находившегося в работе, приветственно покивал головой, посочувствовал:

– Да-а, хлопчики, понимаю, без выходных, как впряглись... и всё время в одну сторону крутите вал, небось, надоело! Оно и у меня дома не гладко, не меньше проблем. Вот представьте, невестка Люба постоянно недовольна – мешаю ей! Сын непутёвый ушёл к другой, а эта разведёнка осталась со мной, места себе не находит. Если б не внучок, выпроводил бы, наверное. Я и на базар хожу за продуктами и уборку делаю в комнатах, а всё плохой... Ага, ну ладно! Работайте, братцы, пойду дальше...

К дымососу подступился, тот гудел равномерно, усыпляюще, подозрительных постукиваний и шороха не допускал, веяло от него прохладой.

– Медведь, ну... всё рычишь! – заулыбался старик, осматривая ограждение и заземление. Поправил очки, одобрительно похлопал ладонью по коробу. – Кажись, нормально, ну и добре, работай, друг! Каждому своё, как говорится. На тебя я полностью надеюсь, знаю, не подведёшь... Сегодня день рождения, так я с собой чекушку взял, супчику сварю, подогреюсь маленечко. Выпью и за тебя... Пойду! Ещё с вентилятором не поздоровался...

Соблюдая осторожность, старик приблизился к дутьевому вентилятору. Этот, разумеется, исполнял не менее важную функцию, чем дымосос, он подавал в топку воздух, необходимый для лучшего горения газа.

– Ага, дружок, вот и я! – Помиляйко отдышался и прислушался к шуму вращающегося ротора: дребезжания нет, поломки не будет, и старик не удержался, чтобы не похвалить: – Молодчина! Вибрации не улавливаю, и дай Бог! Подшипники смазаны, не перегреваются. Рука терпит...

Перед дутьевым вентилятором старик не в меру разоткровенничался, пожаловался на невестку: такая-сякая, не терпится ей командовать и давать указания. Не нравится ей, что он громко включает телевизор и среди ночи хрипит бронхами.

– Будь она поласковее, скажу тебе, друг, может, и переселился бы к двоюродной сестре, но дитя жаль. Привязался я к Максимке. Славный несмышлёныш, шустрый и любопытный, всё ему надо знать, во всё вникает...

Зачем-то Даниил Павлович вспомнил об акциях и слегка взгорячился. Предприятие приватизировали, и на собрании пайщиков красиво втолковывалось выступающими о справедливом распределении собственности, дескать, поделят акции согласно трудовому стажу. А уже на следующем собрании вдруг заговорили о финансовых трудностях, предложили продать акции, пока они, мол, не обесценились.

– И понимаешь, дружище, – с грустью и досадой продолжал Даниил Павлович, коснувшись ладонью короба вентилятора, – оно-то и неплохо, что в первую очередь раздали акции самым заслуженным работникам, в том числе и мне вручили сорок штук этих бумаг. Надеялись хоть на какую-то прибавку к небольшой зарплате. Но время шло, тянули, тянули, и никаких дивидендов мы не получили. А дальше, смотри, генеральный стал объяснять нам, что ему нужно для отстаивания наших интересов войти в совет директоров, для этого необходимо сдать пятьдесят процентов акций. Поначалу уговаривал, потом потребовал... Короче, клюнули некоторые, сбыли, простофили, по дешёвке. Многие не желали расставаться с акциями, так надумалось генеральному притеснять, вплоть до увольнения. Особенно шантажировал пенсионеров, несговорчивых увольнял. Пришлось и мне продавать... Куда ж денешься, не потерять же работу...

Выговорившись, старик расстроился. А ведь когда-то, до перестройки, на первомайской демонстрации доводилось ему идти бок о бок в шеренге с директором и нести портрет Ленина. И казался он хорошим человеком, справедливым и заботливым руководителем. Да только в нынешний момент он раскрылся: хитрая личность, обыкновенный жулик.

Переговорено со всеми, пора бы и подкрепиться. На душе теплее стало при воспоминании о чекушке. Безопасностью обеспечен – механизмы, приборы не в обиде на него. В бытовке уютно. Поздравив себя с днём рождения, старик выпил и прилёг на топчан. Знал, что аварии не будет, если и поспит.

3.

Домой Даниил Павлович подоспел к ужину, однако на этот раз невестка не позвала свёкра к столу. Отдельно ужинали. Отказывалась, похоже, столоваться с хозяином. С постным лицом Люба торопливо хлебала что-то рыбное. Не нравилось ей, не могла простить старику, что он ушёл от одинокой женщины, с которой она его познакомила, понадеялась, что Даниил Павлович останется у неё жить. Всего с неделю побыл и назад воротился.

– Ну почему, почему вы ушли от тётки Раи?! – не выдержав, как с цепи сорвалась невестка. Не доев уху, быстро собрала посуду, отнесла на кухню. Максимку отшлёпала, отправила в другую комнату. Нервная, со взъерошенной кучей крашенных волос, носится туда-сюда. – Вы что... глухой?! Чо не остались у Раисы Петровны?!

– Не подошли друг другу. Любит кричать, подчинять. Требуется, чтобы весь заработок отдавал ей. И без регистрации, главное, в гражданском браке...

– Господи, ну и отдавайте, не гонит же? Кормит, наверное...

– Да кормит... Но я же должен и себе что-то купить. И вам оставить немного...

– Ради Бога, ой, за нас не беспокойтесь! – вскричала невестка, кривясь брезгливо. – Мы уж с Максимом как-нибудь... Так, может, сойдётесь, примиритесь?

Старик промолчал, шелестя газетой. Она, обозлившись, не дала ему покоя в этот вечер. Зудела и зудела. Чуть что – и кипятится вновь, с лица не сходят огненные пятна.

Свёкор пошёл на кухню, чтобы чайком побаловаться, – и она туда. Раскричалась. То, мол, не на ту горелку чайник поставил, то солонка очутилась почему-то не на месте...

Даниил Павлович терпел сколько мог, старался избегать истеричку, норовил не показываться ей на глаза, а невестка знай своё, поедом ест, фукает и фукает:

– Опять какой-то запах! Фу! Не пойму... дышать нечем... Из себя выходила, когда старик в ванной мылся:

– Могли бы и после нас выкупаться! Хоть бы посоветовались...

Уйма претензий. Ей, видите ли, тесно, не повернуться, всего наставлено, и сковорода занята. Ребёнку собиралась яичницу приготовить, а свёкор опередил – пожарил картошку и недоеденную оставил.

Допекла Даниила Павловича, он затрясся, взвизгнул:

– Знаешь... невесточка дорогая, после войны мы жили в бараках, кухонька была общая на несколько семей, и мы мирились! А ты с жиру бесишься... Не нравится – уходи. Живи отдельно! Я не держу!

Люба расфыркалась, сверкая глазами, но притихла, понимая, что квартира принадлежит ему – хозяину.

– Вы жестокий! Такое говорить мне и внуку вашему... – Голос её взвизчивался, становился всё тоньше и все выше, пока не расхныкалась, почувствовав себя несчастной.

4.

Погрустневшая невестка, работавшая архивариусом и делопроизводителем в захудалой инфекционной больнице, в эти дни замкнулась в себе, потеряв всякую надежду на возвращение мужа. Отношения со свёком по-прежнему оставались натянутыми, но уже не злилась, не фукала, и старик, понимая её состояние, всё больше внимания уделял Максимке. Никакой благодарности старик так и не дождался от невестки. Примерно ещё год миновал, и, когда узнала Люба, что у мужа своя семья, как бы спохватилась, пришло прозрение, поняла, как много значит в её судьбе свёкор, который старается облегчить её участь. По возможности помогает, чем может, деньгами и заботой, неравнодушен и шутив с дитём. Без жены, одинёшенек, ему порой тоже горько жить вдовым... Раскаиваясь в своём отчуждении, осознала невестка, как несправедлива была к нему. И однажды совсем неожиданно оба разговорились по душам, пили чай, и отношения потеплели, потянулись друг к другу одинокие сердца, уютнее стало в квартире.

Теперь они столовались вместе, что-то вспоминали, и невестка как бы очнулась:

– Даниил Павлович... а что, действительно вы были в плену? Как-то намекал Валерий, сын ваш...

– Был, дочка. И бежал из плена. Помучился, наголодался в фашистских лагерях... – Старик задумался, отпивая чай из пиалы. – С новобранцами призывался Тимашевским райвоенкоматом. Нас направили в Серпухов, там переодели, вооружили – и в сторону Ленинграда. Доехали до станции Березай... Вот представь, Любушка, раньше думал, это просто народная прибаутка, мол, станция Березай, кому надо – вылезай! А тут как раз и вышло... Эшелон остановился, выгрузились и пешим ходом подались на запад. Сразу по прибытии на передовую стали рыть окопы.

Первое крещение получилось на шоссе между Москвой и Ленинградом. И с этого дня наш 333-й полк шёл с боями, несли потери. Бойцам командиры говорили: возьмёте Старую Руссу, будет легче воевать. Но не дошли до Старой Руссы 12 километров, завязался бой, здесь и ранило меня. Перевязали, но вынести не сумели санитары, а когда пришёл в себя, встать не могу. Кругом никого, тишина, а уже темно. Неподалеку, вижу, кювет, заполз в него, перебыл ночь. В боку боль невыносимая, в крови бинты... ну и пошёл. Пошёл к солнцу. По полю, исковерканному взрывами, по пустырям. Недавно убирали рожь... В общем, четверо суток не ел и не спал. Выбился из сил, свалился у стожка сена, укрылся шинелью и не помню, как уснул. И вдруг будят. Просыпаюсь, глянул – фашисты! Я так и остался лежать, сил не было. Немцы видят, что я раненый, отошли куда-то. Ну, думаю, конец, жду выстрела. Попробовал уползти, а тут они вернулись, привели двоих русских, пленных. Они взяли меня под руки и повели... Попал в лагерь, был такой в Порхове, между Бородином и Москвой. Потом загнали в вагоны нас и отправили в Германию... Я, Любушка, бежал из плена, довелось ещё и повоевать, награды имею...

5.

На работе Любе предложили билет в филармонию на концерт композитора Григория Пономаренко, и она решила сделать приятное свекру, посоветовала ему сходить на представление. Даниил Павлович удивился, его слегка передёрнуло, не знал, что и сказать.

– Ну на что мне концерт – спасибо, Любушка, и не уговаривай! Посуди сама, туда топать, уж лучше я отосплюсь. А ты и Максимка идите...

– Мы ещё насмотримся... – невестка тихо положила билет на угол стола. – А вам надо отдохнуть, отвлечься... Нет-нет, я прошу и не отстану. Концерт будет замечательный. Вы же любите слушать песни Пономаренко по радио...

Спорить не хотелось, почему бы и не угодить:

– Ну что, ну хорошо... раз настаиваешь...

– А мы в станицу съездим с Максимом. Проведаем бабушку...

Люба взялась приводить в порядок одежду, погладила залежавшийся в шифоньере тёмный костюм хозяина, уже потертый у локтя. Подкремила ботинки старику, а перед тем как переодеваться, Даниил Павлович после солёной рыбы выпил киселя фруктового с хлебом, потом ещё в охотку попил и едва утолил жажду. Похвалил невестушку: понравился кисель с курагой, вкусный, но, кажется, лишнее употребил. И когда брюки надевал, то они едва сошлись в поясе. Держась одной рукой за спинку дивана, Даниил Павлович наклонился, да так неуклюже перегнулся, что сзади вдруг треснуло. Оказывается, брюки по шву разошлись.

С беспомощным видом позвонил из кухни Любу, которая мыла посуду, и она, выслушав жалобу, засмеялась.

– Ой, знаете... да ничего страшного, не переживайте! Снимайте быстренько, я зашью. – И повеселели оба: чего только не бывает в жизни!

Невестка, устранив неполадки с брюками, заспешила на автобус. Сумку приготовила с гостинцами для бабушки. Белолицая, в пуховом красном свитере, схватив Максима, который капризничал, трепанула его слегка и повела к двери.

Стало тихо, пусто. Они ушли, и Даниил Павлович засобирался. Вышел на площадку лестничную, квартиру закрыл на ключ и покачал головой, заметив внизу у ног около двери обёртку от сосательной конфеты: Максимка, конечно, уронил, известно, чьи проделки! Усмехнулся старик, подобрав бумажку, и пожурил внука беспечного. Вспомнил, как недавно шкодливым парнишка рассмешил его и мать, показывал, как дедушка усы подкручивает.

Погода чудесная, славная осень! Листья жёлтые у подъезда радовали Даниила Павловича. Сухо, тепло...

6.

Концертом он остался вполне доволен – вот спасибо невестушке! Дай Бог ей здоровья! Хор исполнял кубанские песни, оркестр струнный красиво звучал! Столько торжественности, величия! Это же какой надо иметь природный талант, чтобы так глубоко тронуть душу!

Ехал старик трамваем домой под впечатлением и нисколько не жалел потерянного времени. Права Любушка, отвлёкся, будто на свет народился, взбодрился. Стал веселее смотреть на жизнь...

Уже смеркалось, когда он, здороваясь со встречными знакомыми, в благостном забытьи вошёл в подъезд пятиэтажки. Остановившись напротив своей квартиры, несколько опешил: дверь приоткрыта, замок раскурочен, щепки валялись на полу, а внутри неосвещенной прихожки безмолвие.

Лицо старика вытянулось в недоумении. Даниил Павлович с растерянным выражением ступил через порог, включил свет и, тяжело дыша, с опасливым чувством прошёл в зал, ничего не соображая. Постоял и тихо молвил:

– Есть тут кто?

Ответа не последовало. На душе сделалось и подавно тревожно. Испуганный вконец, Даниил Павлович оглянулся по сторонам, вдруг понимая: произошла квартирная кража! Беспорядок творился в комнатах, вещи перевернуты и разбросаны, по жуткому запаху перегара и курева чувствовалось, что здесь побывали чужаки...

По привычке трогая кончики усов, старик заметил, что пальцы у него дрожат. И как сковало – не может сдвинуться с места. Кто-то, выходит, выследил, что в квартире отсутствуют хозяева... И как хорошо, что невестка и внучок не видят этого разбоя, а то бы перепугались.

Придя в себя, обнаружил, что унесли грабители цветной телевизор, недавно купленный невесткой. Не было и видеоманитофона. Сорвано с софы покрывало, в него, очевидно, воры завернули украденные вещи. Наконец спохватился Даниил Павлович. Ругая себя за нерасторопность, поспешил к телефону и позвонил в милицию.

...Начались расспросы с приходом следователя и участкового. Никто из соседей, к сожалению, ничего не видел и не слышал, оказывается, телевизоры были громко включены... Случившееся нис-

колько не всполошило стражей порядка, выглядели равнодушными, похоже, для них это обычное дело – "работа" домошников. Старик устал от допросов, махнул рукой, дескать, что теперь поделаешь.

Составили протокол перед уходом и пообещали хозяину искать взломщиков, посоветовали замешать деревянные двери на железные, да и решётки на окна не мешало бы поставить.

Проводив гостей, оставшись один, выпил Даниил Павлович пустырнику, сорок капель глотнул, но спать не мог, замучила бессонница.

На работу явился измождённым, объявил сменщикам, в какую попал беду, чтоб не ругали его за опоздание. Не дождался приезда невестки и внука, попросил соседей присмотреть за квартирой. И вспомнил об учетчице Гале Тарасюк. Чуткая и отзывчивая, она выслушала по телефону старика и вдруг говорит:

– Даниил Павлович, вы вот что, подъезжайте ко мне сейчас же на участок, и мы напишем заявление на имя директора! Вы же состоите в профсоюзе... тем более наш старый работник, ветеран труда, предприятие обязано помочь. А хотя, подождите... профсоюз... они бедные, сто рублей дадут, не больше. Надо идти к самому генеральному. Он имеет возможность оказать помощь из своего директорского фонда в размере оклада... Вы слышите меня?!

– Галя, я слышу, слышу, деточка! Но что-то сомневаюсь...

– Да бросьте вы... А я знаю, что женщине с другого участка, которая пострадала от пожара, выделил. В общем, не тяните время. Приезжайте, пока я не ушла! Я жду, Даниил Павлович! Напишем, а в понедельник с утра прямо с заявлением – к генеральному, постарайтесь перед планёркой перехватить его, как-нибудь ухитритесь. Понятно? Объясните суть дела, мол, квартиру обворовали...

– Спасибо... ой, спасибо, детка! Я подъеду...

7.

Под диктовку учетчицы Помиляйко, угукая, нацарапал заявление на имя генерального, а рано утром в понедельник явился на территорию предприятия и потихоньку подался к конторе. Поднимался медленно по мраморным широким ступенькам на второй этаж административного корпуса, стены которого внутри были отделаны разноцветной мозаикой. Необычайно выразительно выглядело панно из самоцветных камней. И остановился старик у двери приёмной с блестящей табличкой "Генеральный директор". К сожалению, приёмная закрыта, значит, пустует. Пришлось ждать, это и ничего, в самый раз собраться с мыслями.

А вскоре, стуча каблучками, с выпяченными губами, намазюканными под цвет апельсина, подлетела поджарая независимая секретарша. Оглядела застывшего в раздумьях пенсионера, тоненькие брови нахмурила, спросив, по какому он вопросу.

Даниил Павлович вкратце пояснил.

– А-а... ну это к директору! Ждите! – влетела в приёмную, стала суетиться, приводить себя в порядок, перед зеркалом обминала бёдра, поправила волосы массажкой.

Раздавались звонки – один, другой. И секретарша, прерываясь, кидалась к телефону, отвечала то щебечущим, кокетливым голоском, то бесцеремонно обрывала. А заметив пенсионера, подглядывавшего через проём, вспыхнула и поспешила прихлопнуть двери. А ноги побаливали, какие-то ватные, плохо, что присесть негде, ни одного стула для посетителей. Даниил Павлович догадался подойти к распахнутому окну в конце коридора, глянул вниз, где гаражи и электроцех. Ясно рассмотрел кучковавшихся правленцев, прибывших на машинах, оживлённо разговарившихся друг с другом. Приехал наконец и директор: седой, крупный, ну, его узнать нетрудно, это он, Владлен Борисович Гудков!

Что-то задерживается, не спешит попасть в кабинет. Поругался с некоторыми подчинёнными и вот направился к конторе.

Дух перехватило, Даниил Павлович обеспокоенно замешкался вдруг. Волнуясь, всё же надеялся на положительный исход своего дела, ведь он директору, что ни говори, а сорок акций продал, и благодаря таким, как Помиляйко, Владлен Борисович вошёл в совет директоров и теперь является полновластным хозяином предприятия.

Время подпирает, вот и Гудков показался, важный, холёный, не гнётся, прямо идёт, с достоинством держа вихрастую голову. Он и не заметил бы старика, если б Помиляйко не предстал перед ним, едва не загораживая путь к приёмной.

– В чем дело? – не поняв, остановился Владлен Борисович, неприязненно оглядывая старика. – У меня планёрка... Что у вас, говорите, я слушаю.

– Владлен Борисович, понимаете, – вздохнув, горестно промямлил Помиляйко, – случилась беда, мою квартиру обокрали, ну и... осмелился обратиться к вам за помощью в виде материальной поддержки. Заявление я написал...

– Подождите, ну а при чём тут я?! – раздражённо уставился Гудков на пострадавшего. – Вы что думаете: у меня тут собес, чтобы выплачивать всем?! Денег нет, и не мешайте работать!

Проскочив мимо, с насупленным видом ввалился в кабинет, с треском захлопнув за собой дверь. Послышалось чириканье угодливой секретарши, звяканье чашечек...

Даниил Павлович – в столбняке, его будто оглушили твёрдым предметом. И было очень стыдно. Он переживал унижительную встречу с явно бездушным человеком.

Скомкав заявление, бросил в урну. Сутуля спину, вышел на воздух. Получилось нелепо и до чего ж обидно. Даниил Павлович был оскорблён. За тридцать лет работы ни одной аварии не допустил, не имел замечаний. И, не разобравшись, равнодушно... взяли и плюнули в лицо! Горестно в этой жизни считаться никем...

Примчавшиеся из станицы домочадцы, узнав о случившемся, расстроились. То и дело невестка принималась расспрашивать, как могло произойти, что их обокрали. Ведь теперь и сказку Максимке не посмотреть по телевизору. Даниил Павлович путался, сбивался, объяснить толком не мог и отмахивался, ругая себя, что зря ездил на концерт. Рассказал Любе и о разговоре с директором...

Люба успокаивала мальчика, пообещав купить телевизор, и едва усадила Максимку ужинать. Ели они молча картошку жареную, приготовленную Даниилом Павловичем, и вдруг слышат: старик в ванной разговорился, закрылся на крючок и бубнит. Такого ещё с ним не случалось, обычно только на работе он позволял себе "беседы", по его словам.

Люба подошла ближе к ванной, замерла.

– Владлен Борисович, понимаете, случилась беда! Мою квартиру обокрали. Двери взломали зверским способом, вынесли телевизор, видеомэгаффон, вещи...

И тут сиплый, фальцетный голос старика неожиданно переменялся и чванливо, надменно отвечал самому себе:

– Ну так что вы хотите от меня, уважаемый?! Думаете что, у меня тут собес, чтобы выплачивать?! Денег у меня нет, и не мешайте работать!

– Как же так, товарищ директор...

Невестка костяшками пальцев постучала по двери, испуганно поинтересовалась:

– Даниил Павлович, вы что там... с кем вы разговариваете?

Старик смутился, вышел, затрудняясь дать вразумительный ответ.

На другой день он вновь бубнил, закрывшись в ванной, и повторялось это и в последующие дни... Как оказалось, не выдержал человек несправедливости. Через несколько дней в сильном расстройстве он был отправлен на лечение. Люба взяла отпуск без содержания и в свободные часы навещала больного. Тяжело стало ей с дитём: некому за ребёнком присматривать, да и Максимка скучает без деда. А он, Даниил Павлович, такой жалкий: жмётся, затравленно озирается, боится и подходить к родным. Не узнать его, исхудал, руки исколоты. Охваченный тревогой, он норовил пожаловаться и волновался при появлении невестки. Помнёт пальцами виски, начинает сдавливать голову, руки трясутся...

В процедурной медсестре каждый раз заново:

– Понимаете, миленькая... обворовали меня...

– Да слышали, слышали, дедуля! Опустите штаны, не стесняйтесь... Та-ак... – медсестра привычно вгоняла иглу в дряблую ягодицу и вздыхала. – Все мы обворованные, нас государство тоже не пожалело, зарплата знаете какая, ничего не поделаешь... Одевайтесь, дедушка!

Медсестра давала знак санитару, скучавшему до зевоты, чтобы забирал больного. И старика отводили в палату...

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

ПАНДЕМИЯ

Рассказы

Матушка

Снег начал падать за полночь. Тихий, едва заметный. К утру вся округа, деревенские дома, дорога, обсаженная кряжистыми тополями, дальние холмы – всё побелело и обновилось. Мягкое укрупненное одеяло благолепным нарядом своим радовало глаз и взрослых, и детворы. Только матушка Наталья, выглянув во двор, равнодушно обвела взглядом снежное убранство. Дорожку на кладбище теперь пробивать придётся, с лопатой идти надо.

После вычитки утреннего правила у большой старинной иконы Богородицы, с которой печальными глазами смотрела на неё Мать Божья, бережно прижимая к себе младенчика Иисуса Христа, после хлопот домашних Наталья вновь приблизилась к иконе, поправила лампадку и вздохнула коротко: "Пора Гришу проведать".

Лопату выбрала полегче да пошире, снег вроде и небольшой, лёгкий, но расчищать тропинку сразу надо, иначе потом вовсе не пробраться. Надела дошку на вате, в шаль шерстяную закуталась и отправилась к могиле мужа. Скрипел снежок под ногами, дальше с морозами он повизгивать начнёт, точно поросёнок молочный, сейчас же хрустел, как огурцы малосольные, Гриша их так любил. Матушка солила огурчики особым способом, и вкуснее не получалось ни у кого. Уж это все в деревне давно признали. А пироги да оладьи разве не признали? Вспомнилось ей, как лет десять назад, в Петров пост, прибежала соседская девчонка Галинка и с порога: "Теть Наташ, вас батюшка к себе зовёт! К нам из Москвы едут! Про монастырь кино снимать!".

Наталья в ответ только руками развела – надо, так надо. Поспешила на призыв к батюшке Алексею. Тот про киношников всё подтвердил и попросил её, как признанную мастерицу, на кухне поработать. А то они, мол, в пост приезжать боятся, оголодают, будто, в деревне. От этих последних его слов Наталью аж в жар бросило, зыграло ретивое: "Ах, так! Вот я вам покажу, какой у нас пост!".

К приезду киношников стол накрыли во дворе длиннющий, и чего там только не было. Супы-похлёбки в горшочках, грибы белые и всякие прочие в маринаде и без, картошка фаршированная, запечённая, кабачки во всех видах, пироги открытые и закрытые, кулебяки на четыре начинки, расстегаи с ягодами лесными, кисели-квасы, горошницы, блинчики овсяные кружевные с черникой, варенья, мёды, узвары, квасы. А уж хлеб какой Наталья испекла, всем хлебом хлеб. Духмяный, на домашних из хмеля дрожжах изготовленный. И вкус-то деревенских продуктов с городскими не сравнить. У киношников чуть животы не лопнули, а от стола всё отойти не могут. Утёрла матушка Наталья нос городским гурманам. Гриша гордился своей хозяйкой. Почитал.

"Только как же ты нас покинул? Зачем управился рано? Я должна была лечь, а не ты...". Могила мягко сияла белизной. Над ней строго чернел деревянный крест. Фотографию, прикреплённую к перекрестью, уже слегка припорошило, и матушка бережно обтёрла её рукавом, повесила обратно. Поправила свежие ещё венки, постояла у изголовья, опершись на лопату.

Когда возвращалась с кладбища и поравнялась с крайним домом, окликнули её. Обернулась – из калитки выскочила навстречу старушка-соседка. Поздоровались, и Марковна с ходу:

– На кладбище была? Да как не боишься! Или не слыхала: волки у нас объявились!

Матушка удивлённо вскинула брови на бабуся:

– Откуда здесь волкам взяться? Про них уже лет тридцать никто не вспоминает! – улынулась на слова соседки.

– А зря смеёшься! Я вот сама только по телевизору видела, в новостях передали. Три волка сбегали со двора в соседнем посёлке. Мужик какой-то в клетках зверей держал. Зачем – не сказали. Может, продать в зоопарк хотел, может, ещё для чего, это уж мне неизвестно. А только волков видели. Гуляют они по округе, в деревни заходят!

Марковна схватилась за локоть матушки Натальи, оглянулась по сторонам. Видно, и вправду боялась волков встретить.

– Ты уж слухай меня, старую. Не ходи на кладбище. Не ходи, пока волков не поймают. Я вижу из окна, как ты могилу седьмой день проведешь... Не надо. Пожалей себя, – частила Марковна, не давая и слова вставить. – И то ведь, как пережить, рана свежая совсем... Сколько у нас этим вирусом проклятым заболело, сколько старых да больных свалилось, а все выздоровели! Григорий твой самый

здоровый был. Никогда его не забуду. Как запоёт на службе – дрожь по жилам пробегала! Не зря батюшка его протодьяконом поставил, голос – с небес будто! И вот надо ж такое... А я чего тебе сказать хотела. У нас говорят, по молитве его Господь забрал.

Матушка Наталья молчала, локоть не отнимала, с места не двигалась. И соседка осмелела:

– Я сама, грешница, слыхала, как года два назад, когда у сына вашего рак признали, Гриша твой кинулся в ноги к батюшке. А тот ему: "Готов ты за сына умереть?". Григорий вроде дрогнул даже, отшатнулся от батюшки, а потом выдал: "Готов..."

– ...А батюшка ему что? – глухо вымолвила Наталья.

– А батюшка сказал: "Ну, считай, вымолил ты его"... Вот так и было, клянусь, ни слова не прибавила, клянусь! Как сейчас помню! – закрестилась Марковна.

– Слава Богу..., – невольно вырвалось у матушки Натальи. Она освободила руку и, скрывая взгляд: – Спасибо, Марковна. Пойду я.

– А как сынок? Как здоровье его? Невестка родила?

– Невестка скоро... вот-вот должна. Молось за неё. У Николаши – лучше вроде, ремиссия, врачи говорят.

– Ну, а ты как? У тебя ж тоже вроде признали... Мне сам Григорий твой проговорился. Или не подтвердилось?

– А чего мне делается? – двинулась от неё Наталья. – Вот проведала Гришу – домой иду. Заходи в гости... А про молитвы Гришины знала я. Он как выпьет, от меня сторонится, а душа-то горит. Звонит друзьям, порой, плачет. Слышу однажды – причитает: "Как же я отпевать буду, как закапывать... Не приведи, Господи". Вот и управился...

Соседка хлопнула носом, матушка Наталья коротко смахнула слезу.

Уличную снежную тишину разрезал телефонный звонок, сродни трамвайному.

Испуганная Наталья полезла в карман дохи: "Да где ж он, окаянный!". Непослушными пальцами с трудом достала вёрткий аппарат: "Николаша!"

Ткнула кнопку. Молодой мужской голос прокричал и огорошил: "Ма, у меня сын родился! Настя сына родила! Гришу! Григория! Ты бабушка теперь!"

Даже Марковна, стоявшая в полуметре от Натальи, расслышала каждое слово и ахнула от радости.

Матушка Наталья, забыв про соседку, чуть пошатываясь, побрела домой, плотно прижимая к уху телефон, расспрашивая про ребёнка и роженицу. А соседка крестила её сухонькой своей щепотью, крестила, пока та не скрылась из глаз...

Премия

В Нижегородскую область Николай Иванович Дронов ехал не по своей воле, а по заданию редакции литературного журнала. Поручений было несколько: поработать председателем жюри областного литературного конкурса, провести мастер-класс, принять участие в награждении лауреатов. А перед самым отъездом добавилось ещё одно:

– Николай Иванович, просьба огромная! Администрация просит, чтобы именно вы вручили премию Ивану Терновому, местному краеведу. Вы же у нас самый титулованный. Услышать добрые слова от такого маститого прозаика, как вы, сами понимаете, дорогого стоит! Согласны? Вот, полистаете в дороге? Книга вроде хорошая, я смотрел, – увесистый "кирпичик" в твёрдой обложке Дронов получил из рук молодого, но уже авторитетного критика Володи Хмарова, кивнул:

– Хорошо, полистаю.

И вздохнул невольно, сам до конца не понимая отчего... Чтение книг всегда было одним из самых приятных занятий в его жизни. Правда, к краеведческой литературе особого интереса не проявлял, подобные книги написаны обычно языком корявым, сухим, казённым. Вот, может, оттого и вздохнул.

Но раскрыв томик в автобусе, все остальные дни командировки, а их было три, Николай Иванович при каждом удобном моменте доставал подаренное ему издание. Он и раньше был знаком с историей земли нижегородской. Но теперь в подаче местного автора уж больно зримо представлялось прочитанное. Складно и песенно получился у писателя рассказ о том, как посылал Киевский князь Владимир Красно Солнышко былинного героя Илью Муромца в здешние края для несения службы пограничной. Нашествия татар, казачьи заставы времён Ивана III и Ивана Грозного описывались подробно и красочно.

Глядя на тяжело опущенные лапы тёмно-синих елей за окном автобуса, Николай Иванович невольно вспоминал слова из книги Тернового, передающие состояние декабристов, которых везли по Муромской дорожке на каторгу.

Главный же раздел книги, который Дронов читал особенно внимательно, нижегородец посвятил Клинскому имению Некрасовых, что в Вачском районе. Имение принадлежало отцу знаменитого поэта и, как утверждал краевед, поэма "Кому на Руси жить хорошо" была написана именно в этих местах. Изучая материалы, касающиеся семьи Некрасова, Николай Иванович поймал себя на мысли, что из прочитанного им за последнее время самой интересной стала как раз книга Тернового. С трудом отвлекаясь на работы конкурсантов, которые Николай Иванович вынужден был просматривать, как председатель жюри, он с нетерпением ждал встречи с краеведом.

И вот в третий день командировки наступила очередь торжества. Церемония награждения проходила на Ваче и продумывалась организаторами до мелочей. В концертный зал районного Дома культуры прибыло начальство из области, которое встречали начальство районное и многочисленные журналисты. Были расстелены красные дорожки, гремела бравурная музыка.

Николай Иванович ждал своего героя и, наконец, увиделся с автором заинтересовавшей его книги. Иван Васильевич Терновой радостно и в то же время смущённо пожал протянутую ему руку. Хотя по возрасту были они почти ровесники, голова нижегородца так же, как и у московского гостя, поседела и полысела, крупные морщины разрезали высокий лоб, Иван Терновой не разучился краснеть и явно не привык к вниманию.

Пока они прохаживались в холле, а потом сидели в зале перед закрытым занавесом, Николай Иванович увлечённо объяснял ровеснику, какую нужную и очень талантливую книгу тот написал!

– Причём, вы совершенно покорили меня своей композицией. А художественные вставки так сочно и "вкусно" написаны, что ставят вас вровень с лучшими прозаиками, которых я знаю сегодня. Очень, очень рад нашей встрече!

На все его добрые слова Иван Васильевич смущённо улыбался. Удалось узнать, что до пенсии работал он механиком в совхозе. Писать начал давно, печатался в областных изданиях, а, бывало, и в столичных журналах. По этим публикациям несколько лет назад был принят в писательский союз. Но книга с повестями и рассказами до сих пор лежит в рукописи, издать не получается. А краеведческий сборник, который так понравился знаменитому Дронову, Иван Васильевич собирал с юности, сидел в архивах, ездил по библиотекам областным и столичным.

– Да я подумать не мог, что книгу заметят... тираж ведь небольшой совсем. Спасибо вам огромное. Я и не мечтал, что вот буду разговаривать... Я все книги ваши берегу! Ну, те, что достать смог...

– Это вам, спасибо, Иван Васильевич! За вашу работу, талант самобытный! Я сегодня со сцены всё скажу. Пусть знают, какой у них писатель живёт!

Николай Иванович выполнил обещание. Он не пожалел высоких слов в честь Тернового. И зал стоя рукоплескал лауреату, глаза которого блестели от счастья. После торжества к Терновому потянулись с поздравлениями. Лауреат виновато краснел, слушая от чиновников, что те "регулярно читают его книги"...

Дождавшись своей очереди, Николай Иванович ещё раз обнял писателя.

– Ну, пойдёмте занимать места за банкетным столом. Вы будете главной персоной! – радовался за Тернового московский гость. А тот вдруг чуть отстранился, пропуская его:

– Вы уж простите меня ради Бога, но придётся мне убежать. Дочь позвонила – внука забрать из садика некому...

– Да вы что?! – вскинулся Николай Иванович, – Это же ваш день! Да кто знает, будет ли ещё такое торжество в вашу честь?!

– Не будет... – тихо улыбнулся он. – Я эту книгу чудом издал... кредит брать пришлось, ещё не расплатился до конца. А про следующую и не загадываю. Старый уже.

– Да вам писать надо и большими тиражами издаваться! Вы человек редкой души! Ваша книга во всех библиотеках области должна быть!

– Николай Иванович, поймите, книжка вышла благодаря жене с дочками... Думаете, легко им со мной? Сижу – кропаю, а должен на хлеб зарабатывать! В долгу я перед ними! Надо идти, извините...

Всю обратную дорогу в Москву Николай Дронов мысленно разговаривал с новым знакомцем, стараясь отыскать варианты, как и чем помочь ему. Но ничего утешительного придумать не мог: издательствам московским книга нижегородская не нужна, в журнале её тоже не опубликуешь. А местное начальство, слушая горячие слова Дронова, только плечами пожимало, мол, и так Тернового поддер-

жали – премию получил. "И домашние у Ивана... неужто, правда, даже в тот день без деда не обошлись бы? Эх!...". Крапал дождь за окном автобуса. Мелкий, беспросветный...

Пандемия

Мама звонила не вовремя. Как всегда в последнее время. Телефон рвал тишину в тот момент, когда много работы, когда болит голова, кофе убегают, наконец... Альбина заторможенно смотрела на телефон и пыталась угадать, что же на этот раз? Гениальные стихи? Мерзкая погода? Ватсап ювелира, который должен починить ей серёжки?..

– Ма, у тебя срочно? Можно, я перезвоню через полчаса? Через двадцать минут! Можно?..

Опустила айфон. Снова уставилась в экран ноутбука, помедлила и всё ж отставила компьютер, встала с дивана. Пора размяться, ноги затекли. В комнате бардак. В огромном зеркале плательного шкафа предательски отразилось барахло на кресле, туалетный столик с кучей грязных салфеток, смятая постель с икеевским чёрно-белым пододеяльником (вчера ещё собиралась бросить его в стирку), неуклюже задёрнутые шторы на большом тёмном окне... Мама обязательно и всенепременно расправила бы их. Пусть мир рушится, а шторы должны быть в порядке. Чтоб с улицы смотрелись идеально. "Икеевский пододеяльник с цифровым рисунком она бы точно никогда не купила. Мама любит кружева... – Альбина с минуту постояла посреди комнаты и нерешительно направилась на кухню. – Удивительное дело. Почему-то после звонка из дома беспорядок заметнее. Полтергейст какой-то".

Ноги сами привели к холодильнику. А куда ж ещё? Альбина знала эту их особенность и держала полки пустыми. Только листья шпината да стаканчик обезжиренного йогурта. В морозилке – ягоды, рыба, манго. И кубики тыквы. Взять несколько, что ли? Погрызть сырой тыквы на ночь... В детстве мама готовила из неё кашу-размазню с молоком и рисом. Или запекала в духовке большие сахарные ломти... "Это сколько ж в каждом калорий?". Особо строго за калориями Альбина стала следить во время карантина. А как иначе, если фитнес-залы не работают, бассейны тоже. Даже на улицу выйти нельзя...

И билет в Германию, купленный полгода назад, оказался пустой тратой денег. Ещё весной Альбина должна была улететь в Гамбург, но прошло лето, началась осень, а Гамбург всё так же далеко. Как и Рома. Их вялотекущий роман, наконец, сулил желанное продолжение. Альбина даже иногда просматривала свадебные платья в каталогах. Познакомились они с тридцатичетырёхлетним программистом в Интернете, когда Альбина ещё была замужем. О чём честно написала русскому немцу Роме после его комплиментарных сообщений в Контакте. И пять лет они ничего не знали друг о друге. Альбина успела пережить все перипетии с разводом. Успела достроить дом, который начинали вместе с мужем, но "любовная лодка разбилась о быт"... Успела пустить в дом квартирантов, потому что невозможно жить одной на два этажа.

Сначала, правда, она завела собаку. Дворнягу, но роскошную, похожую сразу и на шотландскую овчарку, и на афганскую борзую, особенно в "полёте". Альма, так звали псину, не умела бегать, она летала, буквально пласталась по воздуху. И по характеру они с хозяйкой похожи – улыбчивые до невозможности. Сама радость плескалась в глазах и Альбины, и животины, когда выходили на пробежки, встречались с соседями.

А бессонными ночами Альбина сидела в компьютере и слушала Вагнера.

Альму пришлось отдать в хорошие руки, когда Рома снова написал "в личку", и уже ничто не мешало встрече. Границы тогда были открыты, самолёты выполняли запланированные рейсы точно по расписанию. И Альбина улетала в Германию и на месяц, и на два, да хоть на... Два года – встречи и расставания, звонки и сообщения. Объяснения в любви и полный разрыв. И заново, с короткого слова, ничего не значащего разговора о... погоде? Какая разница, ведь они опять слышали друг друга. Уже звучали заветные слова. Полгода назад в марте уже был куплен билет... "Какие полгода? Семь месяцев и двадцать шесть дней". Альбина взглянула на своё отражение в чёрном окне, хлопнула форточкой – больно свежий ветер гулял по комнате – тронула клавишу миниатюрного радиоприёмника.

"Число больных коронавирусом растёт... Пандемия...".

И снова упрямый телефонный звонок завопил на всю квартиру. Но не было сил взять трубку и разговаривать с мамой бодрым голосом. "Я перезвоню... Минут через двадцать. Обязательно перезвоню...".

Кусочек от рифа Стасья

Она хлопнула дверь так, что разом оглохли все девять этажей, а сердце в груди сжалось холодным комочком. Ждать лифт бесполезно – час пик. Бросила себя в лестничную темноту, но уже на

третьей ступеньке замедлила шаг, боясь оступиться. Да, прить уж не та. А всего-то десять лет назад, в сорок с небольшим, брала лестничные марши одним махом. В тридцать тащила при этом сумки с продуктами, а в двадцать детскую коляску с горлающим Серёжкой. Валерий в это время бредил партитурами и делал инструментовки. Забывал даже о еде. Приходилось чуть ли не силой отнимать его от рояля, иначе свою язву он заработал бы не в тридцать девять, а гораздо раньше. Соответственно, намного раньше пришлось бы придумывать для него диетические блюда. А сколько сил могло уйти на то, чтобы впихнуть их ещё и в Серёжку! Готовить для каждого отдельно она тогда была не в состоянии: свою долю времени и здоровья требовала кандидатская.

Защиту перенесли в Ростов, обязали дать мастер-класс, да ещё перед самым его началом поменяли программу. Ничего. Справилась. От натиска её интеллекта раскололся крепкий орешек: малоизвестная прелюдия Баха вместе с оппонентом, профессором Огрызко. Правда, "скорлупа" от "орешка" осталась – нервная хроническая бессонница, изматывающая словно лихорадка. На правах старой подруги она всегда может накинуться с "объятими". Как нынешней ночью. Хотя с вечера всё складывалось удачно. Внук Виталька быстро уснул. Нужно было воспользоваться этим и лечь самой, считать овец, авось... Так нет же! Вспомнила про дипломную работу Лены Заречной, решила посмотреть. Искать пришлось в стопе бумаг на рояле. Туда теперь частенько кладут важное, сберегая от Витальки. Партитуры мужа она бы никогда не тронула. Но от неловкого движения они качнулись и полились на пол нотным дождём. Фотография выглядывала из новой, ещё не дописанной рукописи. "Любимому профессору Валерочке от вечной студентки Натки", – прочла она. Перевернула снимок – старая знакомая. "...Зачем он хранит? Год назад клялся, что давно забыл и опять? ...или от вечной студентки Натки зависит его вдохновение?..".

Она собрала бумаги, положила фотографию сверху. Помедлила. И решительно засунула её обратно в ноты.

Утром, хмурясь от ноющей головной боли, сварила овсянку для Витальки и мужа, выставила сметану, чтоб к завтраку подогрелась.

– Ма, где мой чистый халат? – заглянул на кухню Серёжка, – сегодня сложная операция. Только не говори мне о нашей прачечной и о том, что они должны платить тебе зарплату!

– ...Возьми в шкафу на плечиках.

– И ещё, ма, Софья просила памперсы купить, а я не успею. Выручишь? И чернослива!

Когда вернулась в комнату, мужа в постели уже не было. Быстро принялась собираться на работу. Стараясь не встретиться с Валерием, выскочила в прихожку, чуть задержалась у зеркала. "Жаль, так и не купила тот синий костюм, а я в нём такая стройная"...

– Солнышко, я ведь просил: не покупай сметану в магазине! – настиг её голос мужа. – Договорились же – только на рынке. Есть невозможно! ...Ты меня слышишь?

Она схватила сумку и вместо ответа хлопнула дверью так, будто вlepила затрещину.

Жиденький серый воздух обесцветил мир и саму надежду на светлое будущее. "Если тебе почти шестьдесят, всё хорошее уже случилось", – думала она, глядя вслед убегающему трамваю. Остановка пуста. Зябко, сыро. Когда теперь подойдёт следующий? И вдруг ярко-освещённый трамвай выплыл из-за поворота, лёгкий, пустой и грохочущий. С весёлым треском распахнулись дверцы-гармошки. Она осторожно поставила ногу на ступеньку, точно не доверяла везению.

И предчувствия оправдались! Внушительный толчок сзади едва не сбил её с ног. Должно же было что-то случиться! Влетевший в последнее мгновение пассажир сам испугался содеянного. Большая серая шляпа сползла ему на нос. Он неловко поправил её, принялся бормотать извинения. Наконец сообразил помочь даме – усадил на изодранное сиденье и сам плюхнулся рядом. Сразу заговорил. У него были длинные пышные усы. Густой баритон пробирался сквозь них, и наверное от этого слова звучали и мягко, и одновременно весомо. Его приятно было слушать. Говорил он увлечённо, с живым огоньком в глазах. Сорок минут пути пролетели незаметно. Она вышла в мокрое утро, он поехал дальше.

В институте сонный вахтёр молча протянул ключи. Вошла в класс, бросила сумку и осторожно разжала ладонь. Алы коралл со дна Красного моря блеснул тонкими искрами. "Это кусочек от рифа Счастья, – вспомнила она голос Серой шляпы, – я безмерно рад подарить его Вам!".

Она подошла к окну, чтобы лучше рассмотреть подарок. Вдохнула поглубже – и точно морской свежестью наполнило грудь. Улыбнулась. И вдруг смущённо прижала коралл к щеке...

ВЛАДИМИР АРХИПОВ

ЗА ЧТО Я РОДИНУ ЛЮБЛЮ

Свети, рябина красная!

*Братьям моим –
Ивану, Александру, Виталию*

Деревня стужей скована.
Как отблески зари,
Горит на подоконниках
Рябина изнутри.

В моей деревне исстари
Меж стёкол клали гроздь,
Чтоб оставались чистыми
Они в любой мороз.

Спасительная ягода
Аж прожигала лёд!
Мы запасали загодя
Рябину каждый год.

Поведаю с улыбкою:
Игрушек в доме нет –
Мне вешали над зыбкою
Рябиновый букет.

Рябина, с детства милая,
Ты сласть моя и страсть!
Ты непонятной силою
В судьбе моей зажглась!

Когда в годину грозную
Отец на битву шёл,
Рябиновыми гроздьями
Переливался дол.

Когда упал под Оршею,
Осколками пробит,
Подумал он: а кровушка
Рябинушкой горит...

С Победой и осколками
Пришёл на Рождество.
Он сотворил на ёлке нам
Рябины торжество.

Нужда послевоенная.
Блины из лебеды.
Мы ягоды целебные
Клевали, как дрозды.

Живи, рябина красная!
Свети во все века,
Как в доме стёкла – ясная,
И, как судьба, горька.

Нам предками завещано
Хранить родной народ.
Спасать своё Отечество
Настал и наш черёд!

Мы – русские! Мы выстоим!
Попробуй, враг, тронь!
У нас в глазах неистовый
Рябиновый огонь!

С белым облаком берёз

Я давно, друзья, гадаю –
Почему в стихах летаю?

Стал я с детства отмечать –
Впору крылышкам торчать!

Папа – сельский гармонист,
На войне – артиллерист.

Крепко мой отец работал
По фашистским танкам, дотам.
На геройский сей момент
Жуков выдал документ.

Папа с удалью-отвагой
Расписался на рейхстаге.

С фронта шёл солдат домой
С парашютом за спиной.

Знал, что трое малых птах –
Без штанов и без рубах.

Я к солдату прыгнул с рамой –
До сих пор от рамы шрамы.

Весь в бинтах стоял малец,
Словно раненый боец!

Мамой я могу гордиться –
Петь большая мастерица.

Пела мама: "Парашют,
Из тебя рубашки шьют!".

О рубашке весь рассказ,
В ней пошёл я в первый класс.

Потому крылатым рос
С белым облаком берёз!

Был я маленьким...

Был я маленьким, очень маленьким, –
Может быть, чуть побольше валенка.

Годы трудные, послевоенные.
А от зноя – поля бесхлебные.

На деревне любой ребёнок –
Как работник, почти с пелёнок.

Ох, как спать на рассвете сладко!
Но стучит у ворот лошадка.

Разговор у отца короткий:
"На работу даю пилотку!"

Я от радости вместе с солнышком
Поднимаюсь легко, как воробышек.

Надеваю пилотку быстро –
В ней отец победил фашистов!

Люди, птицы, зверьё, дивитесь –
Я в пилотке, как воин, как витязь!

Мне совсем на Карюхе не страшно,
Мы бороним весеннюю пашню.

Ходят следом грачи, вороны,
Бороне моей бьют поклоны.

Забороним, затопчем с Карюхой
Невезуху и голодуху!

Будут, будут к первому классу
И букварь, и тетрадки, и краски!

Легче пёрышка вес у всадника,
Место всадника – в детском садике.

Что за птички в глазах летают?
Засыпаю я, засыпаю...

Словно солнечный снопик жита,
Под копыта лечу, под копыта.

В тот же миг моя лошадь встала,
Замерла, а потом заржала.

Загремела Карюха уздечкой:
Поднимайся, мол, человечек...

...Было времечко – даже лошади
Нам желали всего хорошего.

Это было. Да, это было!
Что же сердце мое заныло?

Часто вижу во сне Карюху,
Я в пилотке на оба уха.

Дорогие воспоминания!
Но во сне я не слышу ржания!

Но только из луны

Хрупок мой сон – как ледок на реке.
Горькие мысли – слезой в кулаке.

Люди душою скудеют, мельчают,
Словно сады без ухода, дичают.

Рвётся, как нить, сострадание к близким –
Тоньше оно комариного писка.

Помню, как мама в военные годы
Нищим картошку несла с огорода.

Сами питались крапивою приторной –
Трое своих, да и дети из Питера.

Грелись гурьбою под тёплой овчиной.
Печка топилась, светила лучина.

Нынче на улицах морюшко света.
Люди в роскошные шубы одеты.

Нет, не от стужи мне муторно, зябко.
Тут не помогут ни печка, ни шапка.

Как мне любилось легко и писалось!
Что же осталось? Ледок да усталость...

Ветер колышет рассветные ивы.
Господи, дай мне отваги и силы!

Утро не скрасит житейскую драму.
В комнате пол, как оконная рама.

Ломтики солнца, упавшие с неба,
Можно потрогать, как ломтики хлеба...

Восторг во мне живёт

Люблю детишек больше жизни!
Когда они на шее виснут,
Когда, крикливы и легки,
Ныряют, словно поплавки.

Когда детсадик "Колокольчик"
Восторгом утренним клокочет.
Когда приходят сто друзей,
Зовут стихи читать скорей.

Под стук весёлых барабанов
Меня избрали атаманом.
Теперь живу, как на вулкане.
Теперь стою – как на посту.
Они растут.
И я расту!

Улыбка

Поезд шёл по утренней стране.
Улыбалась девушка во сне.

За окном клубился мир зелёный.
Улыбалась дева, как ребёнок.

Что приснилось юному созданию?
Может, радость скорого свиданья?

Может, дева яблоко срывала?
Платье дорогое примеряла?

Может, зайчик солнечный из окон
Щекотал ей золотистый локон?

У жильцов вагонного квартала
Аура особая витала.

И от этой от улыбки малой
Радость потихоньку закипала.

Как же мало человеку надо! –
Тихая улыбка, нежность взгляда.

На душе, как в храме, благодать!
А до счастья – лишь рукой подать...

Поезд шёл по утренней стране.
Улыбалась девушка во сне.

Купание на рассвете

Я сегодня лихой повелитель чудес, –
Я на родине кое-что значу.
Я дарю тебе северный девственный лес
Да и речку лесную в придачу.

Мы идём на рассвете, сбивая росу,
На свидание с речкою детства.
Принимай же в наследство родную красу
И носи её бережно в сердце!

Ловит солнышко каждый листок и цветок.
Стрекоза над осокой летает.
Много рыбок таит в глубине омуток,
Только ты у меня – золотая.

Потому я в любви и душой молодой!
Потому мы, восторгом согреты,
Словно птицы, парим над рассветной землёй
И смеёмся, как малые дети!

Так разбудим с тобою речное стекло,
Поплывём под зелёною ивой!
Я хочу, чтобы рядом струилось светло
Бесконечно волшебное диво!

Ноябрь в лесу

Т.В.

Лес давно забыл о лете.
Взял ноябрь свои права –
Резким ветром, словно плетью,
Обнажает деревья.

Дух отваги ходит лесом,
Каждый ствол расправил грудь.
Только этот мудрый месяц
Обнажает жизни суть.

Кто коряв, кто блещет статью...
Белотелый строй берёз,
Словно доктор, шустрый дятел
Проверяет на износ.

Первый снег над тропкой кружит,
Под ногой стреляет лёд.
Скоро рощица от стужи
Каждой веткой запоёт.

Налетит мороз жестокий,
Силой буйствуя, слепя...
Я судьбу деревьев стойких
Примеряю на себя!

Мне ноябрь – пути начало.
Хватит до весны тепла!
Только б музыка звучала,
Только б ты со мною шла!

Далёкий мотив

В каждой кувшинке – по солнцу,
В каждой травинке – заря.
Ивушка веточкой сонной
Ловит в реке пескаря.

Утро искристое, росное.
Тянет с реки холодком.
Мама в цветах сенокосных
Машет весёлым платком.

Тихая музыка льётся
И уплывает в зенит.
То ли девчонка смеётся,
То ль колокольчик звенит.

Светятся церковь и ельник.
Бьётся сердечко в груди...
Кто ж этим чудом-твореньем
Нас на земле наградил?

Ягодой пахнет лесною.
Птица поёт и поёт...
Это родилось со мною,
Это со мной не уйдёт.

Дали мои синеокие
Светятся ночью и днём...
Это – из детства далёкого!
Это – о счастье моём!

Выйду в сад...

Выйду в сад мой притихший,
заснеженный
И поглажу деревья с нежностью.
Эта яблонька так прелестна! –
Словно в белой фате невеста.

А на самом краю сиротливо
Старой бабушкой клонится слива.
На ветру одинокий листочек,
Как ребёнок во сне, лопочет.

Жмутся вишенки оробело –
Как зайчата в шубейках белых!
Чу! Кому там в ветвях не спится?
Завтра надо кормить синицу.

Сколько в зимнем саду народу!
Я с деревьями – часть природы!
Мне для счастья немного надо –
Дом родной и дыхание сада.

Удивительное состояние –
Раствориться звездой в мироздании!
Зреет радость в душе упрямо –
Как молитва в Небесном Храме!

Мне смешны у живущих страсти –
По богатству, славе и власти.
В человеке с пелёнок, с детства
Вечна тяга к добру, совершенству.

Жизнь сурова и быстротечна –
Красота на планете вечна!
Люди ждут в Новогодье чуда.
Будьте счастливы, добрые люди!

Чтобы вместе с природою весною
Возродиться душою и листвою!

Взгляд с вершины Станового хребта

*Становой хребет в Восточной Сибири –
водораздел бассейна рек
Северного Ледовитого и Тихого океанов*

Я стремился к облакам –
Тучи ходят по бокам.

Высоко я, друг, взлетел –
Здесь земной водораздел.

Прыгают с уступов речки,
Словно в детстве кошки с печки.

А с вершины их излуки –
Как раскинутые руки.

Знает даже бурундук –
Кто на север, кто на юг.

Золотинка деловито
Катит воды в Ледовитый.

А сосед Холодникан
Рвётся в Тихий океан.

Под ногой кедровый стланик
Тоже рвётся к океанам.

Над седым стою туманом
Первобытным истуканом.

Долго я себя морочил
Испытанием на прочность.

Мёрз в степях, тонул в глубинах –
Мир открылся на вершинах.

Да, Поэт сказал недаром:
Он, Поэт, как "вождь земшара".

В муравейнике людей –
Как в плену у дикарей.

Жил я честно.

Между прочим,
Беспартийным комсомольцем.

И теперь мой верный друг –
Беспартийный бурундук.

Кто твердил – какая жалость! –
Жизнь на море зарождалась?

Жизни первые истоки –
На вершине белобокой!

Сплю в палатке, как убитый,
Головой на Ледовитый.

Тихий океан порошей
Будит утром за подошвы.

Что ты так стучишь, сердечко?
Мы – как миг, вершины – вечны!

Но зато я, выпив чаю,
Первым солнышко встречаю.

За что я Родину люблю

За что я Родину люблю?
За что я вместе с ней страдаю?
И каждый вздох её ловлю,
И слёзы горечи глотаю?

Пора молитвой воссиять!
Пора прогнать лихого зверя!
Тебе работою не бывать!
Тебя спасут любовь и вера!

Не взяли пулей и штыком.
Проникли в праведную душу.
Но никогда в краю родном
Не будет враг святыни рушить!

Россия милая, живи!
Иди дорогою державной!
Сынов своих благослови
Вернуть Руси былую славу!

Скажу я мёртвым и живым,
Скажу я Родине любимой:
Наш русский дух – несокрушим!
Святая Русь – непобедима!

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

ПОЭТ И МУЗА

Душа

Событья дня, недели, месяца
Её волнуют, но слегка.
Душа иного мира крестница,
Её Отчизна далека.

Она здесь словно в эмиграции,
Ей, может, завтра в путь уже.
Вот почему на демонстрации
Ходить не хочется душе.

* * *

Давно в душе живёт сомненье:
Куда, по чьим иду следам?
Будь у меня сейчас именье,
Я не уверен, что раздам.

Ступлю на страшную дорожку,
А там и душу под залог?!
Но нет именья, слава Богу!
И не появится, даст Бог...

Ночной пейзаж

О бессмертье шепчут травы,
В тайну высь погружена,
Жёлтым камнем без оправы
Над землёй висит луна,
А в реке течёт от века
Серебристая вода.
Ну, а то, что человека
Здесь не видно – не беда...

* * *

Мир перешёл в иную плоскость,
На новый снизился виток,
А у меня ушла вся лёгкость
Рожденья стихотворных строк.

Теперь, настраивая лиру
С большим трудом на старый лад,
Большим врагом я стану миру,
Чему я как бы даже рад...

* * *

Как других я утешу,
Если сам возмущён?
Ты считаешь, я брежу?
Как поэт, я польщён.

Среди мрака и света,
И иного всего,
Нет правдивее бреда
На земле ничего...

Поэт и Муза

Из тысяч выбрала его,
Должно быть, чтобы посмеяться,
И для тщеславья своего
Создать из трагика паяца.

Но истоцилась Муза вся,
Силёнок, явно, не хватало, –
Тогда она женою стала,
И план коварный удался.

Несостоявшийся поединок

Я у жизни не в опале, –
Так всё время думал я.
Глядь, судьба стоит в забрале,
Да не чья-нибудь, моя.

Пнём стоит и не грозитя.
"Эка, – думаю, – с такой
Можно будет и сразиться.
Выходи на честный бой!"

Молодецки кровь выиграла,
Обращаясь, как с кумой:
"Подними, – кричу, – забрало!"
Подняла – там череп мой...

Автошарж

Не испугаться нет ни шанса,
Меня увидев на крыльце,
Я – Дон Кихот и Санчо Панса,
И Росинант в одном лице

В храме

Сколько каялся, не счесть,
Но опять грешу, о, Боже.
Способ лишь один, похоже,
Очищенья в мире есть.

Словно с финкою в спине
Подхожу я к аналою.
"Неужели зло во мне
Истребимо лишь со мною?"

Вопрос

...Чтобы от истины ходячей
 Всем стало больно и светло!
 А. Блок

А если таинством созвучий
 Поднять настолько ремесло,
 Чтобы от истины летучей
 Без боли стало всем светло?..

* * *

Ты мне давно не пишешь писем
 И на звонки мои молчишь.
 Я, наконец, стал независим,
 Как независим в клетке чиж,
 Который, медленно сгорая,
 Поёт в пространстве роковом,
 Скупые слёзы вытирая
 Своим крылатым рукавом...

* * *

Чтоб мы не думали о Боге,
 Нам говорили: "Бога нет!".
 Но как-то робко, и в итоге
 Нам воссиял небесный свет.

Но живы в памяти фантомы,
 И не распахнуты сердца,
 Я до сих пор не знаю, кто мы,
 Не понимаю до конца.

Побег

Я в детстве жил в плену иллюзий,
 Теперь живу в плену у Музы,
 В плену тревоги за страну...
 Вся жизнь с рождения – в плену.
 Но всё на этом свете тленно
 И предсказуемо вполне:
 Удачный мой побег из плена
 Железно предначертан мне
 Под крик жены и плач детей
 В кругу мерцающих свечей.

Муза

Не появилась, слава Богу.
 Сегодня можно отдохнуть:
 Покинуть тесную берлогу,
 Пойти в кафе винца глотнуть.

Смотреть в окно, как задымилась
 В реке осенняя вода,
 И сожалеть, что не явилась,
 И ждать, появится когда...

Велюсть

Вот я опять в гостях у мамы,
 Где во дворе особый свет,
 Где в мутных стёклах ветхой рамы
 Мелькает мальчик шести лет.

Стоит рассохшаяся кадка
 И видит в снах себя с водой.
 Здесь от царившего порядка
 Остался отблеск золотой.

Осталась мамина опека:
 А где я был, пойду куда?
 И та меж нами четверть века,
 Что не исчезнет НИКОГДА.

Грозовой ночью

Дождь. Ветер. Ночь. Жена в больнице.
 За сотни вёрст я слышу стон,
 Но я устал уже молиться,
 Смыкает веки мои сон.

Печальна страждущих обитель,
 Где часто прячется беда.
 Скорее, ангел мой хранитель,
 Лети туда!

Неизрежённое

Мир не казался мне нелепым,
 Я не был лишним на земле,
 Я мог душой коснуться неба,
 Любил картошку печь в золе,
 И корку хлеба ел я с хрустом,
 И пахла солнышком трава...
 О, как светло и больно чувствую
 Не соответствуют слова!..

* * *

Сколько лет это было назад?
 Наша старая хата,
 осенний
 В первом инее старый наш сад.
 "Подморозило", – дядя Арсений
 Говорит, в рукомойник стуча,
 И так громко и гулко смеётся,
 Что кот Мурзик даёт стрекача
 В лопухи, что растут у колодца.
 Я стою на ступеньке крыльца
 Полусонный в объятьях рассвета,
 И не знаю, что я до конца
 Своих дней вспоминать буду это...

* * *

Глядит сквозь тучи месяц тонкий.
Присядь, мой друг, поговорим:
"Не проклянут ли нас потомки
За всё, что мы сейчас творим?
Ведь мы, кто вольно, кто невольно
Грехам потворствуем...". И тут
Мой друг прервал меня: "Довольно,
Не сомневайся, проклянут!".

Хотел сказать ему: "Не верю,
Ведь есть и добрые дела!".
Но он, ужасно хлопнув дверью,
Уже мою покинул келью,
Забыв на стуле два крыла...

Молитва

Прости за мысли все и чувства,
Не освящённые Тобой,
За всю бессмысленность искусства,
Случайно ставшего судьбой.
Прости, – в Твоей ведь это власти, –
За не сближение с людьми,
За полыханье жгучей страсти
И за отсутствие любви.
Прости за молодости грёзы,
Прости за встречи на бегу,
Прости меня за эти слёзы,
Жить без которых не могу...

Мыс Доброй Надежды

Опять навязчивые мысли
И тяжесть в чувствах и в груди,
Но говорю себе: "Не Мыс ли
Надежды Доброй впереди?
Вы, страхи мира, не кошмарьте
Моих ночей, имейте честь.
Я видел этот мыс на карте,
И с детства знаю, что он есть...".

* * *

Я – русский человек,
Я бедами учёный,
И длится целый век
Порою день наш чёрный.
Примеров – без конца,
Их тысячи, трясина,
Средь них и жизнь отца,
А, может быть, и сына...

* * *

Сергею Зубареву

Я не даю обет молчания,
Я не сумею не писать,
Но никому своё отчаянье
Я не пытаюсь навязать.

Душой, исполненной разлада,
Я всем правдиво говорю
Как жить и чувствовать н е н а д о.
Я благо, может быть, дарю...

* * *

Пускай не скоро, но из комы
Век выйдет, надо полагать.
Но вот Любовь, увидев кто мы,
Встреч с нами стала избегать.

Нависла страшная угроза:
А если все мы без Любви
Вдруг перестанем быть людьми,
То кто на розу скажет "роза"?..

Обиженность

"Света! Света! Мало света", –
Бьётся в купол голубой
Крик души, а у соседа
Полумесячный запой.

Я ему помочь не в силах,
Даже если и найду:
В двух, как минимум, Россиях
Он живёт в своём бреде...

* * *

Николаю Дорошенко

Я вспоминаю то и дело
Картину давних-давних лет:
Куда-то стая птиц летела,
Куда-то плыл на лодке дед,
Заря всё в краски одевала,
А в небе облако стояло,
Как счастья детского печать –
Ни за кого не отвечать...

* * *

Мы шли по берегу затона,
Снег падал с неба всё слабей,
Потом мы крошками батона
Из рук кормили голубей.

Недалеко смеялись дети,
Катаясь с горки ледяной.
Нет одиночества на свете,
Пока душа моя со мной...

* * *

Сердце бьётся кое-как,
Еле-еле душа в теле,
Всем мечтам цена – пятак.
Боже Правый, неужели

Это я – тот мальчик смуглый
И с глазёнками, как угли,
С гибкой удочкой в руке,
Днями живший на реке?
Чем, – я голову ломаю, –
Провинился мальчик тот?!
Может быть, я идиот,
Господи, не понимаю...

* * *

Тая в себе и зависть, и испуг,
Я чувствую себя совсем неважно.
Такие души светлые вокруг,
Что за свою и совестно, и страшно...

* * *

За всё меня, братья, простите,
За глупость несбывшихся грёз,
За водоношение в сите,
За неприближение к свите,
За строки, сырые от слёз...

* * *

Ещё с молодости, каюсь,
Я до жжения в груди
День и ночь в себе копаюсь,
Будто клад решил найти.

И давно бы уже надо
Заступ выпустить из рук.
Не найти в себе мне клада,
Но живёт в душе: "А вдруг?..".

* * *

Скорбит душа и днём, и ночью
О чистоте былой своей.
Не видно этого воочью, –
И оттого ещё больней.

Когда я в храме крест целую,
Смеётся в спину мне беда:
Ведь чистоту вернуть былую
Душа не сможет никогда,
Но в том, что я не ошибаюсь,
В душе уверенности нет...

Родина

*Погляди мне в глаза, как бывало...
Иван Бунин*

Ты другою давно уже стала,
Не сумел я тебя уберечь,
Тьма над нами крыла распластала,
Исковеркав и душу, и речь.

Всё пошло по бесовскому кругу,
От былого уже ни следа.
И не смотрим в глаза мы друг другу –
Ты от горя, а я от стыда...

Ночь

Выхожу в этот час тёмно-синий,
Чтоб увидеть в стотысячный раз
Как растерянно смотрит Россия
На таких же растерянных нас.

Детство

Я каждым мигом удивлён,
Причём, без видимых причин,
Мир для меня не разделён
Ещё на женщин и мужчин.

Плывут по небу облака,
Я с ними по небу несусь.
Бессмертен я ещё пока,
Но скоро я, увы, проснусь.

Ужасно будет пробужденье,
Исчезнет ангельский мой чин,
И мир на женщин и мужчин,
Разделится – и всё значенье
Совсем иное обретёт.

* * *

Я не безвольный раб у плоти,
Мной много пройдено дорог,
Я в чём-то даже к себе строг,
Но чтобы о моём народе
По мне судили – не дай Бог!..

* * *

Сквозь строки старого письма,
Случайно найденного мною,
Блеснула давняя зима
Своей улыбкой ледяною.

Вошла неслышной снегопада,
И воздух стал тягуч и мглист,
Как будто два прощальных взгляда
Вновь свёл тетрадный этот лист.

Негальное

Ничего я не достоин,
Уж тем более похвал.
Я не пахарь и не воин,
Я всю жизнь стихи слагал,
Чтоб добром строка лучилась,
Чтоб светлее всем жилось,
Но, увы, не получилось,
К сожаленью, не сбылось...

* * *

О Боге думаю я часто,
Но редко в храм Его хожу.
И сверхъестественного счастья
Себе я больше не прошу.

Я жду последнего трамвая
С обычной целью – в него сесть
И ехать в нём, обозревая
Ночь из окна, подозревая,
Что это счастье-то и есть:

Огни мелькающей рекламы,
Воспоминаний длинный ряд,
Сидящей по соседству дамы
Запоминающийся взгляд...

ЮРИЙ ВАСИН

У РАЙСКИХ ВРАТ

Я Русский!

Да, я Русский! Я этим горжусь!
Лишь пред Богом встаю на колени.
За мною правда и Святая Русь!
Честь, слава, опыт предыдущих поколений!

Да, я русский, татарин, калмык.
Я карел, я мордва, я аварец.
Я еврей, кабардинец, кумык.
Я чеченец, лезгин и нанаец.

Украинец, якут, белорус,
Осетин, караим и мариец.
Адыгеец, бурят, грек, тунгус,
Ханты, манси, черкес и тувинец!

Народы всей большой моей страны
Навеки стали мне по духу побратимы!
Сплоченностью, единством мы сильны!
Пока мы вместе – мы непобедимы!

* * *

Здесь мы – там они,
Посредине ничья полоса.
Нет здесь войны,
Только закрою глаза...
Птицы поют,
Им чего унывать,
Ведь они не поймут,
Как не хочется мне умирать!

Здесь мы – там они,
В травах высоких лежим.
При рожденье зари
За тебя мы цепляемся, жизнь!
Синей дымки наряд
Лес накинуд, как плед...
Я увидел закат
И мечтаю увидеть рассвет.

Здесь мы – там они,
Лопатами землю грызём.
Долго тянутся дни,
И как камень стал твёрд чернозём.
Ты пригнись лучше, друг,
Положись на меня,
А то ухнет и вдруг
Пухом станет родная земля!

Здесь мы – там они.
И обманчива тут тишина.
Вашу трель, соловьи,
Оборвёт и заглушит война!
Простучит пулемёт
Свою злобную трель
И пехоту прижмёт
В "незначительность наших потерь"...

Здесь мы – там они.
А за спинами солнце встаёт.
Время есть, отдохни –
Пока не накрыл артналёт!
Тишины больше нет,
Снова пули свистят...
Я увидел рассвет
И мечтаю увидеть закат...

* * *

Курим "Приму" перед боем,
Загораем на броне.
Сашка, мы с тобой герои,
Отличились на войне.
Нас представили к наградам
За нелёгкий ратный труд.
Как же дома будут рады!
Нас с тобою дома ждут!

Но война – такое дело:
Или пан, или пропал!
Не уйдя из-под обстрела,
БТР наш догорал...
Снайпер целил тебе в спину,
И тверда рука его.
А меня накрыло миной,
Не оставив ничего...

Мне сейчас уже не страшно,
Но беззвучно я кричу:
"Только без вести пропавшим
Быть я, Сашка, не хочу!".
Тихим облачком склонился
Я к тебе, товарищ мой:
"Ты б сюда не торопился!
Слышишь, Санька, ты живой!".

Ты расскажешь, как всё было,
Как в зелёнке нарвались!
Как среди сплошных разрывов
За тебя цеплялись, жизнь!

Как героически умирали,
Кровью харкая в пыли...
Нас теперь вернуть едва ли,
Ну а ты, Санёк, живи!

Сашка, мы с тобой герои,
Отличились на войне!
Эх бы, "Примку" перед боем
Покурить бы на броню!
Взять бы в руки автоматы,
Разогнать печаль свою!
Да ругнуться смачно матом...
Но нельзя... Ведь мы в раю...

* * *

А беда на всех одна.
Знать, такая наша доля...
Забрала мужей война,
Разбросала в чистом поле.
Уходили, помолясь,
Обещали вернуться...
За какую нынче власть
Казачки с врагами бьются...

А беда на всех одна.
И клянём судьбину нашу...
Только выпили до дна
Горькой, злой полны чашу!
И ещё проходит год
Одиночества и горя...
Казачка казачка ждёт,
Всё с надеждой смотрит в поле...

А беда на всех одна.
А мальчонки подрастают.
Боевые ордена
С важным видом примеряют.
Но придёт и их черед
Распрощаться у порога...
Их с собою заберёт
Бесконечная дорога...

А беда на всех одна,
Знать, такая наша доля...
Забрала мужей война,
Разбросала в чистом поле.
Что же милый не идёт!?
Что ж тревожно сердце бьётся!?
Казачка казачка ждёт.
Тот, кто верит, тот дожждётся...

У райских врат

У райских врат стоит комбат
со списком поимённым.
Седой в неполных сорок лет,
невесел нынче он.
За ним полтысячи солдат,
войною опалённых...
Он так бесславно положил
гвардейский батальон.

И к тем воротам, в никуда,
идёт за ротой рота.
Мешая с грязью белый снег,
глотаая чёрный дым,
Всё жметя к призракам-домам
промёрзшая пехота
И тихо тает в пустоте
без зависти к живым...

В глазах солдат кромешный ад
и улиц отраженье,
Плевавших им в лицо огнём
под поминальный звон.
Бездумно брошенный вперёд,
зажатый в окруженье,
За сутки восковой свечой
растаял батальон.

Летит сквозь мрак: "Ускорить шаг!
Поторопиться надо!
Давай шагайте веселей,
вы ж, братцы, не одни!
И мы в том городе чужом,
забытою бригадой,
В морозную шальную ночь
навечно полегли!"

У райских врат стоит комбат
и всё понять не может,
Кто их отправил и зачем
в край вечных дивных снов!?
Он только выполнял приказ,
он выполнял, но всё же –
Своею грудью закрывал
безусых пацанов...

В глазах солдат кромешный ад
и улиц отраженье,
Плевавших им в лицо огнём
под поминальный звон.
Бездумно брошенный вперёд,
зажатый в окруженье,
За сутки восковой свечой
растаял батальон...

* * *

В поднебесной синеве
Гомон птичьей стаи.
Позабывши о войне,
Маму вспоминаю...

Размечтался нынче я,
Мысли все о доме...
Затаилась смерть моя
На кудрявой кроне...

Поле чистое кругом,
Никуда не деться.
И спокойно целил он
Прямо мне под сердце...

Но листвы березняка
Солнца луч коснулся,
Ослепив на миг стрелка –
Снайпер промахнулся!

Я лицом уткнулся в грязь,
Всё геройство к чёрту!
И лежу, не шевелясь,
Притворившись мёртвым...

Разыгралась на дворе
Золотая осень,
Бьёт дождями по спине
И листвой заносит.

А лежать нет больше сил,
Потускнели краски...
Шибко горло мне сдавил
Ремешок от каски.

Солнце, ты давай катись
По небу быстрее!
Из меня уходит жизнь,
Тело коченеет...

Поле чистое кругом,
Никуда не деться!
Поднимусь, так сразу он
Влупит мне под сердце!

В поднебесной синеве
Гомон птичьей стаи...
Ох, не сладко нынче мне,
Маму вспоминаю...

Ты, свою любовь храня,
Помолись за сына,
Чтобы нынче смерть моя
Прошагала мимо...

* * *

До атаки остались минуты.
Утомлён ожиданием взвод.
Здесь война, значит, нужно кому-то
И зачем-то бросаться вперёд!
Пушки бьют по переднему краю,
Жизни рвут ненадёжную нить...
Отсыревшие спички ломаю
И никак не могу прикурить...

Эх, пожевать бы мне сейчас
Пельменей мамкиных, борща!
На скудных воинских харчах
Мне не дают они покоя...
Я написал письмо домой,
Что, не волнуйтесь, мол, живой...
Десятый день оно со мной...
Его отправлю после боя...

Я совсем никудышный вояка,
Что-то сильно мандражит меня.
Это первая в жизни атака.
И войны за плечами три дня!
А сержант наш держался героем.
Ему можно, ему не впервой...
Невпопад всё шутил перед боем,
Говорил: "Скоро, братцы, домой!"

По грязи метров восемьсот,
А там – кому как повезёт!
И захлебнётся пулемёт,
Черкая трассерами поле!
А воевать мне не с руки,
В кровь сбили ноги сапоги.
Они мне злейшие враги...
Их заменю я после боя.

Пушки бьют по переднему краю!
Дождались мы, и вот началось!
Я бегу и куда-то стреляю,
Собирая в кулак свою злость!
Синева разлилась над Бамутом,
И навечно растаял я в ней...
Быстротечно промчались минуты
Той последней атаки моей...

Тишина

А кругом разлилась тишина.
Никогда я не слышал такой.
Может, кончилась эта война,
Быстротечный закончился бой...

И не слышно охрипших команд,
И разрывы совсем не слышны...
Лишь лежит у дороги солдат,
Обалдевший от той тишины!

В подорожник уткнулся лицом,
Рядом с ним догорает броня...
Только мне этот парень знаком...
Пригляделся – а это же я!

Это я был сегодня убит
И укрыт золотым октябрём...
И душа безмятежно парит
Над колонной, накрытой огнём!

Не внесён ещё в список потерь.
Это дело каких-то минут.
И бесшумно захлопнется дверь,
Дверь туда, где давно меня ждут.

И другие, устав от побед,
Вам расскажут об этой войне!
Ну а я... А меня больше нет...
Растворился я здесь в тишине...

Бушевала кругом тишина!
Никогда я не слышал такой.
Но не кончилась эта война,
И ещё не закончился бой!

И нельзя мне сейчас уходить,
Бросив свой окровавленный взвод!
Отчего же так больно в груди!?
Обожгло нестерпимо живот!

Кто-то, сбросив с плеча автомат,
Хрипло матом орал надо мной:
– Эй, тащите его в медсанбат!
Да скорее, ведь он же живой!

Листовка

Ты прости, Земля родная,
Снова мы тебя грызём!
Тут кипит передовая,
Зарываясь в глинозём!

Знать, денёчек будет жарким!
По окопным адресам
Фриц нам в качестве подарка
Тьму листовок разбросал...

Сало, шнапс да сигаретку
Обещает... – сущий рай!
Да евоюю кокетку –
Хоть любую выбирай!

Что зазря, фашист, стараться?
Мне сдаваться – не резон!
Мне милей, родные братцы,
Самосад да самогон!

А в станице на Кубани,
Сквозь войну любовь храня,
Ждет меня моя родная,
Ненаглядная моя!

Вражья бисова страница!
Хоть её мне смысл и чужд,
Но листовочка сгодится
Для других солдатских нужд...

Много ли солдату надо?
После боя – отдохнуть,
Да шепотку самосада
В ту бумажку завернуть...

Всё! Бросай копать, ребята!
Завертелось! Началось!
Эх, патронов маловато...
Но зато – в достатке злость!

И надсадно выли мины,
Полны злобы и тоски,
Жадно нас мешая с глиной,
Разрывая на куски!

Тихо вечер опускался,
Укрывая мёртвый склон...
Жаль, в патроннике остался
Недостреленный патрон...

Без особой остановки
Через нас прошла война...
Поржавевшие винтовки,
Неизвестны имена...

Только, братцы, всё ж неловко –
Через шесть десятков лет
Лишь немецкая листовка
Вам расскажет обо мне...

Та проклятая листовка
Что вам скажет обо мне?

Штыковая

На поле осыпалась рожь.
Над полем прохрипело: "Танки!".
И в этот миг осознаешь
Всю немощь штыковой атаки!

Под каску сжался целый мир,
То, что являлось тобою...
Но отрезвляет командир –
Гранаты приготовить к бою!

О брестер треснула броня
И замер танк, огнём объятый!
И закружил второй, дымя!
И третий встал, четвёртый, пятый!

Горят, проклятые, горят!
А помирать кому охота!?
Без них попятилась назад
Во ржи немецкая пехота!

Свой урожай пожнёт война,
Смерть снова будет не в накладе...
И чертыхаясь, старшина
Штык трёхлинейке приладил.

– Ну что, сынки мои, пора!
Сейчас покажем супостату!
Над полем взорвалось: "Ура-а!".
В бой штыковой пошли солдаты!

Лес

Здесь прошёл бой нынче утром.
Всё дымится, догорая.
Лес стоит, и хмуро-хмуро
Он убитых созерцает.

Пахнут травы не травой.
Пахнут порохом и дымом.
И родник сочится кровью,
Ель разбита хищным взрывом.
Ну а с краю, у опушки,
Где густы у сосен ветки,
Ствол уткнула в землю пушка,
Замолчавшая навеки.

Здесь прошёл бой нынче утром.
Всё дымится, догорая.
Лес стоит, и хмуро-хмуро
Он убитых созерцает.

Вспоминает он о лете,
Дивном лете пред войною.
Приходили в него дети
Собирать грибы гурьбою.
Запах трав был свеж и нежен,
Был родник кристально чистым...
Хочет лес остаться прежним,
Довоенным и ветвистым.

Но прошёл бой нынче утром...

НЕЛЛИ ВАСИЛИНИНА

СЕРДЦА НЕЛЕГКИЙ ГРУЗ...

* * *

Под колыбельную колёс
Засну на верхней полке.
Приснится долгий бег берёз,
Отставшие посёлки...
Проснусь – кубанские поля
Несут в ладонях утро.
Навстречу мне бежит земля –
Соскучилась как будто.
В низинах кое-где туман.
Уже в скирдах солома.
И вдалеке блеснул лиман...
Ну вот – я снова дома.

Желание

Мне хочется совсем одной
Уйти однажды утром ранним
И городской свой непокой
Оставить за домишком крайним.
А где-нибудь
В полдневный час
В траву устало опуститься
И вдалеке от шумных трасс
Услышать тихий плеск пшеницы.
Уткнуться вдруг лицом в траву,
Как матери в подол цветастый...
И ощутить,
Что я живу.
И осознать,
Что это – счастье.

* * *

Я в новый день иду из дома.
И отчего-то мне сейчас
Знакомое –
Вдруг незнакомо,
Как будто вижу в первый раз.

Весной всё кажется в новинку.
Сорвёт нечаянно рука
И поднесёт к губам травинку –
Она, как жизнь,
Горька-горька...

* * *

Фотокарточки
Лягут пасьянсом,
Две медали и орден отца.
Были руки крупны
По-крестьянски.
И упрямство в наклоне лица.
Путь в военное детство
Недолог
И займёт четвертушку стола.
Безотцовщина,
Холод и голод...
Больше хлеба –
Хотелось тепла.
Потому ли тогда на оконце
Рисовала я не калачи,
А подсолнух –
Погасшее солнце,
Что ещё посылает лучи?..

Весна

В лесу весна – цветёт орешник.
И над рекой ольховый дым.
И всё вокруг под солнцем вешним
Казаться стало молодым.

Ещё в листве пожухлой редки
Пролесок синие огни.
И каплями дождя на ветках
У вербы почки в эти дни.

Я удивляюсь желтоцвету,
Узнав мать-мачехи звезду.
Всё тянется к теплу и свету...
И я тепла полжизни жду.

* * *

Как приступ голода –
Желание увидеть,
Прильнуть щекой,
Зажмуриться,
Молчать.
И сердце
Станет сбивчиво стучать
От страха,
Что могла тебя обидеть.

И ничего не надо говорить.
И не на день –
На жизнь –
Я опоздала.
Пусть за окном
Давно закат горит.
Ещё горит.
Что и не так уж мало...

* * *

Между нами не километры
И не годы,
А наша жизнь.
И не пустишь её по ветру,
Даже если не дорожишь.

Эта ноша не плечи давит.
Это –
Сердца нелёгкий груз.
Из далёкой, из дальней дали
Третьей лишней
Приходит грусть...

* * *

Соберусь под вечер
В поле в одночасье.
Травы полевые
Буду в пальцах мять.
Распахнула сердце
Для большого счастья,
Но у счастья
Гордой оказалась стать...
Накручу на палец
Золотистый стебель –
С летом обвенчаюсь
На недолгий век.
Улыбнётся грустно
Тонкий месяц в небе.
Тоже одинокий,
Словно человек.

* * *

Я слышу, как уходит жизнь.
Не чья-нибудь – моя уходит.
Уже не дни –
Мелькают годы.
Не говорю ей: "Задержись".
Не говорю ей: "Не спеши...".
Уходит жизнь,
А с ней печали.
И всё, что виделось вначале,
Уже на доньшке души...

* * *

Я сбегу от тоски,
Как когда-то с уроков,
И окраина снова укроет меня.
В переулках глухих
Мне не так одиноко,
Как среди многолюдья
Привычного дня.
Шум дороги
Останется за поворотом.
Закивает цветущими ветками май.
И скамейки
Уютно приникли к воротам.
А сирени в садах –
Заходи и ломай!
Буду долго бродить
Без дороги,
Без цели.
Будет тихо идти
Лепестков белый дождь.
Хорошо – переулки ещё уцелели,
Где забудешь,
Что сам от себя не уйдёшь...

* * *

Тревожным предчувствием
Счастья
Обмануто сердце опять...
Не может –
Уже не во власти –
Не верить оно и не ждать.
Орлом твои кверху ладони,
И решкой в них лягут мои.
Судьба
Вдруг и вправду обронит
Удачу,
Одну на двоих?..

* * *

Снова жизнь свою переиначила.
Снова выхожу из тупика.
Жаль,
Впустую многое растрчено.
Жаль,
Дорога стала нелегка.
Вновь ищу спасенья
В одиночестве,
Вновь тоска такая – волком вой.
Глупый
Надо мною обхохочется,
Умный –
Покачает головой.

* * *

Дождь стучит,
 Достучаться не может,
 То ли хочет своё доказать,
 То ль тоска по теплу его гложет,
 То затихнет,
 Чтоб снова начать.

Дождь стучит,
 Как усталое сердце.
 И уже хорошо, что стучит.
 В нём я чувствую единоверца.
 Он когда-то,
 Как я, замолчит...

* * *

Моя душа чиста перед собой.
 От темноты и света не ослепла.
 Ещё, как Феникс,
 Восстаёт из пепла.
 Ещё возводит в божество любовь.

Но пройдена незримая черта,
 И стала жизнь казаться
 Не под силу.
 Я раньше невозможного просила,
 Теперь –
 В своих желаниях проста.

* * *

Мне право на спокойствие
 Дал возраст.
 Как будто снова начинаю жить.
 Уже уходит из души
 Тревожность.
 Уже немного способно утрашить.
 Уже в характере
 Нет прежнего металла.
 От сожалений прошлых – ни следа.
 Тому, что не сбылось,
 О чём мечтала,
 Теперь уже не сбьётся никогда...

Но, как и прежде,
 Солнце ярко светит,
 И ветер веет, и листва шумит,
 Душа ещё ликует на рассвете,
 Ей стал дороже
 Каждый новый миг.

* * *

До рассвета память лучше не тревожить,
 А иначе,
 Точно, больше не уснёшь.
 В темноте тревоги с новой силой гложут,
 Хоть порой казалось, что цена им грош.

Темнота всё красит самым чёрным цветом.
 Но мне во спасенье вспомнились слова,
 Что сказал художник:
 "Вы рисуйте светом!
 Это же так ясно, словно дважды два".

В половодье жизни мне вода по плечи,
 И в одну минуту можно утонуть,
 И помочь себе,
 Вдруг оказалось, нечем,
 Кроме, как всем светлым тьму перечеркнуть.

* * *

Не люблю пустого многословья.
 Не грозят мне приступы его.
 В поиске живу
 Среди многих слов я
 Одного,
 Но только моего.

Ни к чему игра словесной силой –
 Не для площадей
 Мой краткий стих.
 Я его у сердца испросила
 Для себя.
 А вышло – для других...

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

НА РАЗВИЛКЕ ДОРОГ

* * *

– Дедушка, а что такое счастье?
Трубка нервно дрогнула в руке:
– Это, внук, – над пропастью в ненастье
По одной сырой пройти доске

И на мир, оставшись невредимым,
Так глядеть, как будто в первый раз,
А ещё любить и быть любимым,
И хмелеть от милых сердцу глаз.

Счастье – это не сломаться в горе
И не удавиться от тоски,
Снова жить наперекор всем болям,
Голубей надежд кормить с руки.

А потом, когда родятся внуки,
Всей душою ощутить вдруг связь
С будущим, и растворяться муки
В радости. Вот так же, как сейчас...

* * *

И под смеющейся луной,
И под плакучей тучей
Поэзия всегда со мной,
Будь это Фет или Тютчев.

"Смирись, мятущийся поэт!" –
Я с неба голос слышу.
Когда есть Тютчев и есть Фет,
Зачем вослед ты вышел?

Пропах сиренью майской дом,
И сад стонал от ветра,
"Когда весенний, первый гром"
Во мне родил поэта.

Ну, кто, скажите, виноват?
Я или кто-то выше?
Когда "луной был полон сад",
А я из дома вышел?..

Ногой диктанта

Шёл человек. И дождик в след за ним.
Догнал его, и побежали вместе.
От луж с ручьями вверх взвивался дым,
Сливаясь сладко с дождевою песней...

Жаль, что всё это было лишь во сне:
И человек, и дождь, и эти строки...
Не знаю я, кто диктовал их мне?
Но чувствовал себя как на уроке.

Проснулся я, диктант не дописав,
И песню дождевую не дослушав
Про путника ночного.
Не узнав,
Дошёл ли человек и спас ли душу?..

На развилке дорог

Вот две дороги, и камень странный:
Какой дорогой теперь идти? –
"Пойдёшь направо – тебя обманут,
Пойдёшь налево – обманешь ты".

И ты упрямо пошёл направо,
И был обманут, но видит Бог, –
Пусть не стяжал ты в дороге славу,
Зато ты душу свою сберёг.

Дорога снова чадит туманом,
Развилка множество на пути.
"Пойдёшь направо – тебя обманут,
Пойдёшь налево – обманешь ты".

Наказ забыл или заблудилась
Твоя душа, но свершилось зло.
И что же делать ты будешь, милый?
Налево как тебя занесло?

И вот идёшь ты дорогой к храму,
В кудрях и летом не тает снег.
А ты пришёл бы к нему, упрямый,
Когда не сделал бы зла вовек?..

На волоске

Не раз, хмельной, висел на волоске
Над бездною, но в пропасть не сорвался.
Плеть молнии хлестала по руке,
И гром вослед отчаянно ругался.

Но вот однажды кончилась гроза.
Гром не гремел, иль заложило уши?
Ты разлепил усталые глаза
И видишь: сжав кулак, сидишь под грушей
В своём саду.

Весь этот горький срок
Ты спал иль жил? – мысль трезвая мелькнула.
Разжал кулак, и Божий волосок
С твоей ладони тотчас ветром сдуло...

Долгий закат

В тот вечер он пришёл смурной,
Душа его кричала.
Хватил стакан – один, другой,
Но нет, не полегчало.

Швырнул стакан в окно, – лети! –
В закат цветущий вяло.
И чтоб гармонию найти,
Гармошку в руки взял он.

И в набежавшую волну, –
Душою всей страдаю, –
Бросал он с Разиным княжну...
А песнь звала другая.

И долго он с бродягой брёл
По забайкальской степи...
А за окном закат расцвёл
И был великолепен.

И о шумящем камыше
Он спел, всплакнул немножко...
Но нет гармонии в душе,
Хоть разорви гармошку.

Но в комнату вошла она,
Сказала нежно: "Милый!
Ты выпил всю печаль до дна...".
И всё! И отпустило.

Молитва свирели

Вот моё сердце, болящая плоть,
В коей душа дни и ночи страдает.
Я пред Тобой, – вырежь дудку, Господь,
И на губах я твоих заиграю.

Ты на рассвете Свой сделаешь вдох,
Затрепещу я от счастья и муки,
Тихо заплачу, – душой не иссох, –
Тут же польются на выдохе звуки.

Буду играть на губах Твоих я,
Каждому вдоху я буду послушен.
Сделаешь вдох, – лёётся песнь соловья,
Будет другой, – плач на мир я обрушу.

Будем с Тобою играть и играть,
Млея от счастья, от горечи плача...
Я на губах Твоих буду сгорать,
И догорю до конца, не иначе...

* * *

Тридцать лет нас по пустыне водят,
Чтоб советский выветрился дух,
Чтобы мы забыли о свободе,
Не произносили слово вслух.

Чтоб за годы вырасти успело
Поколение жалкое рабов.
А с таким потом, что хочешь, делай,
Раб есть раб, он всё стерпеть готов.

Потому и водят нас... Но рано
Радуется "новый Моисей",
Каркающий чернокрылым враном
Над погибшей Родиной моей.

Это злое карканье – не пенё.
Внукам мы споём о той стране,
И Святой Георгий на коне
Поведёт нас смело в наступленье, –
Родины увидим воскресенье,
Хоть потом... Но дело не в цене!..

Последние дни

*Не беспокойся обо мне.
Я здоров, пишу стихи и
играю в шахматы.
Николай Гумилёв
(записка из тюрьмы жене,
август, 1921 год)*

Пишу стихи, играю в шахматы.
Не беспокойся обо мне.
Мне дарит вольный мир распахнутый
Заката отблеск на стене.

Звездами август небо чёркает,
Вон и моя летит, скользя...
Судьба в руке, с усмешкой горькою,
Сжимает чёрного ферзя.

А я всю жизнь играю белыми...
Но разве в этом виноват?
За это, видно, – что поделаешь? –
Судьбою мне объявлен мат.

Но я плыву против течения...
Мне сердце говорит: "Плыви!".
Прости, Господь, все прегрешения,
В последний путь благослови!..

Правдивая история

*Светлой памяти моего
сына Александра*

...А этот рождественский сон
Забуть до сих пор я не в силах:
Зима, и бубенчиков звон,
Заря от мороза застыла.

Но что нам мороз, вечный лёд!..
Сын – вот он, живой, правит бойко,
По снегу куда-то несёт,
Летит разудалая тройка.

Неважно, – несёмся куда,
А главное то, что мы рядом.
Душе моей, как никогда,
Тепло от сыновнего взгляда.

ВЛАДИМИР КИРПИЛЬЦОВ

ГЕН ВЫЖИВАНИЯ

(отрывок из романа "Расторопша или дело наганное – дело поганое")

Небольшой кубанский городок с булыжной мостовой спал, перемалывая во сне передраги пост-революционного выживания, то с крестьянскими коммунарами, то с более привычными казачьими наделами, да ещё и с нэпманской вольницей с их "купи-продай". Уродливый передел "буржуйских" красавцев-домов дробил на множасьиеся конторки не только богатые парадные, но и широкие переходы лестниц с витыми медными лаврами, уже пострадавшими от нескончаемых перестановок туда-сюда железных сейфов, дробивших щербинами блестящую гладкость каменных львов у парадного входа. Но за них теперь ни одна из конторок не отвечала по принципу "моя хата с краю – я про львов ничо не знаю...".

Горожане ещё не отвыкли от беспокойных бандитских налётов всадников, прячущихся где-то в перелесках дальних хуторов, прислушиваясь к каждому цокоту копыт по булыжной мостовой...

– Ну вот!.. Неужто опять новая банда нагрязнула?.. – забеспокоился сонный сторож у парадного конторского входа. – Да не-е... То хтось в седле дремлет устало, та себе под нос песню бубнит, шоб из седла не выпасть.

– О!.. Да то ж чекист Данила Расторопша – небось из своей очередной засады на скрывающихся бандитов вертается. От его меткого нагана нет спасения, – проснулся наконец вечно спящий сторож конторок. – И шо ото вин спивае?!

"...Тыхи воды, тыхи воды, бэрэга крутые...

А в тюрьме сидять жульманы – хлопцы молодые..."

Данила – чекист едва ли не из первого поколения – не верил ни в Бога, ни в чёрта, ни, тем паче, в заклатье "Кулькиного дома" – так местные называли заброшенное поместье за городом, скорее похожее в туманной ночи на некий замо́к с башнями. Туда он и правил свою лошадку. Давно реквизируванная и теперь уже совсем казённая коняга привыкла к безропотному исполнению долга. Она проходила по книге учёта уездного отдела под инвентарным № 223 как "транспортное средство – 1 штука", причём сразу после № 222 – "револьвер системы наган – 1 штука" и до № 224 – "комплект исподнего белья (кальсоны летние, кальсоны зимние утеплённые) – 2 штуки". Расторопша – один из самых ответственных, надёжных и дисциплинированных сотрудников наиболее секретного отдела ОГПУ под загадочным названием ИНФАГО – уж несколько лет не появлялся в этих местах.

Горожане в этот раз были лишь частично правы: Расторопша только выезжал в туманную ночь к тому самому Кулькину дому, названному по имени сторожа, который остался там, хотя хозяева давно сбежали за границу. Но и бедного служаку вскоре нашли кем-то изрезанным. Его пытали, а потом бросили у старого погоста, где по ночам якобы бродили кресты.

Ветер всё больше нагонял дождливые тучи, оставляя лишь ярко-алую полоску у горизонта – след уже ушедшего на покой солнца. И в наступившем сумраке Данила Матвеевич с холодным любопытством отметил – А не брешут люди – задёргались-таки, закачались кресты старого погоста у роши. Кажется, того и гляди – извергнут покойников под эту сумрачную зорьку. Он коротко хохотнул и, не теряя времени на всякую чепуху, решительно двинулся к дому. Там по оперативным данным ещё в Гражданскую войну был спрятан бриллиант необыкновенной ценности. Так его оценил друг Данилы ещё с раннего детства, а теперь ещё и уважаемый с дореволюционных времён ювелир, Изя Шахерзон.

На подходе к заброшенному поместью, скорее похожему на "аглицкий замо́к", рвущий туман в клочья своими остроконечными высокими башнями, странными и нехарактерными для русских богатых домов. Дом загудел, словно рыдая о потерянной невинности былых изящных и строгих форм, заскрипев нелепо свисающими со второго этажа обрывками некогда богатого убранства. Даже верная лошадка предупредительно захрипела. Ощущение постороннего присутствия вспыхнуло и запульсировало на скуле Расторопши жилкой, перерубленной шрамом.

Да, Серая была как всегда права. В доме что-то глухо едва слышно долбили – похоже, стену в какой-то закрытой толстой каменной перегородкой каморке. Данила расстегнул кобуру:

– "Ой, наскучилась, та й намучилась дивчина без мэнэ..."

"Песняк" сработал. Его узнали. Какой-то карлик на втором этаже запаниковал и рванул через узкий, доступный только ему вентиляционный лабиринт, к крайнему окну, выходящему к роще. Уполномоченный маханул коротким путём через сломанные ступеньки вверх, осторожно выглянув в створ молчаливой вроде бы двери:

– Эй, там, за перегородкой, руки до горы да повыше, шоб я их побачив, – перешёл на понятную всем местным балачку чекист. – И тыхонько выходи, бо я ти руки вместе с задницей и ещё кое с чем прострылю прямо через перегородку. Чем тоди тебе женихаться? Га?...

Перспектива потерять возможность "женихаться" произвела неизгладимое впечатление. "Карла" не стал ожидать милости от природы и тем более от оперуполномоченного и, ломая перегородку, выпрыгнул пружинисто в окно. Данила в секунду прицелился в убегающую спину и...

Она оказалась знакомой. То был Лёвка-недомерок. По какой-то болезни он так и не вырос из детского возраста, обрастая взрослыми мышцами и необыкновенной ловкостью. Карлик был так себе урка, хоть и отчаянный. Нет, в него не стоило стрелять. А за рощей в поле на Серой и так можно его перехватить. Може жизнь его ещё чему-нибудь хорошему научит?..

Но за рощей никого не оказалось. Только мокрый от росы извилистый след прерывался у пригорка. Там, в высокой траве, лежал лицом в небо и умирал Лёвка с едва заметным следом тонкого, но мощного сталью тонкого стилета, профессионально точно пронзившего, прямо меж рёбер, сердце. Такое оружие – привилегия лишь уголовных авторитетов, констатировал про себя Данила, надо торопиться. Значит, про бриллиант – это серьёзно.

– Лёвка, кто и зачем тебя послал?

– ... Восемнадцатое Брюмера... Восемнадцатое Брюмера ... – это сказочный бриллиант такой – в вентиляции замурован... Так они сказали... Я вскрыл... но хранилище было пустое... А они мне не поверили...

– Кто "они"? – кричал гложущему Лёвке-недомерку Расторопша теперь с понятной ему причиной, почему именно этого недоросля направили в Кулькин дом – видно, путь к хранилищу бриллианта только через какой-то узкий проход. Наверняка этой информацией располагают приезжие, которые знают больше местных об этом бриллианте. Тогда они должны были навестить нашего ювелира Шахерзона...

– Лёвка, держись – щас перевяжу...

Но увы! Глаза урки-коротышки уже остановились...

Данила ещё раз внимательно рассмотрел тонкий след стилета. Так это же... Ну да! Такой только у Красавчика – ещё того воровского авторитета – всегда при костюмчике в клетку и такой же широкой задиристой кепке. Ему всегда удавалось находиться в тени бандитских налётов. Ну, теперь ему не уйти от ответа. Надо только взять его со стилетом. Скачки по едва заметным следам задетой в спешке росы привели к кустарникам, из которых едва-едва заметно пахло "стволом", уже запроваленным пороховым зарядом... Это не Красавчик, а кто-то из его подручных.

– Похоже, засада в один ствол... или метательный нож. На таком нечего заморачиваться...

Уполномоченный выстрелил первым на едва заметный шорох падающей в кустах росы. Бандюган по кличке Вобла вывалился лицом вниз и захрипел, стараясь кого-то призвать на помощь...

– Куда они пошли? – спросил Данила.

– Да вон туды... т... иху...

Хочет, чтобы я отвернулся в том направлении, а сам кинет нож... Он мастак – не промажет, – хмыкнул про себя уполномоченный и одновременно с поворотом головы выстрелил не глядя в Воблу... Нож так и застыл в коротком замахе бандюгана вместе с последним выдохом – да пулю Расторопши уже не выдохнуть...

Предсмертный короткий взгляд Воблы всё-таки указал, куда ушёл теперь ненавистный ему Красавчик, оставивший его на верную смерть. Данила знал эту скрытую кустарником в низине тропу. Красавчика теперь не достать. И свидетелей его участия в этом деле уже нет в живых.

– Ну что ж, до встречи, Красавчик! Я тебя всё равно достану... крикнул уполномоченный в нарастающие клочья тумана.

Предутренняя полоска блёклой голубизны, ещё не выстиранная от серого тумана солнечным светом, застала Расторопшу уже перед въездом в городок, в котором его ждала любимая жена, которая...

Только сейчас он увидел лёгкие снежинки, первые в этом году. Когда-то такие же принесли ему счастье. Доброе воспоминание всколыхнуло уставшую от выживания в стрельбе – "кто каво!" – и твердевшую в перестрелках душу. Да и как можно забыть тот уже давний первый снег, изменивший всю жизнь его наганную, злую и поганую... Воспоминания накрыли его таким огромным желанием: Домой!.. Домой! Там ждёт жена Данута... та самая... Пришедшая из...

Да-да!.. Тогда был морозный сочельник и поезд у платформы перед границей с Польшей. Все пограничные формальности уже позади для Дануты из солидной шляхетской семьи, уезжающей с родителями навсегда за границу. Тихий порхающий снежок цеплялся за её ресницы, словно удерживая от чего-то.

Не зная, о чём говорить, Данила молча ловил снежинки – бережно, кожаной перчаткой... кристаллик за кристалликом, протягивая их Дануте, и они, пока ещё вдвоём, восхищались их неповторимостью...

Эти короткие дни, пока они были вместе, хотя и стали самыми счастливыми для него, но всё же не позволили сделать решающий шаг к окончательному задокументированному сближению между женщиной и мужчиной. Что-то из старого, уходящего, стояло ещё между ними в уже революционной России. Мешало понимание неизбежности скорой разлуки для спасения дворянки Дануты от преследований... Ну, в общем "Мы новый построим – кто был ничем, тот станет всем..." уже творил расправу над... Ну, конечно, и над главным эксплуататором крестьянства – дворянами. Данила, чекист, это понимал лучше других... Он берёт её, как только мог, но "ярость благородная" вскипала, аки волна расправ над "богатеями и эксплуататорами крестьянства". И вот... настал тот самый момент...

Данила стоял молча у окна вагона. У пассажиров проверяли документы перед пересечением границы. Он просто не мог оторвать взгляда от её слёз в окошке. Она не стерпела и вышла поправить ему воротник кожанки, оголивший морозному ветру его мощную шею.

– Да-да, Данила Матвеевич... Ну, пожалуйста, Данила Матвеевич, поменьше стреляйте из этого вашего револьвера... А будете в Польше, непременно... – Данута махнула ручкой. Это ж ясно, как этот морозный день – ни в какой Польше он никогда не будет... И пошла к вагону – после двух месяцев совершенно необыкновенной их жизни в его уютной от одиночества квартирке, где он её бережно любил, растопляя в ней настороженность наложницы, сбежавшей от бандитского авторитета Сёмы Ундуряна, пока неуловимого руководителя подпольной контрреволюционной группы вооружённых бывших офицеров и их связей, в том числе – с семьёй отца Дануты. Он прятал её, пока угроза для её жизни всё ещё оставалась реальной, потому что уже жило в розыскных чекистских мероприятиях. Её пока не привлекали... Но это только пока...

Кто-то всё-таки "стукнул" – не все "прихвостни врага трудового народа и революции" уничтожены. Её разыскивали негласно, скорее для проверки, чем для предъявления конкретных обвинений. Их пока и не было. Но в умелых руках...

Данила ни в какие "умелые руки" отдавать её не хотел и сам устроил выезд семьи Дануты к родственникам за границу. Так два месяца тихого, небывало нежного счастья, казалось, закончились навсегда.

Он стоял напротив её окошка в вагоне, радуясь тому, как ловко у него всё получилось вовремя отвести от неё неминуемый удар. И вдруг почувствовал невыносимую тоску от того, что не имел морального права просить её остаться. А ещё – непреодолимое желание: все упавшие на Дануту снежинки собрать и аккуратно сложить в кармане у сердца.

Она смотрела из окошка, как он присел на тумбу и, как-то дико улыбаясь, стал собирать в кожаную перчатку её маленький заснеженный след, первый из цепочки, который уводил Дануту Брж... от Данилы Матвеевича Расторопши прямо ко входу в вагон.

Поезд медленно тронулся, и он побежал за ним, не зная зачем. В проёме двери появилась фигура женщины.

– Мадам, вы из провожающих? – спросил проводник.

– О, да! Я должна его провожать... Каждый день! – Данута выпрыгнула мимо ошарашенного проводника прямо в руки уполномоченного, затянутого в несносную для неё кожу долга и чести.

– Данута, ты что натворила?! – он обнимал её, показывая перчатки, промокшие от так и не сохранённых снежинок, и смеялся сквозь ещё не смытую с лица гримасу боли... Боли до слёз, так неуместных для мужчины в безветренную погоду.

– Дануты нет. Она, согласно документам, пересекла границу, – её голос звучал по-женски непреклонно, как подобает строгой жене...

– Я не могу оставить здесь дарованный нам на двоих... всего один ген выживания в этой русской кутерьме. Понимаешь?! Другого уже не будет... Один – на двоих!.. И его никак не поделить!.. Разве что порвать – в клочья, на утеху этим вашим революционным ветрам... Я не против вашей революции. Но ЭТО! – что между нами – никакая революция, да и моя родная Польша, нам уже не возместит...

Вскоре в маленьком уездном городке появилась рабфаковка Дуся Расторопша, усердно изучающая медицину.

...Теперь они жили далеко от столичного ЧК в необыкновенном... Нет, не в покое... Какой покой у чекиста... Но в счастье – быть всегда рядом!..

Данила осенил воспоминания своим песняком:

– Ох, вы, тихи воды, бэрэга ж крутые... – чекисту было чем продолжить: – А в тюрьме сидять жульманы – хлопцы молодые...

– О то б лучше сидели, чем... – горестно махнул рукой Данила, вспомнив про гибель Лёвки.

"Они приезжие... Они знают нашего ювелира Шахерзона..." – это последнее, что успел сказать перед смертью молодой урка, не давало покоя чекистскому нюху Расторопши. Что-то за этим есть... Пора демонстративно пройти с Шахерзоном по рынку. Ведь об их странной дружбе с детских лет и так знали, как и о спасении им этого ювелира и... одновременно "социаль-демократа" во время еврейских погромов. Может, Шахерзон узнает кого-нибудь из неизвестных, кто – по его словам – бродил за день до убийства Лёвки по рынку? Тем более что они – по всегда точному до мелких деталей взгляду ювелира – были не из местных, а из другого, судя по одежде, совсем не уездного города. Как говорится, бери выше!

– Данила, ви ж вже и опять-таки не спали... И чито вы витворяете со своим здоровьем! Послушайте старого еврея: Ваша душа вже плачет, шо Ваш револьвер ни разу не дал осечки. Шо вам тот бриллиант!? Та не будоражьте себе и мне изжогу от него, которая вредна для нездорового интимного ощущения, будто кто-то уже тебя без спросу имеет до головных болей, а лечиться – таки только радикально – пулей и в лоб! Мне будет жалко Ваш демосфеновский... с элементами упрямства лоб. Не засоряйте его напрягом мыслей в сплошные морщины. Всё равно ви найдёте его... этот бриллиант... И тогда! заверните его бриллиантовую красоту от самого Боунопарте... в простую уездную газету "Местный пролетарий", читобы передать моему папеньке в Амстердам. Пусть там – таки перед скучным просмотром бриллианта – почитают о рекордах нашего чугуно-литейного цеха... ну... перед тем, как определяют бывшего владельца – этого... пока – увы-увы! – сказочного и не более, бриллианта.

Данила и Шахерзон уже битый час слонялись по рынку. Вернее сказать – по русскому уездному базару, где все всех знали, а кого не знали, так к тому с любопытством присматривались: какой ты новичок? Или ты свой в доску, как инвалид Семёныч с гармошкой, наяривавший всё, что ни попадя, нередко и весьма скабрзные частушки, лишь бы угодить "земеле"... или ты, так себе, пришёл по скучной надобности, и ушёл без интереса?

Сегодня все уже давно "срисовали" долгий совместный променаж уполномоченного ГПУ и еврея-ювелира – картина для местных жителей совершенно необычная и запоминающаяся.

Изю, как источника ценной закрытой информации о бриллианте для уполномоченного, что называется, "спалили" – это первым понял Данила. Значит, за ним должны охотиться... и не из местных. И второе: если теперь в задуманной только сегодня операции что-то пойдёт не так, мне не отвертеться от ответственности перед начальством ОГПУ в контактах с "неблагонадёжным субъектом".

Тем временем "неблагонадёжный субъект" Шахерзон, далёкий от ГеПеУшных "заморочек", не скрывал своего праздничного настроения. Его уверенная радостная поступь в этом гомоне "интэрэсов, за которые бы следовало поторговаться и получить от того своё маленькое удовольствие", таки лезла наружу:

– Глафира Александровна, почём Ваши горячие пирожки?.. Да шо вы такое думаете об изделиях Ваших прекрасных рук? Они ж не с лососем, а из того, шо осталось от старого коня Евстафия Егоровича, – уже беседовал Изя с необъятной торговкой мадам Брюхоносовой.

– Так я и говорю... Нет, мне потрошков не надо, я сегодня уже покушал их в кооперативной столовой... Почему за счёт ГеПеУ? Где Вы видели, шоб ГеПеУ платил в кооперативной столовой за бедного еврея? Они ж живут скучно? Почему скучно? Так потому шо с ними не поторгуешься...

– Ох уж эти занимательные женщины с базару! Простите, Данила Матвеевич, так я и говорю: причина – в другом. Там, в этом королевстве Нидерландов есть кров, где теперь – мой папа. Перед его уездом здесь его посетил странный мужчина и показал тот самый бриллиант, читобы иметь спокойствие души, шо бриллиант таки настоящий. Папа понял: такие свидетели, как теперь он, долго не живут, и отчалил срочно в королевство Нидерландов. Там его не будут спрашивать, зачем старый еврей нажил себе головную боль с этим бриллиантом.

И теперь мой папа и уважаемый Исаак сидят в кафе на набережной города Гаага, с большим интересом читают из той газеты, во чито таки я завернул его споднее – статью про передовика-молотобойца чугунно-литейной артели имени народного комиссара по очень даже здравоохранению товарища Семашко и думают: "И зачем нам, двум старым евреям, этот бриллиант с чужими головными болями?".

О! Ви имейте взглянуть-таки, Данила Матвеевич, какая аппетитная курочка на продаже у мадам Брюхоносовой! Имею дурную привычку спорить, шо я её щас куплю, и задёшево.

Изя не упустил случая поторговаться – он это любил:

– Уважаемая мадам Брюхоносова, шо на Вашем цыплаке оципанном... ну да – вместе с жиром... таки написано? То цена, или дата его безвременной кончины? Только не скажите, шо то цена. Поверьте мне, та курица, даже вместе с самым щикарным надгробьем от гробовщика Климовича столько не стоит...

– Да подожди ты с надгробьем, – злился Данила, – значит, тебе уже сегодня придётся сообщить моему... – он подбирал слова и нашёл, – "начальству".

– ...Точный адрес моего папы в этих Нидерландах? Иначе ваши мальчики с револьверами быстро найдут мой адрес, – продолжил ювелир. – Конечно же, Шахерзон знает адрес, где его папа обитает... Ой, мадам, тока не крутите мне пейсы преимуществами этого животного для несения яиц! Единственное её куриное преимущество, шо она удостоилась умереть своей смертью... Ах, не своей смертью сдохла? Да шо Вы говорите! И Вы только-только самолично отрубили ей голову... Сперва оципали, а потом отрубили...

Публика вокруг уже хохотала до слёз, с сомнением осматривая не только славную рыбу побагровевшей мадам Брюхоносовой, но и мясные изделия.

– Ви слышали, мадам имеет сказать, шо щас моги́т показать ту отрубленную голову, настолько свежую, шо она ещё закукарекает... Так я ей вже верю!

– Слушайте, Шахерзон, если вы сегодня назовёте адрес отца в Нидерландах...

Но Изя уже всё понял:

– Ви имеее сказать – раньше, чем кое-кто сделает бедному Шахерзону то же, шо сделала мадам Брюхоносова с этой бедной курицей – таки мне пора скрыться в Нидерландии?.. Ой! Только не надо с моей головой делать фрикции! Ви ж теперь не отпустите ещё молодого еврея чито-то имеющий знать про тот бриллиант... А кто ещё? А-а-а! Вот то-то!... Да шо вы так кричите, мадам Брюхоносова? Не надувайтесь так сильно, а то два человеческих органа в вашей фамилии скоро сольются в одном неотделимом экстазе... – Изя оценил фартук на высоко поднимающемся животе ну очень полнеющей дамы, замызганный остатками разделки туш...

– И шо ви тогда будете нюхать, га? Мадам, не теряйте остатков своей утончённости – хотя бы в области шеи... Ах, даже голова дохлой курицы не станет разговаривать с Шахерзоном? Хорошо, мадам, за эти деньги я беру этот трупик, не разговаривая с его головой. Но как Вам не хватает при таком щикарном количестве тела... таки мужчины. Крепкого... нет – не телом, а терпением... Напишите для него заблаговременно инструкцию, где на Ваших широтах найти то самое необходимое, шо притягивает мужчину любовной страстью... Ох уже эти горы и долины... Да-да! "Жидовская морда" взяла Вашу курицу... за деньги, конечно... а за шо вже Вас таки брать?.. Не люблю этих скандальных куриц, которые даже с оторванной головой всё кудахчут. Та я не про Вас, мадам Брюхоносова. Вы ж даже материтесь приятно... А хотите, я вам подскажу, как новое прибыльное дело открыть и мужчину занять? С него моя свояченица в Одессе на Привозе имела-таки большой навар... И... ночные премиальные. Шо ви так беспокоитесь про накладные расходы? Всего-то – поставьте рядом с собой

большую ёмкость с кристально чистой водой... В чём секрет? Секрет есть. Он в надписи, шо следует нанести на той ёмкости.

Изя что-то нашептал Брюхоносовой на ухо. Выгоревшие брови мадам, наконец, обнаружились от того, что поползли складками кожи вверх. Она засуетилась взглядом вдоль своего прилавка и, выбрав пару пирожков "посвежее", сунула их Шахерзону.

– И что ж там за надпись такая чудодейственная должна быть? – Данила от удивления перешёл на "ты", как в молодости.

– Не знаю, как насчёт чудодейственности, но у моей свояченицы с Привоза на бочке с водой, прямо над кружкой, было написано: "За безденег пить, а тем более шо другое – не даю"... Шо так смотреть? Ну да – я придумал. И мужикам было всё понятно, и околоточному, насчёт нравственности, не к чему придраться. Вода – она всем нужна!

Краем глаза уполномоченный заметил толкающегося в толпе, уже совсем рядом, лайкокожаного красавчика не местного разлива. Похоже, неизвестные уже прибыли – надо торопиться сказать главное:

– Изя, если камень есть, тебе и твоему отцу, даже в Нидерландии, грозит серьёзная опасность, – всё ещё пытался достучаться до его сознания уполномоченный. – Ты же один остался, кто видел это "Восемнадцатое Брюмера", будь оно неладно! Надо сыграть в поддавки! Под моим контролем... Ты же знаешь – я тебя буду охранять похлеще этого бриллианта. Сыграем, а, Изя?

– Они придут-таки ко мне на встречу?.. Ай-я-яй! И зачем мне это – старому беспартийному еврею?.. А чито! Зато жить не скучно... Ну, ты это... Если шо, таки я только в твой револьвер верю...

– Играй в поддавки. И приезжие пойдут тебе навстречу. Им нужен знающий ювелир, чтобы не наткнуться на подделку.

– Нужен аж до Нидерландов? Та не надрывайте голос, Данила Матвеевич, или нас вже срисовали?..

Но оперуполномоченный уже исчез.

– Вы сотню не разменяете?

Шахерзон обернулся на незнакомый голос: "Таки приезжие охотники за бриллиантом уже меня срисовали", – констатировал Изя.

– Вы шо, молодой человек, откуда у бедного еврея сотня? – глаз ювелира зыркнул на красавчика в хrome, мигом оценив его сущность, явно отягощённую наганом в кармане: "Данила Матвеевич куда-то мгновенно скрылся... А, ну да! Уже успел нарисоваться за спиной этого красавчика, как раз против его кармана с наганом. Однако да! С таким, как друг детства Данилка, таки можно работать, – решил Шахерзон. – Особенно теперь, когда появился этот подозрительно галантный незнакомец, так желающий узнать о моих планах на выезд в Голландию".

Изя с ещё большей тоской обозрел покидаемый им базар и махнул рукой.

– Будь шо будет! А сейчас я имею кое-что предложить этой прекрасной женщине, – он делал вид, что ему совершенно не интересен приезжий "охотник за бриллиантом":

– Данила Матвеевич! Как вы полагаете, обрусевшая немка из Саратова по имени Марта сойдёт на таможне за потомственную еврейку с жарких палестин? – Изя решительно указал на Мусю, по паспорту Марту Капельбаум.

– Вы хотите ей предложить...

– А шо я по-вашему, вже совсем ничего не могу предложить женщине?

– Да, попробовать, конечно, можно, но пару оплеух в базарный день от такой красавицы с подпорченной репутацией... – скептически предупредил уполномоченный.

– Вы хорошо начали со слов: "от такой красавицы", а закончили плохой профсоюзной характеристикой. Как там у вас – морально неустойчива? Сдаётся мне, шо вы, Данила Матвеевич, не там ищите алмазы кристальной чистоты. А насчёт оплеух... Та подумашь – пару оплеух в базарный день от такой женщины! – Изя Моисеевич ещё больше выпятил свою и без того выдающуюся челюсть на некрасивом лице, вздыбил граблями растопыренных пальцев своё и без того нелепо торчащее редковолосье и решительно двинул удлинённые худые чресла в последний перед решительным уездом в эту "Хренландию" променаж по русскому базару.

Ему так не хотелось, чтобы между ним и уполномоченным прозвучало "последнее прощай". А так есть надежда однажды вернуться из Голландии на этот большой и увлекательный базар и сказать,

как ни в чём не бывало: "Данила Матвеевич, шо-то вас давно здесь не видать. Или я шо пропустил в той Нидерландии?"

Уполномоченный ещё немного постоял, наблюдая, как Изя догоняет на холме Марту Капельбаум, единственную немку в этом кубанском городке, преподающую её родной язык местным ребятишкам, не слишком любившим немецкую строгость и порядок...

"Да-а! Похоже, прошение руки и сердца завершилось, увы, ожидаемым результатом, – Данила болезненно дёрнулся от каждой из трёх пощёчин, украсивших щёки Шахерзона здоровым румянцем, повеселившим от души добрую, "ну очень добрую", половину базара, и пошёл прочь, – Дела!"

Всю обрамляющую холм дорогу уполномоченному по давней мальчишеской дружбе хотелось оглянуться вслед "вредному" – для себя же самого – непослушному еврею. На что он рассчитывал со своим худым редковолосьем?! "Тоже мне – ловелас! – пытаюсь сбросить с себя досаду за неудачу друга детства, махнул в расстройстве рукой Данила. – И она... Ну могла бы и одной оплеухой обойтись... А то – сразу три! Обидно..."

– Прямо таки по-русски: три пощёчины вместо трёх поцелуев, а ещё немка называется, – бурчал про себя Расторопша. И всё же обернулся.

Муся-Марта стояла одна среди базара и плакала, а потом медленно, будто насильно заставляя себя сделать первый шаг, пошла вслед за усилившейся сутулостью Шахерзона.

Уполномоченный не поверил своим глазам: она уже не шла, а бежала, опасаясь, что тот скроется в переулке насовсем... Дальше они пошли вдвоём, ещё не зная, как преодолеть приличия... И всё-таки обнялись, нежно эмигрируя из шумного холостыми – теперь в отношении этой пары выстрелами базара, уходящего в вечерний звон церквушки с шумом расцветающей весны:

– Свет Вам да Любовь!... Свет Вам... Да любовь!... – шумел, утихая над первым поцелуем вечерний ветерок.

Свой первый стыдливый поцелуй они хотели спрятать в домике Шахерзона. Да где там?

"Да-а-а! Кажется, выезд на голландские каналы придётся оформлять на двоих...", – не без удовольствия констатировал Данила Матвеевич.

...И уездный рынок уже не плескался гомоном "интэрэсов", за которые следовало бы поторговаться и получить от того своё маленькое удовольствие. Без забавных препираний хохлушки Брюхоносой с евреем Шахерзоном и заливчатая гармошка хромого Семёныча стала как-то не к месту, вроде как не для души, а для копеечки на пропитание калеки. Базар сразу потерял сочные краски разухабистых платков и раскрашенной резьбы коромысел, обнажился небритыми скулами торчащих вкривь и вкось серых дырявых навесов и месивом затоптанной грязи вдоль некрашенных заветренных прилавков.

И только одинокая в своей необъёмности Глафира Александровна ещё ждала случайных прохожих – не пропадать же оставшимся "пирожкам с ливэрамы". Но покупатели всё не шли.

– Во, бляха муха! – так хотелось выругаться мадам Брюхоносой с обидой на уже забытые три пощёчины... Базар стал каким-то сиротливым без шуток Шахерзона. Он теперь был занят... состоявшейся любовью, ещё не зная, что с ней, той любовью дальше делать. И потому, уходя с привычного базара, он нелепо спотыкался – то ли о булыжники мостовой, то ли от вдруг пришедшего понимания своей непрезентабельности, которую надо срочно исправлять, чтобы быть достойным этой прекрасной женщины.

– Но что это? – уполномоченного разбирал несвойственный для него смех, готовый перейти в неудержимый хохот. – Изя, похоже, уходит в своё счастье, оставляя для незамужних торговки бесценный подарок.

Рядом с мадам, торгующей в запятнанном жиром с кровавыми пятнами фартуке, "таки вже" стояла "ёмкость" с водой и надписью: "За безденег пить, а тем более шо другое, не даю!"

Всё-таки может Изя вселить в души этих неказистых на вид незамужних торговки надежду этим намёком в надписи – хоть на одну ночь с мужчиной... а может, и с продолжением... Надо только тонко, но понятно – как в той надписи – попросить.

"Кажется, я больше никогда не увижу этого неумолкающего еврея с его "брюхоносовщиной" на языке. Он скоро будет за границей, – сердце Данилы вдруг защемило. – Как это? Столько он доставал его с самого детства, то уходя побитым в драке с пацанами с соседней улицы за владение найденных озёрных ям, богатых при ловле на червя карасями. Ведь драться не умеет, и без него обошлись бы, а

лезет, добросовестно состоя в уличной ватаге... впрочем, бесполезно получая по мордасам. Приходилось прикрывать его, получая его долю шишек. Как я от него устал! Но как же жить без общения с этим говоруном. Теперь вот женится..."

Данила вздохнул, подавляя приступы надрывного хохота из нелепых выходовки Изи, но, почему-то, без облегчения. Похоже, ему, как и всякому уездному россиянину, не хватало базару.

Дома Дусенька-Данута озорно увернулась от его объятий и взялась помогать стягивать сапоги с уставшего вдрызг мужа, но плюхнулась с очаровательной беспомощностью вместе с последним "оторванным" от его мощной ноги сапогом на пол. Обнажившееся при этом на мгновение бедро, тут же стеснительно задёрнутое, повергло мужа в совершенно сладостное оцепенение и блаженный, отрешённый от всего окружающего покой. Главное в этой жизни состоялось!

– Вот щас ... только разденусь... – и он заснул.

Жена уже знала – это ненадолго. Надо успеть подогреть на керосинке ужин и обед – одновременно. Эта хрупкая барынька-шляхетка на удивление мужа овладела навыками хозяйствования по дому довольно быстро, ухитряясь из нехитрого продпайка сделать "вкуснятину" для него.

Он скоро проснулся, приоткрыв глаза, от запаха чего-то такого, что само просилось: "побыстрее съешь меня", но увидел Данусю, сидящую на полу к нему спиной прямо между его широко расставленных ног, всё ещё одетых в "споднее" с завязочками.

Обед опять откладывался...

Ему стало стыдно, но она так по-детски доверчиво прижалась к его колену чарующей округлостью груди... Притом слегка поглаживая его, умиротворённо и беспечно рассыпая волосы по его ноге... И он забыл о еде. Рука сама потянулась к её округлым плечикам, чтобы их нежно обнять. Эх, будь у него все бриллианты мира, положил бы их у её ног.

А скольким на свете это ощущение так и остаётся недоступным!

– Я теперь знаю, где селится в теле ген выживания.

– И где же? – спросила Дануся.

– Нигде – если нет любви, то сам выбирайся. А вот ежели она есть, то и ген выживания – рядышком и, похоже, один на двоих...

Вот как он только передаётся от одного к другому, удивился уполномоченный.

Она молча присела к нему близко-близко, отдавая ощущением весеннего тёплого дождя... и их губы в долгом поцелуе обнажили мерцание даже самых далёких звёзд, снимая с сердца тяжесть революционного передела... Но у них был тот самый ген выживания, который даётся небесной волей только один для двоих, близких друг другу людей.

И пусть Данила Матвеевич верит в этот передел с чекистским пониманием не ушедшей пока жадности, беспредельного грабежа и насилия... Всё это никуда не ушло. Но разве это сильнее, чем ожидание днём и ночью без всяких причин и объяснений ощущения необыкновенной близости, несмотря на какие-то там расстояния, бытовые и иные препоны, и ожидающие Данилу схватки... не на жизнь, а насмерть...

Хотя, нет – не насмерть! Теперь только на жизнь, и то, что происходит меж нами, теперь наше, Дануся, своё... родное. И что вызрело меж нами – никому не отдадим... А сколько людей, которым это ощущение счастья так и остаётся недоступным... И Данила тихо заспевал:

– Ох вы, тихи воды, бэрэга ж крутые...

А в тюрьме сыдять жульманы, хлопцы молодые.

Тэче ричка, тэчэ ричка – бэрэга заносыть,

Молодой жульман начальничка просэ...

...Ты начальник, ты начальник, отпусты до дому,

Ой, намучилась, ой, наскучилась дивчина за мною.

...Отпустыв бы я жульмана, та й вороваты будэ.

Ты напэйся ото воды холодной, про любовь забудэш...

– Неправильная песня! Как это про любовь забудешь? – обняла мужа Данута.

– Милая моя Дануся... – похоже, и ужин уже откладывался...

СВЕТЛАНА МЕДВЕДЕВА

ПОЛЕВЫЕ УРОКИ

Рассказы

*Учительница**Человек человеку – учитель.
Восточная мудрость*

В деревне Мансурово было несколько дворов. Зимой их заносило снегом по соломенные крыши, весной и осенью соединяла распутица, летом одолевала жара, а люди жили, растили детей, сеяли рожь, квасили капусту с осиновыми ветками, чтоб дольше не прела... Жили. Грамотных в деревне не было. Церкви тоже. Ходили в соседнее село за десять вёрст. Там венчались, а на отпевание в деревню приезжал на тарантасе поп.

В деревенской хате, третьей с краю, жила Домна Алексеевна, вдова. Мужа и двух детей похоронила, в тифозном огне сгорели. Сама еле оклемалась, а ноги ослабели, почти не ходила. Всё держалось на старшем сыне, которому одиннадцатый год пошёл. Афоня и воды в кадку из колодца наносит, и травы у леса накосит для кормилицы коровы и десятка кур. То кол в плетне укрепит, то в ступеньку гвоздь вобьёт – расшаталась совсем, а то делянку вскопает. Работник. За него часто молилась мамка Домна да за семилетнюю дочь, маленькую и хиленькую, да за других сына и дочь.

Когда вернулся с Первой мировой войны сосед Степан Морозов, увечный и больной (как он сам говорил, полтора на полтора – до колена ноги не было и вместо правой руки культя), стал Афонька у него пропадать. Уходил Степан на войну весёлый и целый, а вернулся хмурый и грамотный. Показал своему сыну Мишке и соседскому мальчику буквы. Афонька сразу зачитал. Учил ребят Морозов и игре на гармошке. Но, видно, четырьмя лапами медведь на их уши наступил, однако Афоня всё одно играл. Прошла зима вьюжная. Весна проклюнулась. У Афоньки появилось прозвище – Грамотей.

Сказывали, что в соседнем селе школа есть. Располагается во флигельке помещицкой усадьбы, в которой проводились балы. Шёл 1915 год. Афоня решил пойти поглядеть, чему учит молодая статная учительница. Что десяток вёрст юным годам? Да и погода не очень мокрая.

– Завтра в школу пойду, – заявил мальчик матери.

– Зачем? – подивилась та. – Читать, слава Богу, сподобился.

– Пойду! – буркнул Афоня. С первыми петухами пошёл. В его холщовой сумке лежал кусок хлеба и луковица – мамка положила. Шёл один. Вечером забежал к другу Мишке, тот отказался: буквы понимаю, и ладно.

Школу Афоня увидел сразу, постучался, открыл дверь, поздоровался. Елизавета Тимофеевна, так звали учительницу, усадила его за последнюю парту. В классе он был седьмым. "Не густо", – подумал и переключился тут же на решение задач. Другие справлялись быстрее, да и не всё Афоня понимал. А вот на уроке чтения его похвалили. На уроке географии сидел, раскрыв рот: училка складно рассказывала про всякие дальние страны.

Сильно пристрастился Афонька к учёбе. В школу не шёл – летел. В страду занятий не было, дел в деревне было предостаточно. Страда, она и есть страда. Осень выдалась морозной, но чуни спасали – новые. Мишка читал Псалтирь по слогам и радовался. Афоня прочитал уже несколько книжек, что учительница дала.

Как-то утром встал – снегу по колено. "Всё одно пойду!" – решил Афоня. Перед самым Новым годом ударил сильный мороз.

– Пропускать уроки нельзя! – возразил сын матери. Когда одолевал свои зимние вёрсты, думал о тёплых странах и морях, что вставали перед глазами упрямого мальчишки.

Однажды после уроков засобирался домой, глядь – заметило. Порывистый ветер бил в стены и окна, бросая пригоршни колючего снега.

– Нет, сегодня домой не пойдёшь, заблудишься, дороги не видно, – удержала Елизавета Тимофеевна Афанасия. – В село доберутся, надеюсь, а тебе – далеко. Переночуешь и завтра отправишься домой.

Она взяла тетрадки, керосиновую лампу, ученика попросила нести глобус, и через сенцы они вошли в небольшую комнату.

Афоня застыл у порога: на окошках висели весёлые занавесочки, стол, покрытый белой скатертью, стоял посередине, в углу – этажерка с книгами... Столько книг Афоня не видел никогда.

– Сними козушок и шапку. Садись за стол, чай пить будем.

Чай пили с баранками и брусничным вареньем. Афоня спохватился и вынул свой каждодневный обед – хлеб и на этот раз варёную картофелину.

– Позавтракаешь утром, – сказала учительница, – полезай на печь. Спокойной ночи!

К утру метелица наметелилась, успокоилась, выглянуло солнце. После второго урока Елизавета Тимофеевна велела идти домой, волнуются ведь.

Когда Афоня вошёл в свою хату, и все – мамка и сестрицы – бросились к нему с расспросами, он взахлёб поведал в который раз, как интересно учиться, сколько книг у Елизаветы Тимофеевны, какая она умная и добрая, и что он станет учиться дальше. Так сказала учительница, и он так решил.

– Сегодня спать буду на лавке, как взрослый! – добавил Афоня, вынул книги, что принёс с собой, и сел читать.

Стемнело.

– Можно, ещё полсвечи почитаю? – спросил он.

Мама кивнула. Засыпая, Афоня представил себя на месте учительницы и широко улыбнулся. А университеты Афанасия были впереди: Великая Октябрьская социалистическая революция, Комвуз, Великая Отечественная война, два курса педагогического института и работа, работа, работа... в разных уголках любимой Отчизны, на благо советского народа.

Остались заветы Афанасия Фёдоровича Медведева, один из которых абсолютно не нов: учиться до последнего дыхания! Это у нас семейное.

Девочка и арбуз

Сенной рынок шумел. Статная казачка весело зазывала прохожих к полосатой и аппетитной горе из арбузов и дынь. Глуховатым голосом предлагал купить рассыпчатую картошку немолодой с печальными глазами краснодарец, а может быть, сельчанин. Несколько серьёзных мужчин придирчиво рассматривали лошадку, которая устало мотала головой, ей не терпелось вернуться в родную станицу... Первое после Великой Отечественной войны лето в Краснодаре* выдалось тёплым, даже жарким, и зелёные побеги, трава и кусты радовали глаз, скрывая как-то разруху и неустроенность. Люди улыбались тишине, точнее – житейскому мирному гомону.

По улице Октябрьской шла семья. Мужчина военной выправки чуть-чуть прихрамывал. Со стороны же можно было легко заметить, что движения даются бывшему фронтовику с трудом. Нёс он две сетки с овощами. Справа от него в летнем ситцевом неярком платъице семеняла женщина, приносившая к шажкам своей дочки, которую она держала за руку, а в свободной несла самодельную холщовую сумку, из которой выглядывал хлебный "кирпичик". Слева от главы семейства степенно вышагивал паренёк лет семнадцати, перекатывая изредка из одной руки в другую небольшой полосатый арбуз. На него поглядывали и прохожие, и сами хозяева. Детям, естественно, хотелось поскорее отведать сладкой и сочной мякоти, да и проголодались они не на шутку.

Мужчина шёл и вспоминал, что по генеральному довоенному плану именно улица Октябрьская должна была стать центральной в городе, а на нынешней площади Сенного рынка собирались возвести здание Дворца Советов и... Его размышления были прерваны хныканьем дочери. Остановились. Мама взяла девочку на руки, но сын вдруг предложил сделать обмен, арбуз ведь не такой тяжёлый. Мама протянула ребёнка своему родному помощнику, а тот почти подбросил арбуз, желая высвободить руку. Тут вечно спешащие куда-то мальчишки прошмыгнули между женщиной и мужчиной и зацепили локоть девочки. Никто этого не ожидал, в воздухе плыли сестрица и арбуз. Хорошо иметь старшего брата! Он схватил сестрёнку так, что она упала ему на плечо. Жаль было и ягоду. Такое лакомство! Свободной рукой юноша поддержал уже, казалось бы, пропащую полосатую попку, но три ладони кое-как прижали её к себе: мама и сын. Девочка заойкала, так как её ноги больно упёрлись в арбуз. Страх от неминуемой беды и солнечная радость смешались и вылились в причитания женщины и гордые покашливания мужчин. Брат обнимал плачущую сестру, гладил её по худенькой влажной спинке, успокаивая сестрицу и себя...

Чуть больше полувка пролетело. Гудит разноголосицей на том же старом месте Сенной рынок рядом с новым, крытым. Октябрьская улица превратилась в одну из главных транспортных артерий родной кубанской столицы – всё шире и гуще сеть троллейбусных маршрутов. Построили Дом Союзов... Девочка выросла, стала учительницей. Уехал в Ленинград учиться и работать её брат. В их семье сложилась весёлая, добрая традиция: рассказывать внукам о летящих одновременно арбузе и девочке. Да разве этим правнуков удивишь на верхушке лета первого года нового тысячелетия?!

* Город Краснодар – основан в 1793 году, лежит на 45° северной широты и 39° восточной долготы. Занимает срединное положение между экватором и Северным полюсом.

Навёт

– Не выходи во двор! Видишь, опять сильный ветер поднимается! – крикнула из кухни мне мама. – Кур загоню, сарайку сама закрою, вот только рыбу почищу.

Ветер я не любила. Может быть, потому, что не прошёл ещё испуг от весенней бури, когда прямо передо мной и мамой упало большое дерево. Может быть, оттого, что именно тогда я потеряла свой любимый бантик. Ветер всегда ерошил, трепал волосы, даже косы становились неопрятными. Он вырывал с корнем лук, пригибал цветы к земле и ломал их, срывал соломенные крыши с домов, а черепицу раздвигал и складывал на землю. Ветер пугал цыплят, и потом они долго болели и долго росли. А пыль! Она лезла в глаза и уши, если обычный ветер сильно дул. Случались и пыльные бури, особенно после войны, пока не посадили защитные зелёные насаждения и укрепляющие сооружения не построили. Окна занавешивали одеялами, а после сметали с подоконников веником чёрную пыль и всё мыли, стирали...

Я любила дождь, особенно летом в жаркую погоду: все листочки умывались, горделивые цыплята, вылезая из-под крыльев мамы-наседки, пили воду из луж и смешно пищали. А мы, девчонки и мальчишки, босые, шлёпали по лужам, прыгали и пели: "Дождик, дождик, больше лей и дождинок не жалей. Нам с тобой жить веселей!". Набегаешься по лужам в догонялки, влажной сладкой шелковицы отведаешь или кашки с акации, явишься домой, грязная и... счастливая! Мама отмывает тебя, приговаривая:

– Анчутка*, милая моя, будешь очень чистая!

Хозяйственное мыло лезет в нос, жжёт глаза, а всё равно – хорошо-то как! Лежишь под льняной простышкой, а мама баюкает, и кажется, что будет это счастье длиться вечно.

Третье лето подряд из города приезжает мой старший брат-студент. Он там учится, а летом работает с родителями в колхозе. И в этот раз братик тоже привёз гостинцы: несколько пластинок для старенького патефона, леденцы в железной красной коробке и большой чёрный зонт. Когда зонт раскрыли, я уселась под ним, как в домике, а потом зонт покрутила, и он завертелся, словно юла. Брат отобрал его со словами: "Не игрушка ведь!" – и поставил зонт в угол.

– Я сам закрою сарай, – сказал брат, услышав мамин голос, и вышел во двор. Первые крупные дождевые капли упали, и показалось, ветер испугался и как бы притих. Брат загнал петуха и трёх кур в сарай и, повернув вертушку, резво вбежал в комнату и спокойно сел читать. Я стояла у окна, смотрела на бегущие по небу тёмные тучи, на раскачивающиеся деревья и кусты. Опять пошёл дождь, и земля быстро потемнела. Я снова взглянула на сарай. Несколько сильных, резких порывов ветра, двигая деревянную дверь, ослабили, сдвинули щеколду, она повернулась, и дверца сарая открылась...

Схватив зонт, я быстро сбежала по мокрым ступенькам и раскрыла его. Тотчас почувствовала сильный толчок в спину: ветер погнал меня вместе с новым зонтом к маленькому сараю. Я поправила щеколду, накинула ещё раз крючок и под него подложила щепку, как делал папа. Зонт мешал, и мне с трудом удавалось удержать его одной рукой, хотя я и прижимала подарок брата к стенке сарая. Когда же повернулась, чтобы пойти домой, ветер с новой силой потащил меня обратно вместе с зонтом, в ручку которого я вцепилась обеими руками. Мои щёки пылали от стыда и бессилия, ныл правый локоть, стёсанный досками сарая. Упираясь изо всех сил в промокшую землю скользкими по ней босыми ногами, я пыталась сделать хотя бы шаг назад, к дому. Тут ветер снова сделал резкую попытку вырвать зонт из моих рук, я не удержалась и как под парусом побежала вместе с зонтом, подпрыгнула раз-два и... полетела, точнее, взлетела. Надо мной плыл зонт – огромный, чёрный, а под ногами – пустота. Тут, видно, ветер разозлился на меня окончательно, ослабил на мгновение свою ударную силу, и я упала на камни, выложенные кругом для корма домашней птицы. Теперь горели от удара ещё и колени. В это мгновение добрые руки моего брата подняли меня на ноги, разжали мои руки и закрыли зонт. Пока мы медленно возвращались к дому, сильный, как из ведра, дождь, хлынувший с небес, смывал с меня грязь и слёзы. Но это были слёзы удивительной, необычной радости. Полётной!

*Анчутка – недобрый дух, одно из древних русских названий чертёнка.

Полевые уроки

Мой добрый знакомый привёз мне вчера гостинец – большой, полосатый, с подсохшим хвостиком арбуз. И сразу всплыли полевые жизненные уроки – воспоминания.

Первый урожай 1947 года мне особенно запомнился. Папу я видела редко, он на своей линейке "летал" по колхозам из одного конца Новолеушковского района в другой. Свою фронттовую шинель отец отдал сыну, моему брату. Сам же ходил в телогрейке, брюках галифе и в сапогах.

В Кремле ночью Верховный* не спал, и потому все ответственные работники на местах тоже бодрствовали, были, как говорится, начеку. Об этом я, разумеется, узнала, повзрослев. А тогда мы с мамой уговорили отца взять меня с собой, тем более, что пришёл новый транспорт вместо линейки – машина. Её называли "газиком" (ГАЗ-69 – не путать с полторкой ГАЗ-АА). Как не прокатиться?! Папе – по работе, мне – в радость. "Сидеть, слушать, молчать и не высовываться!" – так мне приказали.

Внутри юркого "газика" пахло резиной и керосином. Сиденья вдоль боковин были металлическими, и поэтому больно трясло по просёлочным колдобинам, хотя я и подкладывала под себя руки. Так становилось мягче. Водитель предложил мне свой ватник. Ехать стало веселее. Папа останавливался в поле, разговаривал с комбайнёрами, а я гуляла в пшенице, как в лесу, в ней можно было заблудиться. Колосья высокие могли в непогоду полечь, что не раз и случалось, и в настоящее время пшеничное раздолье выглядит иначе.

Потом заехали на ферму. Зоотехник что-то долго доказывал папе, а папа внимательно слушал. Вместе они курили "Казбек", папиросу за папиросой. В это время я наблюдала за коровами, они паслись рядом с фермой: одна вся в пятнах, другая со звёздочкой на лбу, а ещё одна – с колокольчиком. Почему? Тётя Паша, мамина знакомица, объяснила, что коров так и зовут: Пятнашка, Звёздочка, Колокольчик. Значит, внешне: почти всё, как у людей. Тогда я впервые задумалась об этом. Мама Надя, верила во всё хорошее, – Надежда. Тётя Паша – ладная, ласковая, и имя тоже мягкое. А я почему имею то имя, что имею?

Зато какой сладкой случилась остановка у полосатого поля – бахчи! Пить хотелось страшно! Жара. Папа напомнил сторожу, что скоро приедут за арбузами для детского дома. Свою военную пенсию по инвалидности отец перевёл для детей без родителей.

"Ребёнок ведь с нами, надо покормить", – сказал водитель. Тут мы и сообразили на четверых. Сторож выбрал зелёного красавца, примерился, ударил арбуз о колено и каждую половину разломал ещё пополам. Мне досталась алая четвертушка. Я вгрызалась в сочную мякоть и счастливо улыбалась... Потом, правда, всю обратную дорогу мне пришлось отгонять от себя мух и пчёл. На мне всё липло: мой ситцевый выцветший сарафанчик, руки по локоть, лицо и косички, даже уши... Всё надо делать умеючи!

Так прошла вторая арбузная встреча. О первой в четыре годика мне стало известно позже от милых родителей и старшего брата: как я летала с арбузом из рук в руки! Следующий полёт случился в семилетнем возрасте: меня оторвали от земли на несколько мгновений ураганный ветер и большой чёрный зонт – удивительные ощущения!

В Кореновском районе, куда мы переехали, работала выставка достижений народного хозяйства (как в столице нашей Родины – ВДНХ). Ученики моей школы № 1, точнее, лучшие юннаты, только что приехали из Москвы. Среди них и я. Через неделю выставку разобрали, продукты раздали.

"Папа дома?" – спросил меня ближе к вечеру красивый статный мужчина. Фамилию он имел говорящую – Николай Непомнящий. Бывший фронтовик. Говорили, с папой воевал на одном участке фронта, а познакомились после войны. Он возил папу по району. На этот раз отец обедал дома. Редкий случай! Когда папа в тёмном костюме и в туфлях (значит, собирался ехать на совещание) вышел на крыльцо, этот человек подал ему огромный арбуз, на котором было написано, точнее, вырезано на арбузной корке: "Дорогому Афанасию Фёдоровичу от колхозников". Папа улыбнулся, поблагодарил, полез в карман брюк и вынул серый кошелёк.

– Сколько?" – спросил он.

– Да, что Вы?!... Как можно? Это от души. Мы всем выставочное раздаём. Это дань уважения к Вам.

– Я не могу брать государственное... – несколько монет (в моё юное время это были нормальные деньги) звякнули в ладони гостя. Тогда я узнала, что такое... не взятка.

Некоторое время корочка с буквами "Афа..." хранилась дома. Время унесло. Арбуз, любимую ягоду нашей семьи, мы ели несколько дней.

За большие урожаи в течение нескольких лет зерновых культур в район пришли призы: машина в личное пользование и радиолоа "Урал". Мой папа, первый секретарь райкома Коммунистической партии, выбрал радиолу со словами: "Всё, что я имею, мне дала советская власть. Пусть автомобиль достаётся председателю сельского совета".

Мы не имели ни собственного дома, ни дачи, ни машины... Это благородное решение отца было и остаётся для многих непонятным.

* Верховный – И.В.Сталин

ВЯЧЕСЛАВ СБИТНЕВ

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

(Из новой книги)

Наша встреча в пустом осеннем кафе на окраине города радостной не была, впрочем, как не было и нормального диалога. Наоборот, наблюдалась определённая напряжённость.

На столе две тарелки с мясным рагу, салат из огурцов с помидорами. Соль, перец и хлебная корзинка. Спиртного нет.

Нас двое: я и сидящий напротив мужчина. Со стороны, наверное, мы выглядим колоритно.

– Как жизнь, какие планы? – спросил он меня, короткими глотками отхлёбывая дымящийся чай из керамической кружки с нарисованными на ней папуасами.

– Нет у меня никаких планов, – отвечаю, – тебе вот решил позвонить. Может, посоветуешь что?

– Посоветуешь? – посмотрел он удивлённо. – Интересно, сколько лет мы с тобой не виделись?

– Много, лет семь прошло, если считать с того дня.

Распространяться дальше на эту тему я не стал. Разговор шёл скучно, вяло, и ничего не напоминало встречи старых друзей. Так, слабенький, полунепонятный разговор на дежурные темы.

Думаю, надо представиться, чтобы было понятно, о ком речь.

Зовут меня Сергей. Бывший курсант одного из элитных военных училищ, бывший действующий офицер, бывший командир одного из самых узнаваемых спецподразделений, бывший участник военных событий, бывший лидер коллектива, бывший жених, бывший муж, ну и так далее, и так далее.

Одним словом, везде бывший, как ни печально это говорить. Из других регалий, уже не бывшего, а сегодняшнего дня, имею звание капитана запаса, а также полное отсутствие планов на ближайшее будущее. Впрочем, и не на ближайшее тоже.

Лет мне порядочно за тридцать, волосы начали седеть, что неудивительно. Мужчины в нашей семье седели рано.

Напротив меня неторопливо пил чай почти легендарный (в определённых кругах) человек, мой теперь уже тоже бывший командир, с которым мы не виделись почти семь лет, майор запаса, и всё такое прочее.

Зовут его Григорий, и если есть взаимосвязь между человеком и именем, это как раз тот случай. Имя подходило ему самым категорическим образом, соответствовало эдакой надёжности, монументальности, неизбежности в хороводе имён. Не знаю, как для других, а для меня это было так.

Люди мы разные, причём, настолько, что даже не верится, что когда-то были друзьями, что называется, не разлей вода. Правда, было это давно – не вчера и не позавчера.

Многое с тех пор изменилось, и сегодня я с непонятной тревогой смотрел на Григория, размышляя, что может быть у нас общего. За семь прошедших лет он изменился, добавил веса и определённо стал другим. Такого другого Григория я не знал.

В былые времена он был незыблемым авторитетом не только для меня, но и многих солдат и офицеров. Наверное, правильнее будет сказать, не для многих, а для всех.

Да, в те времена майор Григорий был для нас маститым гуру, движения бровей которого было достаточно, чтобы усмирить распоясавшегося бойца, а вот сейчас...

Трудно со стороны, через годы оценивать произошедшие с ним изменения, но то, что они были – я видел.

Другое дело, в какую сторону были эти изменения?

Рискну предположить, что не самого худшего качества, хотя могло быть и иначе. Такое нередко происходит, когда неподготовленный человек переходит из привычного мира в мир чужой, ему незнакомый и непонятный.

Об этом я хорошо знал, так как сам проходил через такое перевоплощение, а заодно видел, что порой даже могучие дубы, из числа которых, безусловно, был Григорий, не всегда выдерживали удары жизненных бурь. Происходило это печально, особенно, если на то была серьёзная причина морального свойства.

У Григория такая причина была и носила она красивое женское имя – Марина. Именно очаровательная девушка с этим именем положила конец нашим долгим, почти братским отношениям.

До сих пор не могу понять, как она умудрилась стать между нами, двумя друзьями, двумя офицерами, и не просто встать, а буквально заставить выбирать между собой и нашей многолетней дружбой.

Только как можно безболезненно выбрать между важным и очень важным?

Оказывается, можно и, к сожалению, я сделал свой выбор, вернее сказать, сделал свою ошибку, забыв о дружбе и о многом другом. Сейчас уже неважно, как именно это случилось, вольно или невольно. Важно другое – на дымящихся развалинах нашей дружбы гордо стояла Марина, довольно поглядывая по сторонам.

Теперь она была от нас далеко, в своей новой порхающей жизни, а мы с Григорием сидели в пустом кафе, не зная толком, о чём говорить.

Можно ли обвинять её за то, что она поставила друзей перед выбором, флиртуя с нами по отдельности?

Наверное, нет, потому что у каждого человека своя голова на плечах и находится она там как раз для того, чтобы думать и принимать правильные решения в сложных ситуациях. Я правильного решения не принял, поскольку думал тогда не головой.

Мало того, принятое решение было настолько глупым, неверным, что очень скоро у меня не оказалось ни любимой женщины, ни друга, ни работы, ни завтрашнего дня.

Вот какой выбор я умудрился сделать. Что-то из разряда "хочешь – стой, а хочешь – падай", и винить здесь некого. Не кто-то, а именно я сам виноват в случившемся. Видели мы, что она делала с нами. Хорошо видели и... почти не сопротивлялись.

Сегодня Марины, из-за которой я потерял друга, службу и в чём-то себя, рядом нет. В небытие ушло наваждение её искрящихся глаз, исчезла привязанность, густо замешанная на подобию любви, зато рядом поселились пустота и безграничная обида на себя самого. Причём, обе мною вполне заслуженные.

– Я так понимаю, что тебе сейчас и податься некуда, раз позвонил? – прозвучал голос Григория, убирая от меня навязчивую пелену воспоминаний.

Узнаю его. Что-что, а тягаться с ним в пронизательности смысла не было. Видел он настроение человека чуть ли не под метровым слоем земли и никогда не ошибался.

– Прав ты, Григорий, – вздохнул я, – податься некуда, да и не за чем. Неуютно как-то моя жизнь сложилась, неправильно, так что хвастаться нечем.

Нелегко мне было говорить такую правду, но что поделаешь? Не получилось бы у нас нормального разговора без неё.

– Ты уж прости, Григорий, если сможешь, – продолжил я, – неправ я был тогда на все сто процентов. И с Маринкой, и с тобой, да и вообще. Не держи зла, я уже эту ситуацию так через сердце пропустил, что дальше некуда. Нет слов, которыми бы я сам себя не называл. От себя ведь не спрячешься, забором не отгородишься. Сказать, что бес попутал, свалить всё на нечистую силу было бы неверно, согласен?

Григорий посмотрел на свой огромный кулак и усмехнулся:

– Это ты правильно сделал, Сергей, что позвонил. Не зря говорят, что худой мир лучше доброй ссоры, так что, давай поступим так, как в народе говорят – кто старое помянёт, тому глаз вон, договорились? Затем, явно волнуясь, протянул мне руку.

Мог ли я не пожать её? Другое дело, что я чувствовал при этом? Пусть это останется со мной. Не для сторонних людей, не для рассказов такие оголённые чувства – личные они, неприкасаемые.

– Тогда договоримся так, – по Григорию было видно, что примирение ободрило его, – я несколько лет тружусь у одного хорошего и небедного человека. Не совсем чтобы владельца заводов, газет, пароходов, но человека серьёзного и многими уважаемого. Присматриваю за тем, чтобы в физическом плане с ним ничего не случилось, являюсь кем-то вроде начальника личной охраны.

Человек он прямой, резкий, слов на ветер не бросает. Постараюсь поговорить с ним по поводу твоего трудоустройства. К моему мнению он прислушивается, а там кто его знает. Может быть, пригодишься ему, может быть, нет, но он без закидонов. Сам нормальный и нормальных людей за версту чует. Привечает именно людей, а не всякую тупую бестолочь из разряда искателей приключений, хотя всякого народа вокруг него немало вьётся. Скоро сам увидишь.

Григорий замолчал, задумчиво рассматривая папуасов на кружке.

– Что надо будет делать, если, как говоришь, всё сложится? – поинтересовался я, – хотелось хотя бы понимать ситуацию, чтобы недоразумений не возникло. Как ни крути, на берегу всегда договариваться удобней.

– Да так, поручения разные выполнять. По предыдущей нашей службе скажу, что к этой работе ты готов. Не забыл ещё, чему учили? – он шуточно, но ощутимо ткнул мне кулаком в плечо, которое сразу заныло. Да уж, что-что, а силушкой майор Григорий никогда обделён не был. Судя по плечу, она и сейчас плескалась в нём изрядно.

– Что делать? – переспросил он. – Человеком стать, себя вспомнить, к нормальной жизни вернуться, забыть, что когда-то было иначе. Вот что делать надо будет, а обо всём остальном сам с хозяином разговаривать будешь. Усвоил, капитан?

Я кивнул головой в знак согласия.

На веранде кафе начали появляться люди, да и погода налаживалась. Мелкий дождик перестал, и небо уже почти очистилось от облаков. Я смотрел на это, как на добрый знак, с определённой надеждой, которую подарил мне сейчас бывший друг Григорий. Только вот бывший ли?

Его телефон тихо пропел, и Григорий отошёл в сторону. При разговоре на его лице появлялись то решительность, то непонимание, а то и растерянность. В общем, наблюдалась целая гамма чувств, по которой было видно, что разговор с неизвестным мне собеседником давался непросто. Слов мне слышно не было.

– Помощник хозяина звонил, – сказал он, вернувшись за стол. – Поговорил с ним о тебе. Сложный он, мутный какой-то. Не хочет брать на себя ответственность, ну и шут с ним.

Было заметно, что сейчас в нём заговорил аналитик, а это был его конёк, без шуток.

Григорий продолжил:

– Непонятно, для чего он при хозяйине отсвечивает. Всё как-то по верхушкам смотрит, без глубины. Правда, в нём самом этой глубины с гулькин нос, а может быть, и того меньше, зато гонора, понтов ненужных хоть отбавляй.

Такая характеристика, данная Григорием, говорила мне о многом. Было время, когда мы понимали друг друга без слов, без подсказок, чуть ли не по наитию. Было...

– Значит, давай мы с тобой договоримся следующим образом, – Григорий чиркнул зажигалкой, – Помнишь, где на западной окраине города последняя остановка трамвая?

– Это на развороте у старого завода, где мы закладку убрали? – переспросил я, чтобы не запутаться в ориентирах. Всё-таки времени прошло немало, ещё и какого времени.

– Ну да, – кивнул Григорий. – Так вот, завтра, в 9 утра будь там и без опозданий. Помнишь поговорку – семеро одного не ждут?

– Конечно, помню, – ответил я, – как не помнить, если от этого иногда жизнь зависела?

– Вот и помни. На службе это было законом, ну, а здесь, на гражданке, пусть для тебя это будет правилом. Если сложится всё нормально, и хозяин даст по тебе отмашку, значит, хорошо. У тебя начнётся жизнь с новыми возможностями, если нет – не обессудь. Выше головы не прыгнешь. Так что, до встречи, и оденься во что-нибудь охотничье. Надеюсь, найдётся?

Помощник сказал, что намечается охота, и на ней будут присутствовать серьёзные люди. Правда, сказал он это с шуточками-прибауточками, да с хохотком неприятным, и мне это не нравится. Если человек не умеет мысли нормальным языком выражать, то мне непонятно, что у него на уме. Скользящий он, с двойным дном каким-то. По крайней мере, мне так кажется. Одним словом – не наш человек.

На мероприятии будут только оговорённые люди, поэтому, возможно, ты сразу, как говорится, попадёшь с корабля на бал. Это ничего, вспомни, как нас в срочные командировки отправляли. Кто-то что-то спрашивал? Сейчас, возможно, будет то же самое, но только после разговора с хозяином.

Григорий завершил короткий инструктаж, и мы ещё раз пожали друг другу руки. При этом я почувствовал, что в наших отношениях начинает проявляться былое понимание, когда слов особо и не надо было. Мне оставалось только радоваться этому. Правда, если бы я только знал тогда, к каким последствиям приведёт эта недолгая встреча со своим бывшим командиром, майором Григорием! Если бы только знал... Вернуть бы время обратно, но как?

Синий джип с десятком фар на верхней дуге я проследил до угла, за которым он скрылся. На веранде кафе я остался один, если не считать влюблённой парочки в дальнем углу да музыкантов, негромко настраивающих свои инструменты. Настроение после разговора с Григорием было неплохим – раз есть надежда, значит, есть место и дальнейшим планам.

Подошёл официант:

– Ещё что-нибудь будете заказывать?

– Нет, рассчитайте, пожалуйста, – ответил я и протянул тысячерублёвую купюру. На сегодняшний день это было всё, чем я располагал – остаток моей военной пенсии.

– Спасибо, не надо, всё оплачено, – сказал официант и пошёл обратно. Я не удивился. В трудную минуту Григорий всегда поддерживал друзей, которых было у него немало. Мы это ценили и отвечали ему тем же. Вот и сейчас он разобрался, что я на мели и не стал ставить меня в глупую ситуацию.

Я собрался уходить. Надо разобраться со своими мыслями. Кое-что понять тоже не помешает. Например, почему Григорий недолюбливает помощника, если работают они на одного человека? Что за этим стоит?

Официант убрал со стола посуду, сейчас на нём осталась только большая керамическая кружка с нелепыми папуасами, из которой пил чай майор Григорий. Мой бывший и, надеюсь, будущий друг.

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Очерк

Как-то коллега по перу обратилась ко мне с просьбой оценить попавший ей на глаза рассказ молодой талантливой писательницы: "Написано захватывающе, да вот боюсь, нет ли в тексте романтизации суицида?". "Ну что ж, – говорю, – кидайте мне его в почту. Посмотрю".

Рассказ был небольшой, написанный вполне приличным грамотным литературным языком – огрехов практически не обнаружил (у меня, технического редактора литературного журнала, оценка грамотности построения фраз, орфографии и прочих атрибутов любого текста происходит при прочтении уже "на автомате").

Сюжет, если в двух словах, в общем-то, банальный: представитель "офисного планктона" "мужеска полу", многократно проверяя в течение рабочего дня электронную почту – и так изо дня в день – с вожделением мечтает о том, чтобы застрелиться.

Далее следует описание причин его невписываемости в окружающий коллектив и тоски зелёной от однообразия и кажущейся бессмысленности работы, в результате чего наш, так сказать, герой находит развлечение в сканировании собственных галстуков и распечатывании их в цвете на принтере, вывешивая эти сюр-изделия на стене...

Дома его никто не ждёт, кроме, разве что, портрета Сальвадора Дали (чьей работы – не описывается, хотелось бы верить, что работы Луиса Буньюэля, потому как все иные вполне соответствуют экзальтированности портретируемого) да журнала с говорящим названием "Время перемен" – его сексуально озабоченная жена, изменявшая благоверному с другом семьи, давно сбежала от своего "ни рыба ни мясо" муженька...

Далее следуют диалоги с пытающейся вломиться в его квартиру (или в жизнь?) некой Дэстини. Почему Дэстини? Тут всё вполне понятно, если учесть, что с английского "destiny" переводится как судьба, предназначение. С учётом последующего развития событий очень даже неплохой сюжетный ход.

Короче говоря, однажды наш затурканный бессмысленностью жизни безымянный герой приезжает на вокзал, покупает билет на поезд и вместо того, чтобы сесть в этот самый поезд – глядишь, увёз бы куда-нибудь в более осмысленную жизнь – он весьма непоследовательно выбрасывает в объятия ветра этот купленный "билет в один конец" и со счастливой улыбкой бросается под колёса головного вагона, рассуждая в последний момент о крайне низкой себестоимости этого способа самоубийства в сравнении с покупкой пистолета да ещё сожалея, что не успел-таки отсканировать чётный сто двадцатый по счёту галстук – вот здесь автор уж слишком увлеклась созданной ею сюжетной конструкцией, ибо как-то очень ложно-расчётлив её герой: в реалиях самоубийство, как правило, совершается в состоянии аффекта.

Занавес!

* * *

Можно было бы плюнуть на всё и списать эту историю на сиюминутные "завихрения" в авторской голове – кто знает, может, такие у неё игры разума, а может вспомнила из школьной программы жизнеописания литераторами XIX века целой плеяды "лишних" людей, но давайте попробуем разобраться, откуда возникла база для создания такого вот "образа".

Практически всем и каждому известна фраза Чехова по поводу того, что повешенное на сцене в первом акте ружьё обязательно должно выстрелить в акте третьем. Вот и мы, как общество, разыгрывая пьесу под названием "Россия против Запада", "ружьё" своё повесили на сценический задник с чертанными на нём словами о неуёмном желании низвержения КПСС в угоду романтическим понятиям о свободе и демократии, пожалуй, году этак в 1988–89-м. И заряжено оно было **бездумной и безотчётной** любовью к Западу, к его, как оказалось много позже, весьма сомнительным ценностям, завёрнутым для привлекательности в яркую манящую обёртку. Мы же для наших будущих оппонентов были папуасами, только, в отличие от гвинейских аборигенов, у нас имелось ядерное оружие – какая досада! Хотя, в полном соответствии с веяниями времени, повешенной на декорационное полотно оказалась не примитивная однозарядная берданка, а полновесный "калаш" с примкнутым рожком, снаряжённым под завязку тридцатью двумя боевыми патронами калибра 5,45.

Слова "бездумной и безотчётной" выделил потому, что, строго говоря, любовь эта родилась не вчера и не позавчера, а, пожалуй, ещё во времена Петра Великого. И была эта любовь сродни этакой тоске по непознанным до поры внеземным цивилизациям...

Итак, в полном соответствии с режиссёрским замыслом, как ему, по всей видимости, казалось, одним из первых выстрелов нового (и последнего) энергичного главы КПСС было назначение на должность министра иностранных дел ничего не смыслящего в дипломатии Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Попутно он предал забвению, а если точнее, то совершил предательство по отношению к породившему Горбачёва в качестве генсека Андрею Андреевичу Громыко. Вот только сам ли он все последующие свои действия срежиссировал?..

И потом понеслось: р-раз – сдача практически без боя и компенсаций своих спутников по Варшавскому Договору; два – вывод буквально в чисто российское поле подразделений ГСВГ; три – падение Берлинской стены и объединение двух Германий; и ещё раз – признание "архитектором перестройки" Александра Николаевича Яковлева, прошедшего соответствующую западную школу, будучи в своё время сосланным в качестве посла в Канаду; и ещё – подписание абсолютно неравноценного договора о сокращении РСМД; и ещё – назначение главой МВД Бакатина Вадима Викторовича с напутственными словами Горбачёва: "Мне не нужны министры-милиционеры. Мне нужны политики"; и ещё – передача Бакатиным, бывшим к тому времени уже председателем КГБ СССР, технической документации на прослушку строящегося нового здания американского посольства в Москве ошарашенному таким поистине царским подарком хозяину Спасо-Хауса с санкции всё того же Горбачёва...

А потом – уже короткими очередями: Ельцин, Беловежская пуца, Борисово незабываемое провозглашение с трибуны американского Конгресса "Боже, храни Америку!", младореформаторы, принятие предательской Конституции 1993 года, приватизация под чутким водительством кураторов из ЦРУ, семибанкирщина и так далее, и так далее, пока не опустошили весь рожок. Правда, остался вопрос: а его точно опустошили?..

В 90-е годы Россия практически полностью ушла под западное (читай – американское) влияние: в школах – учебники от фонда Сороса, в финансовой сфере – царствование Международного Валютного Фонда с его грабительской кредитной системой и разнообразные финансовые пирамиды; в радиозфире – "Эхо Москвы", Радио "Свобода", "Русская служба Би-Би-Си", "MTV", "Европа-Плюс"; на телевидении – чернуха и прочий, в основном голливудский, ширпотреб, припудренные разнообразными рекламными роликами, – те самые бусы для папуасов...

Чем-то это всё напоминало шестой подвиг Геракла, только шиворот-навыворот. То есть, если мифологический герой, выполняя задание царя Эврисфея, направил воды реки Алфей в Авгиевы конюшни, дабы смыть оттуда горы копившегося десятилетиями навоза, то наши "богатыри"-антиподы (антиподы ли?) в лице Горбачёва и Ельцина открыли российские границы и пустили в страну всю накопленную вовне духовную дрянь, благо почва для этого была, к несчастью, уже подготовлена непрочисленными действиями их предшественников.

Далее можно было бы продолжать ещё страниц на десять, но остановлюсь на том, что мне, как литератору, ближе всего – на культуре и, в частности, на литературной её части.

Задавшись не так давно вопросом продвижения в рамках предмета "Кубановедение" для изучения в школах родного мне Тихорецкого района творческого наследия местных литераторов, неизбежно добрался до содержания Минобровского документа от 16.01.2013 года под названием "Перечень "100 книг" по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации" и обнаружил, что в прилагаемом для внеклассного чтения списке напрочь отсутствуют книги, которые в своё время относились к серии книг о пионерах-героях: "Улица младшего сына" Льва Кассиля и Макса Полянского, "Сын полка" Валентина Катаева и другие не менее известные произведения на указанную тематику. Слава Богу, что хоть "Как закалялась сталь" Николая Островского оставили!

Ладно, думаю, поищем в книгах, обязательных для изучения непосредственно в учебное время, потому как, хоть и окончил школу в далёком 1970 году, но прекрасно помню, что без вышеперечисленных (интереснейших!) книг мы бы, в своей школярской массе, чувствовали себя неполноценными людьми. Мало того, мы хотели быть похожими на героев этих книг!

К сожалению, в интернете материалов моих времён не нашёл, но вот в списке книг для изучения на уроках литературы за 1984 год для 9-го класса, например, упоминается роман "Живые и мёртвые" К. Симонова, а для 10-го – "Как закалялась сталь" Н. Островского и "Поднятая целина" с "Судьбой человека" М. Шолохова.

А вот в современных списках "Как закалялась сталь" уже, как я отмечал, рекомендуется только для внеклассного чтения, как, кстати, и "Повесть о настоящем человеке" Бориса Полевого, а для школьной программы шолоховская "Судьба человека" переведена из 10-го в 9-й класс, в 11-м же классе изучают его "Тихий Дон", а "Поднятая целина" исключена вообще. И нигде не упоминается ни "Молодая гвардия", ни "Повесть о Зое и Шуре", не говоря уже об "Улице младшего сына" или "Четвёртой высоте"...

Кто-то может возмутиться, чего это автор привязался к Николаю Островскому с его знаменитой книгой – других не нашлось, что ли?

Отвечаю. Например, в НОАК – народно-освободительной армии Китая, каждый военнослужащий просто обязан прочитать эту книгу и знать её как "Отче наш". Может, поэтому Китай и взлетел до таких недостижимых пока для нас высот, а?

В качестве противовеса пересказанного мной в самом начале статьи литературного "изделия" приведу один пример. Не так давно опять же ко мне обратился один молодой человек с просьбой посмотреть несколько его рассказов на предмет оценки литературных способностей автора.

Отмечу сразу, что над рассказами, чтобы довести их "до ума", надо бы ещё работать и работать, хотя основа заложена неплохая, но вот один из них, под названием "Его победа", меня просто потряс. В короткой истории, похожей по изложению больше на очерк, рассказывалось о том, как ребёнок-колясочник, больной ДЦП, считающимся официальной медициной практически неизлечимым заболеванием, в 7 (семь!) лет решил разрабатывать руки, на что у него ушло ни много ни мало – два года. Потом взялся за разработку ног и через какое-то время сошёл с коляски. В 14 лет мальчишка поставил перед собой новую цель – пройти 3 километра, ни разу не упав. На подготовку ушёл год...

Легко ли ему было? Отмечу лишь, что я не описываю, какие физические страдания парню пришлось преодолеть.

Прошли годы – он окончил училище, получил профессию...

А вот тут я позволю себе цитату из рассказа-очерка:

"...2 года назад нашёл спортзал для инвалидов. Теперь ходит туда. Там занимаются сильные, волевые люди. Есть среди них даже колясочники и слепые. Занятия спортом старается не пропускать. Ему нравится чувствовать приятную усталость мышц и мускулов, а ощущение того, что становишься всё сильнее и крепче, вообще ни с чем не сравнить.

Нет, он не ангел. В училище попробовал и курить, и выпивать, но заметив, что всё это сбивает дыхание и снижает ритм, полностью отказался от этих "удовольствий". Вряд ли кто узнал бы в нём того беспомощного инвалида-колясочника, видя, как он жмёт лёжа штангу весом в 25 кг.

Люди иногда, узнав его историю, считают парня героем. Сам он так не думает. Разве можно считать героем того, кто просто не хотел быть инвалидом? Нет, герой – это тот, кто, рискуя своей жизнью, спасает других. А он спасал себя, боролся с судьбой и изменил её.

Те три километра, которые он когда-то преодолел с таким огромным трудом, теперь у него вместо прогулки, а иногда их, не спеша, пробегает.

Он давно уже перестал завидовать здоровым. Порой ему даже жаль их. Ходьба, бег, даже простое напряжение мускулов им столь привычны, что они не понимают, не ощущают, не замечают своего счастья..."

Вот такая, как говорил герой одного хорошего фильма, понимаешь, аптека! Автор, конечно же, описывал не чью-то чужую, а свою собственную жизнь. Из переписки с ним я узнал, что "Как закалялась сталь" он прочитал во втором классе (в 8 лет!), а "Повесть о настоящем человеке" отец подарил сыну на его 10-летие. Как тут не вспомнить Владимира Семёновича Высоцкого:

*Если путь прорубая отцовским мечом,
ты солёные слёзы на ус намотал,
если в жарком бою испытал, что почём,
значит, нужные книги ты в детстве читал!*

Основной труд писателя – свидетельство событий окружающей эпохи, иначе какой же он писатель? И даже если из-под пера его выходит фантастика, всё равно там – проблемы окружающего мира. Достаточно вспомнить хотя бы книгу "Трудно быть богом" братьев Стругацких, содержание которой особенно сейчас актуально, потому как находящееся рядом государство на наших глазах сваливается в какое-то средневековье...

И если уж в школьную программу включаются произведения художественной литературы, то, думается, в том числе и с целью освещения, а то и литературного анализа тех или иных аспектов истории нашего государства с учётом авторского их видения.

Я не заглядывал в нынешние школьные учебники по истории, но вот что странно: те, кто сочиняли список изучаемых книг, заменили шолоховскую "Поднятую целину" его же "Тихим Доном". Значит, рассуждаю я, чиновники от образования посчитали, что школьники доросли до понимания сложнейших душевных терзаний Григория Мелехова на фоне кровавых событий Гражданской войны, а не менее, если не более, трагичные события периода коллективизации, описанные Шолоховым через судьбы Макара Нагульнова, Семёна Давыдова и других героев "Поднятой целины" – не их ума дело?

И не потому ли наше будущее, наше Generation Next, насмотревшись вездесущей рекламы, основная цель которой – вбить зрителю в голову мысль о вселенском потреблении всего и вся; наигравшись в сетевые игры или пытаясь повторить успехи безмозглых миллионеров-блогеров; путающее, порой преднамеренно, кириллицу с латиницей – это же так прикольно! – мечтает о "молочных реках с кисельными берегами" вместо того, чтобы просто пахать, преодолевая любые трудности, и собствен-

ными успехами преумножать славу своей Родины, потому как без преодоления хотя бы самого себя ничего путного из недоросля не получится...

А потом мы задаёмся вопросами: откуда берутся вани урганты, сладкоречивые максими галкины, чулпаны хаматовы, ксюши собчаки, дани милохины и протча, и протча, и протча – та самая "пятая колонна", имя которой пока что – ле-ги-он.

А что до того суицидального рассказа, так вот ещё одна маленькая история в тему, на этот раз из области музыки. На второй пластинке двойного "Белого альбома" Битлз была записана забойная вещь Пола Маккартни, положившая начало тяжёлому року – *Helter Skelter* (в буквальном переводе "неразбериха"). В 1969 году песня оказалась в центре внимания всего мира. Некто Чарльз Мэнсон, глава коммуны "Семья", воспринял её как пророчество о будущем апокалипсисе. Он и его сообщники совершили ряд жестоких убийств и написали "*Helter Skelter*" на стене особняка в Беверли-Хиллз (Нью-Йорк), оставив после себя пять трупов.

На суде Мэнсон утверждал, что к резне его подвигла эта самая песня Маккартни, которому стоило огромных усилий доказать в судебных разбирательствах, что у него и в мыслях не было ничего такого эдакого...

А теперь представьте, что случилось несчастье: некто молодой выбросился из окна какой-нибудь шестнадцатизатяжки (бывает и такое), и следователи, докапываясь до причин самоубийства, найдут в его квартире предсмертную записку, где неровным почерком будет изложено, что к суициду неокрепшую заблудшую душу подвиг тот самый рассказ, о котором я упоминал в начале статьи...

И не стоит ли задуматься, что вышеописанная последовательность действий, начинающаяся, казалось бы, с таких мелочей, как подмена понятийных ориентиров, забвение литературных, и не только литературных, героев – тот самый билет в один конец, откуда возвращения не бывает?

P.S. Уже во время вёрстки журнала слушаю, как всегда, авторскую программу Сергея Михеева "Железная логика" на "Вести-ФМ", которую на этот раз он начинает с сообщения, что когда сегодня ехал на работу, в автобусе к нему обратилась женщина-пенсионерка, бывшая в недавнем прошлом учительницей истории, с вопросом, знает ли он, сколько часов на уроках истории в школе уделено изучению Великой Отечественной войны.

– И сколько же? – спросил Михеев.

– Четыре часа, – услышал в ответ.

– Как четыре? За весь период обучения?

– Да, за весь период...

Вот такие дела... А я тут очерковые копы ломаю по поводу исключения из школьной программы книг о пионерах-героях!

В Краснодаре же меж тем анонсирован спектакль "Эйнштейн и Маргарита", который должен пройти в драмтеатре, судя по афишам, 12 ноября сего года. Спектакль поставлен Александром Мариным по пьесе А. Гельмана "Альмар". Вот лишь один из отзывов на это творение: *"Я не ханжа, и понятно, что все люди, как одарённые, так и посредственности, моются, едят, занимаются любовью, но обсуждение потенции 66-летнего человека – это не та проблема, размышлять над которой мне хотелось бы на спектакле о безусловном гении. Кроме того, грубо перевраны факты: фото с высушенным языком создано гораздо позже описываемых событий, а создание ядерной бомбы не относится к числу открытий Эйнштейна. Основной вопрос, конечно, к режиссёру: спектакль и не добрый, и не заставляющий задуматься, он просто никакой..."*

Если этот отзыв соответствует действительности, невольно приходит в голову мысль: мало видимо нам новаций Кирилла Серебренникова, одним из многочисленных "шедевров" которого явился порно-пасквиль "Жена Чайковского", выставившийся бесславно на 75-м юбилейном Каннском кинофестивале. Да и участие в спектакле актёра Алексея Серебрякова, который несколько лет назад "прославился" тем, что, получив канадское гражданство, не раз ругал свою страну, в которой, по его мнению, национальными идеями являются сила, наглость и хамство...

Интересно, неужели краснодарцы расхватывают билеты как горячие пирожки? Для справки: стоимость их в 2000 – 7500 рублей за штуку явно достойна лучшего зрелища.

А в это время на нашей территории, *уже на нашей*, девятый месяц идёт полноформатная кровавая война. И, держа руку на пульсе бытия, наш коллега, краснодарец Юрий Васин по самым свежим событиям написал более чем актуальную пьесу "Серая зона Донбасса", выход в свет которой анонсирован в сентябрьском номере журнала "Краснодар литературный". Но, видимо, по-прежнему нет пролога в своём отечестве...

АЛЕКСЕЙ СМОЛЕНЦЕВ

НАМ ДО БОГА – ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

(Поэтический цикл)

Берег Неба

Я в жизни жил на берегах,
Знал океана влажный космос,
Знал негу женщин на руках,
Их тяжесть и их невесомость.

Но никогда, нигде, никак
Не знал, не ведал,
Что так бывает: Берег, край
И сразу – Небо.

И это длится всё пока,
На сини девственной пасомый,
Теперь я знаю Облака,
Их тяжесть и их невесомость.

Сина

Смотришь в Небо – не тает, не стынет
Грёза Света в хрусталике дня.
На Земле так не выяснить сини,
Разве, что васильком лепетать.
.....
Смотришь долго... в Синь июньской требы...
В глыбь Любви из сердца льешь Покой.
А потом

просто

опрокидываешь небо,
И оно как Море – под рукой.

Вот и – все...

Ступай по ясной Сини,
С корнем рви заматеревший кнехт,
И – живи... покуда хватит силы,
Не земной, а тяготящей вверх.

Прозрачной в глубине...

Ясен День. Сегодня будет Лето.
Небо льёт обратной глубиной.
Ласточки купаются в рассвете,
Ласточки играют в Любовь.

О, душа, возмём у них беспечность!
Только, нету тары на обмен.
Оттого и Синь так бесконечна,
Что она прозрачной в глубине.

Ласточки, мои ручные ветры,
Ластятся... с моей шалют рукой...
Оттого и жизнь не знает меры,
Что она прозрачней за чертой.

Сельские картины

Свет здесь рушится, а не тает.
Возвещает петел: Жить пора!
Мать, не понимая, что читает,
потихоньку молится с утра.

Здравствуй, Бог,

Твои суровы зимы,

но и...

опыт жизни не возьмешь с листа,
но, зато

выжил, и

наука жить – проста:

в Лето все Пути исповедимы
Ясным исповеданьем Христа.

Он во всём здесь. Сельские картины
проникает тихий Свет Любви,
и к Нему склоняют георгины
в тяжести торжественной главы.

Светлый край

Солнце, мама, сгинет слякоть,
Есть и в боли светлый край.
Мы с тобой не будем плакать,
И Господь возьмет нас в Рай.

А пока – восславим Бога,
По распутице, в грязи.
Нам до Бога – так немного.
Нам до Бога – только жизнь.

У Верховуйских родников

Бог удостоит и устроит:
знать женщину, и знать любовь,
Заиорданской стороною,
у Верховуйских родников...

От лжи, от ревностей, от муки...
от шрамов ран –
святых вериг, страстных оков
меня твои отмоют руки
водой из Верховуйских родников.

И если я чего-то стоил,
то это – право быть с тобой,
Любовь

моя, –

приют и кров...

Заиорданской стороною
у Верхобуйских родников.

Дождаться в дожде

И даже в дождь... И даже в дождь...
По сельным кринам сельский ливень,
уверенный, неторопливый...
весь – мощь...

так Правда сносит ложь...

Ты не придёшь?... нет, Ты – придёшь...
через потоки и разливы,
И Буй, что буйствует счастливо...
не перекрестишь, даже, но...
водою не замочишь ног...

Я не дождусь тебя?...

Нет –

я –

тебя дождусь.

И Солнце, алым
огнём, пятном прожжёт рассвет
над тёмным чёрным соснооставом,
над болью дней, над солью лет...

Земля Именинница

Завтра Троицын День...
и на кладбище небо к могилам
так и льнёт, так и льёт синеву
по сосновому в прозелень лету,

и могилы, легко
выступают из рощи сосновой,
и по лугу идут средь берёз...
то ли, до ли берёз...
и берёзы могилам шумят на лугу.

Это Сельское кладбище...
здесь

всем хватит и мест и простора.

В род и род принимает в объятья свои...

Просто жизнь, просто смерть...
А сегодня – ещё разговоры
Поминальную трапезу
разделяющих миром людей.

Как нарядна Земля,
и нарядные люди отрадны,
а печаль – тишина, она рядом,
но ждет своего торжества

завтра Троицын день
и Сошествие Духа Святого
осенит, отшумит языками...
и Земля отдохнет,
именинницей будет Земля.

Небесное тело

Так странно... молиться и знать,
что "в лучшем..." – меня ты отринешь.
С иконы святая Ирина
мне пристально смотрит в глаза.

Ирина, любовь – это взмах,
сметающий жизни пределы!
Душа, как небесное тело,
преткнулась в Кубанских степях.

Дай руку, Ирина, пора,
сквозь жар Краснодара и жажду.
Ты будешь жена ли, сестра,
хоть – ...дочкою,

это не важно.

Как скажешь...

не телом единым...

любовью, не знающей зла.
Зачем же, святая Ирина
так пристально смотрит в глаза?

Ветер и пламя

*Ты женщина, а это ветер вольности,
Рассеянный в печали и любви.
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой – топил на море корабли.
(Ю. Кузнецов)*

Краснодар расшатала ветра.
Разошлись в октябре без предела.
Эта женщина, даже не смело,
Просто рядышком с ветром сидела
И на равных себя берегла.

Говорила: пути у нас – нет.
Не такой я ей нужен – не пара.
А сама пламенела как цвет –
нежно-розовый девичий свет –
На октябрьском ветру Краснодара.

Все она разобрала дела,
Разложила – за камушком камень...
Но... не знала, что с Ветром всегда
Только ярче становится Пламя...

О русской поэзии и силе света

Когда не тьма уже, но сила света
грозила повреждением уму,
пришли на помощь русские поэты,
напомнили мне, что и почему.

Есенин молодой и неустанный,
легко держащий перебив строки,
какая мощь и нежность... чувство стана
девичьего, качнувшее стихи

по-пушкински...

... мы все на пир весенний
к нему. К Нему, чей солнцем остр стилет.
В нём – все: и Божество, и Вдохновенье,
И Жизнь, и Слёзы, даже Смерти – нет.

И Лермонтов... мальчишка, тот, чьи плечи
Вселенной задевают окоём,
(где спит Земля в сиянье голубом)
и Свет и Пламя укротивший в стих,
и уязвивший женскую беспечность
копьем: "А чем ты заменила их?".

И Маяковский... – сердца бесконечность,
не одолела революций мгла –
болящей глыбой вывернувший в вечность:
"Уже второй, должно быть, ты легла...".

Так, с русской поэзией, легонько
границы мы алмаз – за гранью грань...
любимая смирялась потихоньку
к моим рукам.

Прощанье с раем

Любовь и Смерть не ведают Закона.
Им – Благодать; – Вся от Твоих Твоё.
И девочка живёт недоумённо
меж грозных чувств, взвихривших Бытиё.

Сил не щадя, она стоит у края,
границу чертит, вопреки судьбе...
Ты женщиной становишься.

Я знаю,
как невозможно всё это тебе,

как ты растёшь над жизнью оголтелой,
над светом/тенью Чистяковских рощ,
как ждёшь меня... Предвосхищает тело
предвечную – прощанья с раем – дрожь.

Кубанская Пасха

26 (13 ст. ст.) сентября Воскресение Словоущее –
престольный праздник одного из пределов
Свято-Екатерининского кафедрального собора;
церковная служба накануне вечером и в сам
этот день совершается Пасхальным чином

Быт... суета, маета...
Да только вдруг, словно сказка!
Пред Воздвиженьем Креста
Льётся Кубанская Пасха!

Екатерины Придел,
Свет Воскресенья Христова
Снова до нас долетел,
Снова – "Во Истину!",
снова

Славят кубанцы Христа!
Батюшки в пламенных ризах...
Красная Пасха – Красна,
Кровь Евхаристией Вызнав.

Солнца всклубившийся дым
Днесь под копытами дрогнет,
С Неба казачии сотни
Строй дополняют земным.

Войска Кубанского стать –
Дышит казачая лава,
И Воскресенье Христа
Всею Кубанию славит!

К Екатерине святой,
Матушке нашей насущной,
Любо склониться главой
О Воскресеньи Словоущем.

Осень... а сердцу – красна
Нового Лета затея:
Благоговеет Весна,
Веет от Лабы до Еи.

Красная в новой красе,
Радость Любви непочата –
Вновь заневестились все
Екатеринодарчанки!

ЛЕОНИД СЕВЕР

В ЛЕДЯНЫХ КРАЯХ...

(из северной тетради)

Первое воскресенье сентября

*В первое воскресенье сентября нефтяники
отмечают свой профессиональный праздник.
Праздник тяжёлого, а для многих других,
непосильного труда!*

Девятый час гудят турбины,
На уши давит высота,
Ждут покорителей Сибири
Чуть отдалённые места.

Саранск, Свердловск, опять посадка,
Спина и ноги затекли,
"Снижаться начал... Всё в порядке!".
В окошке факелов огни...

Подали трап, на выход просят,
И главное – не вешать нос!
Дышать проблемно... Тридцать восемь!
Мороз кусается до слёз.

В нависшей дымке бледно-синей
"Вахтовка", съёжившись, стоит,
Холодный пар, в салоне иней,
Мотор надрывно тарыхтит.

Поехали! По ледяной дороге
Ещё вёрст семьдесят пути,
Белеет нос, немеют ноги,
И месяц вахты впереди.

Табачный дым от сигареты –
Весь небольшой запас тепла,
Который с каждым километром
Съедает северная мгла.

Жестокий холод, души стынут,
"Вахтовка" медленно ползёт,
Мы превращаемся в пингвинов...
Ура! Последний поворот.

Добрались! Дорогой вагончик
Встречает светом и теплом,
Передохнуть бы, дело к ночи,
И минус сорок за окном...

Согрелись, веселее стало,
Раскрыли сумки, рюкзаки,
Но чтоб залезть под одеяло
Ещё и думать не моги.

Без остановок – постоянно –
Процесс бурения идёт,
Нет у помбура вариантов –
Поел, оделся и вперёд...

Заледенелые ступени...
Их двадцать две, высокий марш...
– Всё! Тормози, браточки, смена!
Сажай на клинья, и шабаш!

Заиндевелившие фигуры
Встречают крепким матерком,
По сигарете вместе курум,
И нужно продолжать подъём.

Четыре лома, три кувалды,
Багры, лопаты, две кирки –
Есть всё, что нужно, у бригады
Для покорения тайги.

Ну, понеслась! И лютый холод
Сдаётся и уходит прочь,
Когда ты и силён, и молод,
То всё способен превозмочь.

Стоп кадр! Я тут авторитетно
Могу заверить и сказать:
– Нефть добывать – не на паркете
Бабло зелёное считать.

Четырнадцать часов дороги,
Плюс десять вахты, лишь потом,
Когда уже не держат ноги,
Ты душу радуешь теплом.

А дальше – восемь через восемь,
Скрипя зубами, без нытья
Идёт работа на морозе –
И покоряется земля!

Фортуна

Для многих желанна, легка и вольна,
Мы все её ловим, как дети,
Она никому ничего не должна,
И нет ей замены на свете.

Лютуют ветра, закусив удила,
Швыря баркасы и шхуны,
Но шепчет с надеждой: "Была не была!"
Богиня удачи – Фортуна.

И тучи уходят, и свет в облаках,
И кто бы там что ни судачил,
Но былью становится небыль в руках
Прекрасной богини удачи.

В тоске и печали её не зови –
Не слышит минорные струны
Царица надежды, подруга любви,
Любимица веры – Фортуна.

И если "дела, словно сажа бела",
И кажется жизнь безнадежной,
Смелее решайся: "Была не была!"
И мчи напрямик бездорожьем.

И в нечет, и в чет тот удачу найдёт,
Чей риск, иногда хулиганский,
Фортуна с улыбкой оценит, поймёт...
И выйдет навстречу с шампанским!

Нижевартовск

(акrostих)

Нельзя не вспомнить лютой стужи
И в летний зной солёный пот...
Железным быть, наверно, нужно,
Нефть добывая из болот.
Едва добравшись до бригады,
Всегда весёлый человек
Азартно, с шутками и матом
Работает, как в зоне зэк.
Тяжёлый труд, мужская доля...
Ох! Как же хочется домой...
Ведёт к заветной цели воля –
Себя не чувствуешь порой...
Куда домой?! Долби киркой!..

Вперёд за прошлым...

Расплавив воздух, гул турбин
Рванулся к свету,
Сданы в багаж адриналин
И сигареты.

В пустыне смысла, сам не свой,
Добрёл до края,
Но от себя и за собой
Я улетаю.

Открылась неба синева
За облаками,
И верить хочется словам:
"Удача с нами!".

Коль смелость города берёт,
То непременно
Судьба наотмашь прошибёт
Любую стену!

Ура! Сомненья и хандра
Остались где-то...
Меняю южные ветра
На хруст монеты.

Лечу туда, где холода
Тайгу утюжат,
Земля мне эта не чужда,
И нужно сдюжить!

Посадка. Минус сорок два!
Темно... Тревожно...
Кто скажет: "Это трын-трава!",
Тот врёт безбожно.

Мороз ни кум, ни сват, ни брат,
И от отважных
Порой не раз я слышал мат
Многоэтажный...

И кто здесь пан, а кто пропал,
Решают годы,
А кто стал крепче, чем металл, –
Прогноз погоды!..

Постыло стужа декабря
В лицо смеётся,
Ну, здравствуй, молодость моя!
Мой Город Солнца!

Самойловская

Блики утра
Серебрят сугробы снега на промзоне,
Перламутром
Заблестели облака на небосклоне,
Монотонно
Город кутается в тёплые одежды,
И безбрежны
На прогнозы от синоптиков надежды.
Сел в "четвёрку"
И качусь по перекрёсткам зимних улиц,
Остановки
Возвращают в неробеющую юность,
Где в бытовку
Собирали нужный керн* для сувениров,
А тусовкой
Набирали дружно крен в "Огнях Сибири".

Кто-то скажет:
"Тут тупик, и поезд прибыл до конечной!"
Или даже,
Что мороз достал и жизнь – она не вечна!
Бесконечны
Пересуды, что зарплаты здесь "не очень",
Ну, а впрочем,
Переезд отсюда каждый многоточит...

На "Ромашке"
 Караваны фар на вахтовом вокзале,
 В них без "страшно"
 Сядут те, кого ждать дома обещали,
 У причалов
 Обь сковала катера и аппарели,
 Вновь капели
 Забурлят большой водой в конце апреля.

Давит холод,
 Добавляя в настроенье "неохоту",
 Мёрзнет город,
 Но короткий день прибавит обороты,
 Позолотой
 Солнце бережно восходы отпечалит,
 Обвенчает
 Нижневартовск с "Самотлорскими ночами"!..

Кто-то скажет:
 "Тут тупик и поезд прибыл до конечной!"
 Или даже,
 Что мороз достал и жизнь – она не вечна!
 Бесконечны
 Пересуды, что зарплаты здесь "не очень",
 Только каждый
 Переезд отсюда всё же многоточит...

* керн – образец горной породы.

Близкое

В ледяных краях, на шальных ветрах,
 Где семейный быт навсегда забыт,
 Парни крепкие.
 Толщь гнилых болот, мощь земных пород
 Покоряет бур, ковыряя грунт,
 Километрами...

Судьбы разные, роботы грязные,
 мысли схожие...
 Отморожены руки каждого!
 Подпирает стынь поднебесья синь,
 Тяжела стезя, да роптать нельзя!
 Это скважина!

Скалит клык январь, цепенеет хмарь,
 Каски в инее, вахты длинные,
 Накатила мгла.
 Как права молва: "Не сорви пупка!"
 Морок, как с куста, и твердят уста:
 "Лишь бы ты ждала!"

Навались, братва! УБТ* – труба, ох, тяжёлая!..
 Пережёваны души шрамами...
 Голос зря сипит, на хандру – лимит.
 Отдыхай, кайло! Обниму тепло
 Долгожданное!

Робы сброшены, сумки сложены,
 По домам поря, и Сибирь щедря –
 Заработали!
 По карманам хруст, занарзаним грусть!
 Не уйти б вразнос, а морозил нос
 С неохотою...

Съеден соли пуд! Но не сладок путь у нефтя-
 ника –
 Сытным пряником сразу маемся...
 И, к плечу плечом, зная, что почём,
 Сквозь пургу и лад мы – кто в рай, кто в ад –
 Возвращаемся!..
 Возвращаемся...
 Возвращаемся...

* УБТ – утяжелённая бурильная труба.

Встреча

Юрию Михайловичу Яроцкому

Здравствуй, Юра!
 В наш город натруженных рук
 И мужской, несгибаемой дружбы
 Я приехал, порвав неприкаянный круг
 Продолжительной жизненной стужи.

В край открытых сердец и огней буровых
 Прилетел я из прошлого века,
 И встречают меня гулом улиц прямых
 Ветры воли, надежд и успеха.

"Дядя Лёня, привет!" – громкий бас за спиной,
 От волнения зябко и жарко,
 Это сын твой – Серёга приехал за мной!
 Двое деток, женат на татарке...

Город Солнца живёт, вырастая из зим
 И сценария "Сибириады",
 Здесь в слиянье кровей виден весь Третий Рим
 В семьях княжичей и каганата.

Едем, Юра, к тебе! На "брусничной" тропе
 Вижу новые микрорайоны,
 Узнаю "Балаган"¹, поворот на 5П²,
 УНИМО³ и постройки промзоны.

Спит в овраге Рязанка под снегом и льдом,
 Провожая властителей скважин,
 За "Алёшею"⁴ радуга ярким хвостом
 Зацепилась за молодость нашу.

За столбы на кварталах в продрогшей тайге,
 Где горланило долгое эхо,
 Как мы шли на Сарт-Ёган⁵ по жгучей пурге,
 Заедаая спирт сдавленным снегом.

Где, срывая мосты, твой трудяга "Урал"
 Перегрузки тащил против ветра,
 И где, ГИВ⁶ отключив, буровую я рвал,
 Покоряя погонные метры.

Здесь морская с сибирскою удаль сплелись,
 Обнялись в вихре вахтовых буден,
 И спиною к спине мы таранили жизнь
 Как могли!.. Нас никто не осудит!

Сыновья возмужали! Окрепил вполне
 И Девятковы, и Иванские,
 В дружной русско-чувашско-казахской родне
 Кадыковых опять "пол-России".

Наше время уходит... Внучата растут,
 Но сегодня я рад и доволен:
 Город Солнца стоит! И наградой за труд
 В нём крупницы и наших мозолей.

Тает радуга, в вечность плывёт красота,
 Здравствуй, Юра! Из прошлого века
 Я с Серёгой пришёл...

Мы коснулись креста...
 Заедаем спирт сдавленным снегом...

¹ "Балаган" – рынок в Нижневартковске.

² 5П – улица в нижневартковской промзоне.

³ УНИМО – разновидность сборного вагончика-общезития.

⁴ "Алёша" – памятник покорителям Самотлора в Нижневартковске.

⁵ Сарт-Ёган – река и одноимённый посёлок в Нижневартковском районе.

⁶ ГИВ – гидравлический индикатор веса.

Огонёк

Слякоть накатила холодом тоски,
 Сразу без работы выросли долги,
 Небо наклонилось ниже фонарей,
 На промозглых лужах танец пузырей,
 Солнышко умчалось вслед за сентябрём,
 Тучи! Только тучи на пути моём...

Лишь над "Балаганом" слабый огонёк
 Весело мигает: "Улыбнись, браток!
 Посмотри, как хвалит изморозь земля,
 Как не рады старым листьям тополя,
 Как морозным утром капельки воды
 Прячут от мороза поздние цветы.

Грозы отгремели, слякоть отойдёт,
 Чёрную полосу снегом занесёт.
 Тучи – наши мысли, радость – в двух шагах,
 Небо над тобою в облаках!".

Мернии творчества

Всё кружит и кружит надо мной вороньё,
 Стая злобно шипит, мол, стихи – не моё!
 Но бывалый сосед прохрипел: "Не грусти,
 Если каркают вслед, значит, ты впереди!".

Свора сытых собак искусала меня:
 "Как посмел ты, вахлак, обойти короля?!".
 А бывалый сосед подытожил: "Учти,
 Если гавкают вслед, значит, ты впереди!".

Снова ветер в кармане,
 Снова водка в стакане
 И душа на аркане,
 И в пустыне – тупик.
 Всюду сплетен капканы,
 Цепи самообмана
 И обид караваны,
 И вериги интриг.

Кто мне друг, кто мне враг? Не узнаю теперь...
 Смело делаю шаг за соседскую дверь.
 Неуют там и тут, хриплый бас: "Заходи!
 Если в спину плюют, значит, ты впереди!"

Вольной воли закон ты запомни навек –
 Не пошёл на поклон – это вовсе не грех!
 Кто и в чём виноват? Только Бог даст ответ...
 Если сзади закат, ты шагаешь в рассвет!".

Снова ветер в кармане,
 Снова водка в стакане
 И душа на аркане,
 И в пустыне – тупик.
 Спрятав рваные раны,
 Через сплетен капканы
 В предрассветном тумане
 Я иду – напрямик!..

Выбор

Озноб...
 Разбитый лоб и покидают силы,
 Один...
 Стою один над пропастью обрыва,
 До слёз!..
 Обоз гордыни и самообмана
 Привёз...
 Привёз на край гранёного стакана.

А где-то там остались не допеты
 Мои бывшие радужные сны,
 В них зажигались тёплые рассветы
 Под плеск волны в объятьях тишины.

"Наркоз"...

"Наркоз" чудит и отпускает шутки,

Один...
 Как горек тмин бравады безрассудной!
 Вразнос!!!
 Взасос с понтами, грязью и грехами!
 Всерьёз?..
 Износ надежды с верой в "пополаме".

Хочу туда, где детством не допеты
 Мои бывлые радужные сны,
 Где бесконечны тёплые рассветы
 И тишина под нежный плеск волны.

Курьёз?..
 Допрос судьбы пороками богатой,
 До слёз!..
 Вопрос ребром, а на плече "рогатый",
 Вразнос!!!
 Лохмотья грёз в тумане опостылом...
 Прогноз?..
 Прогноз жестокий – жизнь или могила!

И я бегу! Бегу навстречу свету,
 С горбом вины и знанием цены,
 Туда где лето, тёплые рассветы
 И плеск волны в объятьях тишины!

Дам

Я, грешный пленник мыслей и дорог,
 Брожу с сумой, хранимый от тюрьмы,
 И на себя примерил, сколько смог,
 Шальных идей для буйной головы.

Раздал намного больше, чем скопил,
 Не раз был битым... Бил, бывало, сам!
 Гордыни перетёртый, мутный ил
 Покорно доверяю небесам.

В цепях ошибок, шишек, тумачков,
 В "орлянку" постигая смысл и суть,
 Иду в страну надежд и сладких снов –
 Свой Рубикон хочу перешагнуть!

Уже с клюкой, но снова наугад,
 Бреду... Ума, увы, не приобрёл...
 Сума с тюрьмою "бьются об заклад"
 И ждут, кому же выпадет "орёл"?..

Рождественская ночь

В дебрях лжи, где пороки – итог,
 И где совесть толкнули на плаху,
 В день, когда с миром встретился Бог,
 Я мараю чернилом бумагу.

Весь пропитанный страстью грехов,
 Трепещу пред невидимым взором,
 Ощущая края берегов
 В переполненной чаше позора.

Всё страшней обернуться назад!
 Всё мрачней горизонт бездорожья,
 За которым в мерцанье лампад
 Ждёт расплата за годы безбожья,
 Где на похоть менялась любовь,
 Где, в угаре хмельном пребывая,
 Шла судьба, не внимая основ...
 На неё – на злодейку – киваю!

И дрожу, замерзая в пути,
 И кричу плачем искренних строчек,
 Умоляя: "О, Боже! Прости!".
 Только Бог не услышит... Не хочет!

...Прохрипел самотлорский мороз
 Приговор безрассудному "фарту"!
 И молитва: "Родился Христос!"
 Зазвучала из уст Патриарха...

ЛИДИЯ ЖЕЛЕЗОВСКАЯ

НУ ЧТО Ж, Я ТАКАЯ КАК ЕСТЬ...

* * *

Жду первую желанную строку,
А вслед за ней подтянутся другие.
Их осторожно в рифмы вовлеку,
И медленно отступит ностальгия
По светлому рождению стиха,
Которого не чаяла дожидаться.
Судьба к моим молитвам не глуха –
Ещё не раз я буду возвращаться
К бумаге белой, к чистому листу,
К томительным минутам созиданья...
Случилось вновь с поэзией свиданье –
Я дальше понесу свою мечту!

* * *

Нет гармонии в душе моей,
Нет согласия с собой и с миром,
Только скорбь всё горше, всё мрачней
По растерзаным былым кумирам.

И тоска царит в моей душе,
И теснятся тишина и темень.
Я совсем одна на рубеже
Катастроф, веков и поколений.

* * *

Возможно, я не так жила,
Не тем служила я законам,
Молилась не по тем канонам –
Жаль, поздно это поняла.

А если нет, то где же рай?
Сон, о котором я мечтаю?!
Мне собирать бы урожай,
А я всё камни собираю...

* * *

Боюсь нарушить твой покой
Движением неосторожным.
Ты спишь так чутко и тревожно,
Что страшно шевельнуть рукой.

Такие разные – вдвоём
С тобой друг друга дополняем,
Печали преодолеваем
И прелесть жизни познаём.

А если выпадет уйти
В тот сон, который длится вечно,
Не смей забыть меня беспечно!
Прошу, с собою захвати...

* * *

Как отраден и невинен
Вид заснеженных берёз!
Чистоту и свежесть линий
Снегопад с собой принёс.

Снег! Ты так недолговечен
В нашей южной стороне!
Мягко падаешь на плечи,
На ладонь ложишься мне.

И, пока ты не растаял,
Не исчез с лица земли,
Я и грежу, и мечтаю,
И сжигаю корабли...

* * *

Косят одуванчики
Под моим окном,
Жёлтые кафтанчики
Падают ничком.

Как же было весело,
Выйдя на балкон,
Утро встретить песенно
Под весенний звон!

А теперь царит вокруг
Светлая печаль.
Потускнел и солнца круг –
Мне цветочки жаль.

Смерть

Окинула хозяйским взором
Давно созревшие поля:
Всечасно требует надзора
И обновления земля.

"Ну, что ж, пора и за работу!" –
Косу с плеча привычно сняв,
На руки смачно поплевав,
Пошла косить. Косьба в охоту!

Лишь свист косы на поле спелом
Колосьев стоны заглушал.
...И только саван между делом
Отбросила, чтоб не мешал.

* * *

Ну что ж, я такая, как есть.
Не стать мне с великими рядом.
Чужда мне богемная спесь,
Кичиться не буду нарядом.

Не всем суждено покорить
Вершины на крыльях Пегаса.
Прядётся судьбы моей нить,
Светла до последнего часа.

По тропке пройду в тишине,
Мне звёзды откроют секреты,
И ветер шепнёт в вышине,
Что вот и закончилось лето.

А жизнь в окружении слов
Становится всё интересней!
В конце вереницы стихов
Моя лебединая песня...

* * *

Погоды дивные стоят:
Ещё тепло, уже не жарко,
И золотится листопад
На солнце празднично и ярко.

Горит рябинка во дворе,
И птицы в небе замечались;
То осень, осень в октябре –
Одна из тех, что мне остались...

* * *

Любуюсь до рези в глазах,
Никак не могу наглядеться!
Красу, что в родимых краях,
Вбирает уставшее сердце.

На фоне еловых ветвей
Берёз золотые мониста.
Туманная дымка нежней
Шифона и тоньше батиста.

Уйду в листопадную глушь,
Лесной тишины не нарушу.
Я памятью детства лечусь,
Врачую озябшую душу.

* * *

Проснуться на заре туманным утром,
Халат набросить, выглянуть в окно:
Там осень серебристым перламутром
Принарядила пажити давно.

Сгрести листву, политую дождями.
Вскопать в охотку грядку под чеснок.
И, разминая ком земли руками,
Вдруг ощутить её глубинный ток.

Тепло, надёжность, жизни продолженье
Струит незримо вечная земля.
И в ней же мы найдём успокоенье,
Когда помянут дальние края...

Не торопитесь, я прошу вас, годы!
Ещё немного хочется пожить.
Благословенной матерью-природой
Дарованные радости испить.

* * *

А я летала! Я во сне летала,
И этих снов я жадно ожидала.

Никто не видел – я парила вольно,
И мига счастья было мне довольно.

Снижалась и взлетала осторожно;
Ах, наяву такое невозможно!

Восторг полёта и боязнь паденья –
Смешалось всё в чудесных сновиденьях.

...Давно уже во сне я не летаю,
Но я мечтаю... До сих пор мечтаю...

* * *

Вынести войну, потом разруху
Юным папе с мамой довелось.
Всё мечтали, чтобы детям, внукам
Пережить такое не пришлось.

Думы, вы со мною неотступно –
Родине я чем могу помочь?
Пусть слаба, но мне молчать преступно –
Над планетой вновь заходит ночь!

Жизнь испытывает всех на прочность.
Дух свободы в нас неукротим.
Историческая в мире точность –
Выдержим и снова победим!

Мысли возвращаются упрямо
К душам, что на небо вознеслись.
...Я спросила: "Что мне делать, мама?",
И она ответила: "Молись".

* * *

Смешной городок затаился укромно:
Десяток домов, школа, клуб, магазин.
И чудилось счастье – безмерно, огромно!
А ветер деревьев шатры парусил.

СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО

КАЗАЧЬИ ИСТОРИИ

Казарка Клава

Рассказ

Меня пригласил старый друг погостить у него в донской станице. Мы с Мишей почти полвека знакомы, дружим семьями, оба казаки, только я кубанский; оба начали в девяностых возрождать казачество, оба от этого возрождения не в восторге, потому что обычным, "бездолжностным" казакам от него никакого толку. Оттого новое казачество и идёт вперёд ни шатко ни валко. Мы это оба понимаем, но кровь предков не даёт нам покоя, и мы, два немолодых казака, в этом непонятном деле ещё на что-то надеемся. Но на темы возрождения мы с Мишей говорим мало, ибо что ни говори и ни думай, всё упирается в сердце современного человека – там, как сказал патриарх Кирилл, всё решается. Только чего в этом сердце больше – добра или зла, греха или праведности, сам человек не знает и не понимает, и что хуже – знать не хочет: отупел от интернета и поисков заработка. А Инет, в отличие от Господа, разума не добавляет, но душу выедаёт. Миллионы в России таких калек. А сколько их в казачестве? Но мы завтра на эту тему с Мишей потолкуем, если удастся. Завтра спозаранку мы отправимся на ловлю леща (чебака) – лещ, не выдержав засолённости Азовского моря, пошёл в Дон на пресную воду и добрался уже до Мишиной станицы, потому я и приглашён. "Завтра, – предвкушаю я, – "заарканим" азовского бродягу!" Рыбалка – единственная мужская радость и промысел на вольной реке, бесплатный в нынешние российские времена.

– Размечтался? – "приземляет" меня Миша, – А надо ещё сварить приваду и подготовиться. Счас съездим в магазин за крупой.

Съездим так съездим. Миша петляет по кривым улочкам станицы, ругается на дорожников, налепивших крутогорбых "полицейских", а я люблюсь старыми казачьими домами, которых здесь ещё немало. Дома эти усадебные, просторные, с круговыми балконами под окнами, как в кавказских селениях. Стоят на высоких, в рост человека, фундаментах из кирпича или камня. Это необходимо было при разливах Дона. Тогда в домах казаки спасали скотину и птицу от ледяной весенней воды. У нас в степной Кубани такие дома не строили, ставили турлучные или саманные хаты, но в продувные холодные зимы рождённых телят, чтоб не застудить, заносили в хату. В хате выпаивали молоком и приучали к сену, аж пока не начинал выбрыкивать. Тогда переводили в хлев к мамке Зорьке или Ночке, чтоб коровушка порадовалась дитяте. А пока бычок или телочка жили в хате, у детей была обязанность – подставлять горшок, когда тот писает. Я после войны, в пятидесятых, пацанёнком горшок подставлял, а если опаздывал, получал иногда от родителей подзатыльник. Но зато каково было под смех старшей сестры давать Звёздочке под шершавый язык свой кирпачный нос! Такой жизнью жили казаки и в этих донских домах.

Миша остановил УАЗ "Патриот" у магазина.

– Посидишь или пойдёшь со мной? – спросил он.

– Посижу, тебе ж не мешок нести.

Миша ушёл. Сижу, смотрю на пустырь напротив – бурьяны, сколько глаз видит! Это места былых сильных затоплений. Видимо, власти не знают, что с ними делать – люди не берут под застройку, боются, хотя Дон давным-давно не разливается – зимы малоснежные. Вообще, станица построена интересно: состоит из нескольких близких хуторов, разделённых такими пустырями. Теперь их превратили в улицы с названиями, но люди по-прежнему не называют улицу, где живут, а говорят – хутор.

Пока я так думал, увидел мчащуюся в мою сторону серебристую иномарку. Не доезжая до магазина, машина ушла на гравийную обочину и полетела в лоб УАЗу. "Вот это гонщик! – пронеслось у меня в голове, – Пьяный, что ли?" Но машина резко затормозила, подняв облако пыли, и остановилась

почти у бампера "Патриота". Я собрался было выйти и сказать что-нибудь "ласковое" водителю за такую езду, но раскрыл рот. Из пыльного "Ниссана" вышла фея, мило мне улыбнулась, подмигнув, и пошла в магазин. Наверное, я не закрыл рот от удивления – фея была роскошной молодой женщиной, и настолько крупной, что бёдра под лёгким весёленьким платьицем играли, как у мощной машины шатуны, поддувая движением ситчик. "Вот это да! – выдохнул я, – разве таких женщин ещё рождает Россия?". Но ведь и лицом хороша! И руки красивые, словно точёные, правда, кулачок крепкий, крестьянский. О груди умолчу – туман глаза застил...

Видно, был я ошарашен в самом деле, коль не обратил внимания, как сел за руль Миша и от моего вида захохотал.

– Что, сдрейфил и обалдел от нашей казачки?

– Есть маленько. Но у вас что – все так ездят? – пришёл в себя я.

– Она ездит, у неё прозвище Бешеная Клава. Но учти – ни одной аварии до сих пор!

– Отчаюга! Но хороша, поверить невозможно, что не перевелась порода таких женщин.

– Не перевелась, слава Богу, у неё и дочь такая же растёт – крупнокалиберная.

– А муж есть? – спросил я.

– Был, но сбежал, видать, придавила бёдрышками...

– Уже, наверняка, пожалел, что сбёг... А чем она занимается?

– Фермерствует, коровы у неё дойные, две лошади – одна выездная: на ипподроме купила больную, выходила, и теперь сама в роли жокея на выезде. Лихая дама, скажу тебе! – Миша аж прицокнул языком.

– А кто в хозяйстве работает?

– Сами с дочкой справляются, доят коров вдвоём. С молока живут – молодцы, настоящие казачки!

Так, с разговором, мы заехали к Мише во двор. Потом варили из перловки, чеснока и ещё чего-то пахучего приваду, накачивали спустившую резиновую лодку, проверяли мотор, снасти и утром, когда забрезжил рассвет, пристегнули лодочный прицеп к УАЗу и минут через сорок стояли на якоре вблизи донского фарватера и рыбачили.

Начало рассветать, и ещё недавно чёрная вода стала зеленоватой, по лесистым берегам прекратили своё уханье и устроились на сон совы, и где-то в станице затарахтел пускач трактора. День начался. Миша подсёк крупного леща, я подвёл подсак, и живое азовское серебро оказалось в лодке. Сам я удил невнимательно, поклёвки срывались. Миша это заметил и сказал:

– Ты сегодня вроде как без рыбацкого интереса, витаешь где-то или наша Клава во сне привиделась?

– Ты прав, – ответил я, – сюжет рассказа о ней в башке вертится, но пока не складывается.

– Сейчас сложится твой сюжет, я тебе вчера не всё рассказал про Клаву, про её прозвище.

Миша помолчал, передёрнул поплавок и продолжил:

– Два года назад её остановили дэпээсники на трассе за станицей. Дело было в летнюю пору, вечером. Она остановилась, вышла из машины, улыбнулась им – а была одета так же лёгенько и красиво, как вчера ты видел, ну, у ментов челюсти и поотвисали. Автоматчик, когда обрёл дар речи, выдал: "Вот тебя бы я поимел, красавица!". "Когда?" – спокойно спросила Клава. "Да хоть сейчас!" – загоготал мент. "Счас поимеешь", – и вlepила кулачком ему в глаз. Мент от неожиданности ошалел, а второй, чтоб "не поиметь", спрятался в машину. Клава уехала.

Менты подали на неё в суд, но судья-мужчина, не поверив в случившееся, вызвал Клаву для объяснений. Она рассказала, как было дело. Когда Клава ушла, судья, усмехнувшись, сказал, чтоб слышала секретарь: "Да, такая могла "засветить" дураку хороший фонарь". Потом, подумав, позвонил ментам и посоветовал заявление забрать, чтоб с них не смеялся весь Дон. С того случая на трассе и прилипло к Клаве прозвище, а она – нормальная трудовая женщина, любящая быструю езду.

Против течения на нас надвигалось большущее судно, гремя дизелями.

– Танкер, зараза, разгонит рыбу. Поднимай якорь, переплывём. Рыбаки вон убегают от фарватера, – сказал Миша.

Он завел мотор, мы переплыли на новое место, но уже начало хорошо пригревать солнце, и лещу расхотелось кормиться нашей привадой.

– Амбец рыбалке, скоро припечёт – не усидишь. Сколько поймали?

Я вытащил из воды садок.

– Кажись, пятнадцать.

– Неправильно. Пятнадцать чебаков и один сюжет наудили мы с тобой, друг, – пошутил Миша, – будем сматывать снасти.

Вскоре мы прибыли к Мише во двор, отдали рыбу его жене Любаше и стали ждать уху. Миша ушёл делать что-то по хозяйству, а я сел в беседке, чтобы набросать канву будущего рассказа и задумался: в чём же всё-таки беда возрождённого казачества (если не учитывать интернет и "болезни" сердца), почему мы, казаки, лишь в малой степени похожи на своих предков, уничтоженных большевистским рассказыванием? Да, наверное, в том, что современное казачество не заявляет в голос о своих проблемах, а живёт тихо, незаметно, трудясь там, где удалось найти работу. Казакам не хватает того, что досталось от рода казачке Клаве: смелости, решительности, задора – всего того, за что любили казаков.

...А к обеду поспела с ухой Любаша. И мы втроём хорошо посидели, попели, как по Дону гулял казак молодой, а потом пошли с Мишей на кладбище поклониться стародавним казачьим могилам. И, стоя перед оббитыми наклонёнными крестами предков и стирая ладонью слезу, я понял, чего ещё не хватает моему казачеству – вот этих крестов с исчезающими зубильными надписями: сотник..., хорунжий..., казак... Поисчезало на наших станичных погостах наследие вековой казачьей памяти. Воистину: что имели – не сохранили, потерявши – заплакали.

С какой-то саднящей душевной болью покидал я станичное донское кладбище, где покоились казаки и их потомки одной фамилии многих поколений – от дней былых до дней нынешних. Целые родовые пантеоны! Как это всё просто, понятно и нужно живым...

Солнце клонилось к вечеру, когда мы покинули погост и вышли на асфальтированную дорогу, которая огибала кладбище и вела в станицу. Мы шли к Мишиному дому не спеша и молча – каждый думал о своём. Но наши раздумья прервал цокот копыт. На перекрёстке показалась каурая* лошадь, запряжённая в тренировочную ипподромную качалку.

– Гляди, наша амазонка. Выгуливает кобылку, – сказал Миша.

– И себя, красивую, – добавил я.

Мы улыбнулись. А Клава гикнула, лошадь пошла иноходью, и возле нас наездница повертела над головой батожком, свистнула, и каурая наддала, зафыркав. Мы залюбовались скачкой. Клава сегодня была в другом нарядном платье с шарфиком, и шарфик метался, как хвост запущенного в небо змея.

– И ветру её не догнать! – восхищённо произнёс Миша.

---

* Каурая – рыжеватая масть лошади.

Встреча перед Пасхой

Новелла

Стою в центре станицы. Через два дня Пасха, жена послала в магазин – скупился и собираюсь домой. Но торопиться не хочется – день тёплый, солнечный и тихий, про такой можно сказать "ласковый". Гляжу, с трассы съезжает старенькая иномарка и, не сбавляя скорости, ныряет в стоянку машин на свободное место рядом со мной. Из неё выскакивает худой, высокий и склонённый, как камышина, мужик и, швырнув дверь машины, устремляется к магазину. Да это ж Казанок, друг детства!

– Мыкола, тпр-р-у! – кричу я.

Так мы всегда в нашей компании его останавливали – он не ходил, а почти бегал, и, как помню, с малых лет был худой и высокий, такой и остался. Мыкола на быстром шагу тормозит, поворачивается, прищуривает глаза от солнца и бежит ко мне. Обнимаемся.

– А я думаю, хто цэ мэнэ останавлюе, а цэ Стыпан! Здоров, старый кинь!

Помнит, что мы пацанами так обращались друг к другу, а кинь – это конь на балачке.

– Здорово, здорово, друг. Скилькэ цэ мы ны бачились? – спрашиваю я.

– Та давно, годив дэсять, може бильш, – говорит Мыкола.

– И як поживаешь, дружок-пирожок? – перешёл тоже на балачку, потому что знаю, Николай, бывший колхозный механизатор и хуторской житель, на чистом русском чувствует себя неуютно.

– Вжэ нычэгэнько, доктора трошки поризалы, довго болив, но очухався, слава Богу. Бачишь – бигаю.

– Та бачу, як витэр пронисся и мэнэ ны побачив. А куда биг?

– Та мамка послала якись симина помидорив купыть, два часа мотаюсь – няма ныдэ, можэ, у вас тут найдуця.

– Мамка послала? – переспрашиваю я.

– Мамка, а шо? – удивляется он.

– Жива?

– Жива, а шо?

– Та скильки ж ййи?

– Тилькы дивяносто два. Та вона ще двир пидмита, горód полэ, мэнэ ганяе, шоб ны сыдив биз дила.

– Так тоди ты, дружок, из долгожителив и радуйся – мамка жива! Тэбэ ще сыном е кому назвать!

– Та радуюсь, и тётка жива, той дивяносто читыри, ще до нас в гости приходэ. И тоже така суха и высока. Мы вси таки, всэ мамкынэ пориддя. А твоих батькив вжэ няма? – осторожно спрашивает он.

– Няма, ты ж знаешь, воны ны молоди булы, колы я родывся. Гододовку, войну пырыжили. Давно помэрлы. Воно и нам с тобой, Коля, чырыз мисяц семьдесят.

– Та ото ж, ну мини, дружок, бигты нада, звиняй. Забижы на Пасху, побалакаем.

– Пидожды, мамка ще пыче птычок из тиста, як колысь пыкла?

– Пыче! И пирижкы, и птычкы, и бублыкы, и паскы с жинкой пычуть. Та забижы на Пасху, мамка порадуеця, вона помнэ тэбэ, жинка ей твои кныжкы читае. Та й посыдым, як люды.

И он обнимает меня, трётся небритой щекой о моё ухо и улыбается, как его мамка, тётя Дуся, всегда улыбалась, даря нам, Колькиным друзьям, на Пасху испечённые маленькие пасочки, пряники, бублики и сладких соловьёв – так она называла пасхальных птичек.

Дарила их, крестила нас и говорила, что в каждом соловье на Пасху живёт Бог. И улыбалась при этом широко, радостно, а глаза её шурились и смеялись. Шебутная была в молодости тётя Дуся! Я потом долго носил в кармане штанишек завёрнутого в бумажку сладкого соловья, и мне так хотелось его съесть, но я боялся съесть Бога, и аж когда соловей превращался в крошки, я съедал их и говорил: "Спасибо тоби Боже, шо ты такый вкусный".

Жива тётя Дуся, Колина мамка, он живой, жива его жена Тася – какая радостная встреча у меня сегодня! Обязательно поеду к ним в гости, проведу и, может, получу из рук тётя Дуси соловья, в котором живёт Бог...

Пояснение автора: Христианский праздник "День памяти сорока Севастийских мучеников – Сороки – 22 марта. Песня птиц в этот день символизирует обращённую к Богу молитву мучеников. Этот день считают Днём всех православных мужчин, защитников христианства. К сожалению, праздник ушёл в прошлое, стал людьми забываться. Но не забыты птички из теста – символ этого праздника, которые пекут женщины (и тётя Дуся) вместе с пасхальными куличами.

ИРИНА ИВАСЬКОВА

Будь моим деревом

Рассказ

1.

– Моя первая жена хорошая была женщина, – Олег Петрович потянулся и зевнул, – но вот слишком уж... – он защёлкал пальцами, подбирая слово. – Энергичная!

Собеседник его, пожилой мужчина в тёплом пальто, вопросительно поднял брови.

– Да-да, – закивал Олег Петрович, – слишком! Утром проснёшься – не соображаешь ничего, глаза открыть не можешь, а она уже всюю крутится. Гимнастика какая-то хитрая, потом варит чего-то, потом на прогулку несётся. Но это полбеда...

Олег Петрович задумался, вспоминая. Пожилой мужчина развернул было газету, надеясь на окончание разговора, но погрузиться в чтение не смог.

– Полбеда, понимаете? – остановил его Олег Петрович. – Женщина, и в особенности жена, должна умиротворять, правда? А она наоборот – раздражала. Музыка услышит – тут же танцует; встретит кого знакомого – кричит на всю улицу, обниматься лезет. Подаришь ей чего – машет около глаз, будто рыдать собралась и её вроде как жар разбирает.

Олег Петрович помахал ладонями перед лицом, изображая.

– Нет! Не уговаривайте даже! – продолжил он, а пожилой мужчина обречённо сложил газетные листы вчетверо. – Я категорически против. И не спрашивайте, зачем женился! Не спрашивайте! Я и сам не знаю.

Мужчина поднялся со скамейки и слегка поклонился.

– Вам уже пора? – Олег Петрович глядел с искренним огорчением. – Такая погода! Воздух! Что ж... – крикнул он вслед уходящему, – увидимся как-нибудь ещё!

Первая жена Олега Петровича, слишком энергичная, но хорошая, сейчас не узнала бы своего бывшего мужа. Они расстались больше пятнадцати лет назад – удивительно холодный и ветреный выдался тогда апрель. Олег Петрович, взяв пример с ветра, всё уходил куда-то из дому, и не сказать, чтобы к новым женщинам, а больше к друзьям. Но и женщины какие-то были, и музыку включали, а свет гасили, но всё это было так, по-апрельски несерьёзно. Олег Петрович, тогда худой, с чёлкой, в очках – курил на дружеской кухне, жаловался, неспешно пил чай – печень уже тогда шалила. Друг кивал, сочувствовал и очень хохотал, когда Олег Петрович показывал, как жена делает гимнастику.

Возвращаться домой было немножко стыдно. Жена энергично брала его за руку и спрашивала: что же не так? Потом ушла – на диво бесшумно. А Олег Петрович женился второй раз – на одной из каких-то мелькавших рядом женщин, но снова остался недоволен и браком, и жениными повадками. Если бы пожилой его собеседник не ушёл, Олег Петрович пожаловался бы и на вторую жену – как назло, она, в полную противоположность первой, оказалась медленной и молчаливой. Готовила фруктовые желе и холодцы – холодные, подрагивающие; каши – тягучие, слизистые; уважала сливочные ликёры и густые молочные коктейли.

В этом браке Олег Петрович растерял удобу и лишился чёлки – облысел как-то быстро и равномерно. Но был от второго супружества и плюс – вторая жена его трудилась доктором-окулистом, и помогла ему избавиться от натирающих переносицу очков – себе же на беду. Прозревший после операции Олег Петрович разглядел мелкие прыщики на её спине, стал глядеть ещё и нашёл всякого-неприятного: один зуб у жены был желтоватый, и пальцы на ногах слишком уж длинные... Развёлся быстро, очень переживал, и больше не женился.

– И не то чтобы не хочется... – говорил Олег Петрович друзьям, – но какая-то опаска уже присутствует, – и с лёгким презрением косился на дружеских жён: одна пухлая, другая красится глупо, а эта и вовсе оскорбительно некрашенная.

Олегу Петровичу не было ещё и пятидесяти – и расположился он в этом неопределённом возрасте с некоторой радостью: уже не нужно изображать юность, подтянутость, а до настоящей слабости и немощи ещё очень далеко. Всё было при нём: хорошая квартира, необременительная, невеликая, но

всё ж начальственная должность, личная свобода. И чувствовал он себя удивительно покойно – знал, что живёт на своём месте и своей жизнью.

Отправляться на прогулку Олег Петрович сегодня не планировал. Но день нынче выдался очень уж приятный: пятница, и служба порадовала, а потом небольшой банкет случился – и подавали там чуть горьковатое красное вино, приведшее Олега Петровича в несвойственное ему романтическое настроение. Он забыл про печень, смотрел сквозь тонкое стекло бокала на весёлых сослуживцев и даже позволил себе раскованную шутку. После банкета весёлые сослуживцы разбежались врассыпную; кто-то в одиночестве, а кое-кто навстречу мужьям или жёнам с детьми, собаками, супермаркетовыми пакетами. Семейные стайки – кто со смехом, кто с упрёками, – рассаживались по автомобилям; одиночки двинулись к метро, и все махали Олегу Петровичу на прощание как-то особенно душевно. И он кивал, и улыбался в ответ, растроганно думая, что эти пять человек, пять его подчинённых, которых в обычные дни он нередко распекал и, по его выражению, ставил на место, – и есть его семья. Знал он, что к понедельнику эти мысли исчезнут, и от этого чувствовал себя ещё лучше: щурил глаза, представляя, как выглядит со стороны – солидный, умеющий владеть собою, но очень редко позволяющий себе маленькие человеческие слабости...

Он отправил в рабочий чат одобряющий смайлик, потом подумал и удалил сообщение. Прикрыл лысину шляпой и собирался было вызвать такси, но винные пары всё не отпускали, кружили и увлекали вверх по улице – в городской парк, где зеленоватой дымкой кудрявилась свежая листва тополей.

Добравшись до центральной аллеи, Олег Петрович немного устал и решил присесть. Все скамейки были заняты, и он выбрал ту, на которой сидел приличного вида старичок с газетою. Но разговора не вышло, и теперь Олег Петрович остался один – оглядывался, понемногу теряя хмель и ёжась от вечерней прохлады, выползающей из-за деревьев.

Где-то за деревьями была река – Олег Петрович видел её краешек из окна своего кабинета, но уже совсем не помнил ни запаха, ни цвета её воды. Смутно помнилось ему, что первая жена любила бегать по набережной, и всё рассказывала ему какие-то глупости: что-то о том, как ивы полощут в быстром течении кончики своих серебристых кос, и что бег воды и перебор прибрежных камешков похож на тихую музыку.

Олегу Петровичу стало скучно. Хорошая публика – мамы с колясками, порядочно одетые дамы средних лет, чистенькая молодёжь – уже расходилась. Вместе с вечерним холодом со стороны реки двинул народ подозрительный, не подходящий гладко причесанной центральной аллее и норовящий войти в парк с чёрного его хода, и Олег Петрович решил своё внезапное приключение завершить. Пообещав сам себе непременно погулять здесь ещё, но днём, он встал и направился к выходу.

Он шёл, и всё оглядывался на оставленную им скамейку и отчего-то жалел её – вот, сидел на ней приличный человек в костюме и плаще, а теперь расположится всякая дрянь... Удивляясь своей внезапной сентиментальности и не глядя вперёд, он вдруг налетел на что-то твёрдое и тёмное, охнул и упал на колени, слыша отчего-то звон и треск.

– Что такое... – пробормотал Олег Петрович, поднимаясь, – что за безобразие?

Перед ним, прямо на аккуратно уложенных плитках аллеи, сидела девушка, совсем молоденькая, лет семнадцати. Обхватив обеими руками лодыжку, она поскуливала тоненько, как щенок, но смотрела не на ногу и не на Олега Петровича, а влево – на лежащую рядом и треснувшую с одного боку гитару.

Олег Петрович сообразил, откуда был слышен звон и треск, и устыдился.

"Такой был хороший день...", – с сожалением подумал и потёр ушибленное колено.

– Ну-ну... – сказал он девушке. – Тебе... Вам стоит быть повнимательней. Я, конечно, заплачу. Сколько стоит ваша... твоя гитара?

Олег Петрович путался в "ты" и "вы", и злился сам на себя, не зная, как вообще положено разговаривать с девицами таких лет? Была бы она красавица, можно было бы выбрать тон покровительственный, но шуточный – мол, знаю я все ваши штучки – так Олег Петрович обычно разговаривал с секретаршами. Но девушка была круглолицая, пухленькая, со странной причёскою – три косы, а попереёк лба тесёмка с блестящими камешками.

– Э! Ты чё творишь? – со стороны оставленной Олегом Петровичем скамейки двинулся к нему, неприятно поводя плечами, высокий юноша с длинными, убранными в хвост волосами, в пыльных

джинсах и черной футболке. Был он не один – за ним из быстро сгущающихся сумерек тянулись другие, глядевшие с угрозою и любопытством.

Олег Петрович растерялся. Снял зачем-то шляпу, откашлялся, но сказать ничего не смог.

– Нормально всё, ребята! – девушка поправила свою блестящую тесёмку и протянула Олегу Петровичу руку. – Помоги встать.

Он послушно потянул её вверх, поднял и гитару.

– Нормально всё, – повторила она, и пыльный юнец остановился. – Я споткнулась просто. Не мой сегодня день, Эдик. А это мой папа, кстати. Погулять со мной захотел.

– Папа? – недоумённо спросил пыльный и усмехнулся. – Ладно, Линка, как скажешь. Если что, позови.

Неприятный юноша удалился в сумерки, а Олег Петрович смог, наконец, заговорить.

– Папа? – спросил он у девушки, протягивая ей треснувшую гитару.

– А что не так? – ответила она и улыбнулась, – может, вернуть Эдика?

– Нет-нет, не стоит, – спохватился Олег Петрович и сообразил улыбнуться в ответ, – спасибо вам... тебе...

– Проводишь меня, ладно? А то мне идти больно. Я тут недалеко, через дорогу, – сказала девушка и, не дожидаясь ответа, взяла Олега Петровича под руку. – Ногу ещё полгода назад растянула, так теперь чуть что – сразу хромаю. Долго заживает. Были у тебя когда-нибудь растяжения? Гитару сам понеси, а я за тебя держаться буду.

Олег Петрович, справляясь с внезапным головокружением, прижал гитару к левому боку и повёл прихрамывающую девицу по центральной аллее к выходу из парка.

2.

Отец снился Лине частенько, но она никогда не могла разглядеть его лица. И поговорить с ним никак не получалось – чаще всего в её снах отец лежал, раскинув руки в той особой расслабленной манере, какая доступна лишь человеку, лишившемуся сознания. Вокруг толпились врачи – перебирали прозрачные трубки, звенели металлом, шептались, поглядывая друг на друга поверх масок – но отца от Лины не заслоняли, и она видела, как неподвижно и плоско лежит зелёная ткань больничной рубахи на его груди.

Лина просыпалась в недоумении, листала сонники – по всему выходила ей тоска-печаль, а ещё – неприятные разговоры и ссоры. Она вставала, шла на кухню и шаркала ногами, и самой было неприятно от этого старческого шарканья и слабости. Мысленно надавав себе тумачков и окончательно проснувшись, Лина заваривала чай, грызла печенье и вспоминала, что мама рассказывала об отце и прежней их жизни.

Со временем рассказы эти Лине так хорошо запомнились, что казались собственными воспоминаниями: будто бы сама видела она сухой южный городок, душную съёмную комнатку с двумя кроватями и тумбочкой меж ними, и каждое утро провожала отца с мамой на работу, сидя на табуретке и болтая ногами. Но на самом деле до Лениного рождения оставалось ещё два года, и мама была ещё худая, с короткой стрижкой, а папа всё радовался, как удачно они устроились и что работёнка у них не бей лежачего.

По утрам, прихватив бутербродов, они садились в автобус и отправлялись за город, в свежестроенный коттеджный посёлок. Было здесь когда-то озеро с камышами, но его осушили, оставив лишь болотце; по вечерам из болотной жижи поднимались тучи мелких, злобных и неуловимых крокопийц, и, словно в отместку, медленно, но верно, оседал в зелёную лужицу отведённый под сады-огороды грунт.

Забор в конце участков из-за оседающей земли поставить не удалось, и умница-застройщик радовался, что раньше догадался не спиливать растущие по берегам озера ивы. Серебристые пряди, почти касавшиеся земли, давали лёгкую кружевную тень, шелестели на ветру, скрывая то, что нужно было скрыть; и сами домишки, выстроенные по модным лекалам, гляделись легко и задорно: чистенький оранжевый кирпич, красные крыши, умытые окна – да не простые, квадратные, а высокие, в полстены, вырезанные полукругом по верхнему краю.

Местные жители только качали головами, жалея будущих хозяев: комары сожрут, земля из-под ног уйдёт, стены тонкие, крыши собраны кое-как, и вместе с этими хитровыдуманными окнами не удержат лютые зимние ветра и ливни.

Но покупатели – люди нездешние – видели только трепет ивы и весёлый рыжий кирпич, а уж внутри домишек и вовсе теряли дар речи: зря, что ли застройщик расставил по комнатам фасонистых кроватей с вензелями на спинках, укрыл их пушистыми покрывалами, а в изголовьях повесил картины – то с обнажённой девицей, то с кораблём, стоящим в ровном, как одеяло, море.

Но даже с блестящими шторами и мягкими креслами дома отчего-то не выглядели жилыми, и было внутри них неуютно, тихо и пусто. Домам нужны были люди.

* * *

Автобус довозил отца с мамой почти до самых ворот посёлка. В будочке охранника они получали ключи, а после, не торопясь, будто бы вживаясь в роль, шагали по укрытой плиткой аллее к дому под номером шесть.

Отпирали калитку – мама непременно заглядывала в укреплённый на ней почтовый ящик, будто бы ожидая письма – и входили во двор. Мама тут же хваталась за лейку, поливала полосатые петунии, гнездившиеся в пластиковых горшках, а после выметала со двора сухие цветки и листья. Отец отпирал дом и распахивал окна – комнаты нужно было хорошенько проветрить – и брался за швабру. К половине десятого в доме было свежо и чисто.

Отец включал в гостиной телевизор, выбирая какой-нибудь музыкальный канал, а мама доставала из холодильника упаковку яиц и молоко. Мука хранилась в шкафчике у раковины. Там же стояла и большая бутылка подсолнечного масла.

Около десяти мама разбивала в миску три яйца, разбавляла их молоком и маслом, добавляла муку и, не торопясь, перемешивала жидкое тесто вилкой. Отец доставал из кладовки лопату и шёл в огород.

В одиннадцатом часу возле калитки останавливалась длинная белая машина. Выбирались из неё, щурясь от утреннего, но уже ослепительного солнца, незагорелые люди – чаще всего немолодые пары, реже – одиночки. С водительского места выходил Аркадий – смуглый, гладко выбритый, всегда с капельками пота над верхней губой и на лысине. Аркадий, улыбаясь, распахивал перед своими пассажирами калитку и, не оборачиваясь, нажимал кнопку на брелоке сигнализации. Машина тонко взвизгивала, и двери её запирались со щелчками, похожими на стук мышеловки.

– Покупатель должен понять вот что, – растолковывал Аркадий отцу и маме, принимая их на работу в мае. – Вы в этом доме живёте хорошо, и продавать вам его жалко. Продукты из холодильника не жрать, я всё проверю. Телевизор включать в половине десятого – только музыку, никаких ток-шоу и новостей. Ты! – Аркадий ткнул в отца пальцем, – в десять идёшь в огород. Копаешь там хорошенько. Если поинтересуются – скажешь, всё решил перекопать и сделать газон. – А ты! – поглядел он на маму, – тесто месишь: три яйца, мука, молоко и масло. Печку включишь – прогоню обоих. Покупатели уедут, тесто в холодильник поставь, я потом заберу. В сортире чтоб чистота была. В душ не вздумайте лазить. На кроватях будете валяться – сразу уволю. На диван садиться только при покупателях. Если спросят, почему продаёте, говорить, что сестра на Урале родила тройню, и вы решили всё продать и ехать ей помогать, ясно? Я привожу покупателей в десять, в двенадцать и в три. После трёх всё выключили, закрыли и ушли. Ключи сторожу отдал. За день работы даю пятьсот рублей. Устроит?

Отца и маму всё устроило.

Покупатели любопытничали, заводили беседы, и в отце обнаружили вдруг недоожинные актёрские способности. Мама немного стеснялась, всё возилась со своим тестом, а отец по-хозяйски раскрывал двери комнат, рассказывал о тройняшках-племянниках, даже не дожидаясь вопросов, а потом, в саду, махал руками, показывая, где была у него капуста, а где помидоры, и что надоели они ему хуже чертей, и решил он разбить по всему саду газон, а она – махал он в сторону мамы – пусть бы уж цветов своих бесполезных по краям рассадил, и вообще, если бы не тройня и не подлец сестрин муж, кинувший её перед родами и все деньги с собой прихвативший, ни в жизнь бы они с этой земли не тронулись.

Аркадий улыбался, покупатели сочувствовали.

Когда белая машина уезжала, отец и мама отдыхали. Перекусывали припасёнными бутербродами, сидели рядышком на скамейке, любясь пляшущими на ветру ивовыми ветвями. Когда становилось жарко, уходили в дом, лежали на мягком ковре в гостиной и молчали, не забывая следить за часами. Они загорели и были очень счастливы – каждый день с девяти до трёх.

Даже по маминым рассказам Лина очень полюбила тот дом. Одноэтажный, приземистый, выстроенный не для человека, а для продажи. Полюбила полосатые петунии, иву в конце огорода, огромные окна, охотно впускавшие в дом солнечный свет. Полюбила тишину, мягко опускающуюся на дом и двор сразу после отъезда белой машины. Очень хорошо представляла себе, как мягко и легко входит лопата в десятки раз перекопанную землю, как стучит венчик о керамическую миску, как льётся на полосатые петуниевые цветки прохладная вода. Привязалась даже к соседям – пожилым тёте Свете и дяде Серёже, таким же ненастоящим хозяевам, которых уволили ближе к августу, потому что тётя Света, несмотря на строгий запрет, сварила себе кофе и упустила его, залив блестящий хром печки. И Лина чувствовала то же, что и мама с отцом, ежедневное сожаление, когда нужно было запереть дом и калитку, отдать ключи сторожу и вернуться в крохотную равнодушную комнатку со следами убитых комаров на белёных стенах.

Уже к началу осени десять домиков в посёлке были проданы. Последний, под номером шесть, продали пятого сентября. Мама и отец на сделке, конечно, не присутствовали – вместо них, вооружившись нужной доверенностью, все подписи оставил Аркадий. Он передал новым хозяевам ключи и только пожимал плечами в ответ на все их вопросы о прежних владельцах.

Отец звонил Аркадию и спрашивал, не найдётся ли у него ещё работы, желательно такой же, непыльной. После двух бессмысленных разговоров Аркадий перестал брать трубку, а мама плакала по ночам, причитая, что хочет домой, подразумевая под домом тот, ивово-комариный оазис.

В конце октября, в самый разгар нежнейшего бархатного сезона, отец и мама покинули свою съемную комнатёнку и отправились на вокзал, насмешив кассира просьбой продать им билеты куда-нибудь на Урал.

– Город, город мне назовите, мужчина! – кричала она, смеясь, а отец смотрел на маму растерянно.

* * *

Мама ещё спала, Лина старалась не шуметь и даже кружку мыть не стала. Уткнулась в телефон, листая разноцветные ленты новостей, раскрывая неотвеченные сообщения, стирая ненужные письма.

С мамой они вчера поссорились, потому что Лина рассказала ей, что собирается поехать на юг работать русалкой. А когда заработает много денег, откроет свой собственный морской аттракцион – наверняка это очень просто, если подойти к делу с умом – девочки на ютубе об этом всё-всё подробно рассказывали. А уж на собственном аттракционе можно заработать кучу денег и, может быть – тут Лина выложила свой главный козырь – купить на юге небольшой домишко. Лина старалась, описывая свой будущий хвост – изящный, блестящий, гладенький, и длинные волосы, несущиеся за нею как медузные щупальца, а на груди – как и положено у русалок – две плоские ракушки, скреплённые в морской лифчик. Или океанский – так лучше звучит. И сделать-то осталось самую малость: уехать из серенького – ни рыба ни мясо – городишка к нежному югу, устроиться там в океанариум или какой-нибудь туннельный бассейн, а там уж выплывать навстречу гостям, прижимать ладони к толстому стеклу, улыбаться и отмахиваться от стремительных рыбок.

Мама сначала слушала с недоумением и молча, а потом, конечно, разошлась.

– Да ты даже плавать толком не умеешь! – кричала мама, краснея и задыхаясь, – ты, как папаша твой, с шилом в заднице, ничего по нормальному сделать не можешь! И так сидим тут на птичьих правах, а я уже двадцать лет как перекасти поле болтаюсь! Сначала с ним, теперь вот с тобой! А я, может быть, совсем другого заслужила! Я, может быть, совсем не так хотела жить! Какие русалки, к чертям собачьим? Точно, как отец: придумаешь полоумие какое-то и радуешься! То гитара эта, на голове вечно бардак, шляешься неведомо где по ночам!

Она махнула рукой, а Лина замерла – может быть, вот прямо сейчас мама расскажет то, что наотрез отказывалась рассказывать – почему и куда ушёл от них отец, где он может быть сейчас и можно ли его найти? Ведь у неё, у Лины, точно такое же шило в заднице, и они наверняка бы поняли друг друга!

Но мама больше ничего не сказала, ушла в комнату и закрыла за собой дверь.

Целый день они не разговаривали. Еле дождавшись вечера, Лина прихватила гитару и сбежала в парк – к своим.

3.

Девушка открыла дверь и впустила Олега Петровича в прихожую – тёмную и тесную, напичканную острыми вешалками, полками, тумбами; увешанную одеждой – сплошь серой и чёрной, уставленную отчего-то непарной обувью – один сапог, один тапок... Олег Петрович немедленно наткнулся плечом на металлическую ветку вешалки, засопел, потирая ушибленное место, повернулся, попятился и споткнулся.

– Тихо ты, тихо! – девушка удержала его за рукав пиджака. – Мама услышит. И не разувайся. – Она потянула его вперёд и влево, – вот тут кухня.

Олег Петрович, не разбирая пути, шагнул за нею, повернул куда-то в темноту и зажмурился от брызнувшего вдруг в глаза яркого света.

– Люблю, когда светло! – сказала девушка и подвинула поближе к Олегу Петровичу хлипкую табуретку, – садись, папуля.

– Я, наверное, пойду, – неуверенно ответил Олег Петрович, – сколько я тебе должен за гитару?

Вино из его головы окончательно испарилось, остался лишь звон и страх – а ну как выскочат из соседней комнаты бугаи, отберут бумажник, телефон? А если ещё и побьют? Как это так вышло – пару часов назад сидел себе в хорошем ресторанчике, веселился, и вдруг оказался непонятно где в убогости и тесноте? И ведь даже не расскажешь потом никому, что с ним приключилось – не поймёт никто. И как ей теперь отдать деньги за гитару, чтобы бумажником не светить?

Он оглянулся вокруг – бывать в таких крошечных кухнях ему не приходилось с юности. Однако стол был чистый, светились белым кухонные шторы, выстроились на сушилке у раковины до блеска отмытые тарелки и чашки, а над столом висела фотография пожилого мужчины в толстом галстуке и очках.

– Дедушка? – кивнул Олег Петрович на фото только для того, чтобы что-нибудь спросить.

– Не-е-т, – протянула девушка, – это хозяин квартиры, он одноногий и почти не встаёт. А мы за ним с мамой присматриваем, ухаживаем, и за это здесь живём. А вчера его в больницу забрали, что-то с сердцем. Но у него частенько бывает.

Она достала из сушилки две чашки и включила чайник.

– Чаю?

Олег Петрович открыл было рот, чтобы отказаться, но в кухню из тёмного коридора бесшумно вошла невысокая полная женщина – немолодая, с пушистыми распущенными волосами, слишком длинными для её возраста и роста.

Увидев Олега Петровича, женщина охнула, пошатнулась и оперлась спиной о стену, чтобы не упасть.

– Лёша... Лёшенька! Ты вернулся!

Она кинулась к Олегу Петровичу и обняла его, замерев и даже не дыша.

От её волос пахло кухонным чадом, и обхватила она Олега Петровича так, как держат соперника уставшие боксёры.

– Простите, – сказал он, осторожно пытаясь освободиться от объятий, – извините...

– Лёшенька, как же мы долго тебя ждали, – прошептала женщина и подняла лицо, вглядываясь в Олега Петровича с восторгом.

От изумления он даже перестал сопротивляться её рукам и отчего-то, не отрываясь, тоже смотрел в её лицо – печальное и бледное, будто бы отсыревшее.

– Мама! Мама! Отпусти его! – смеялась девушка. – Это не папа! Он мне гитару сломал, обещал новую купить! Не папа это!

Женщина снова охнула, отпустила Олега Петровича, отступила на шаг и прищурилась.

– И правда, не он... Но похож... Немножко.

Она неловко улыбнулась и поправила волосы.

– Вы простите... Я обозналась... Гитары, значит, продаёте?

– Не продаёт, а сломал, – вставила девушка, но женщина её будто бы и не слышала.

– Вы извините, – повторила она, – я не нарочно. Муж просто уехал, а я его всё жду и жду. Должен вот-вот, на днях, появиться. Вот и обозналась...

– Бывает, – пробормотал Олег Петрович, изнывая от неловкости, – так я пойду.

– А гитара? – удивилась девица.

– Пойдите, – сказала женщина, – вы не обращайте внимания, у нас тут тесновато и беспорядок. А ведь мы когда-то на юге жили... Такой был у нас хороший дом! Двор весь плиточкой, а по бокам я петунию насадила, поливала её каждый день, ухаживала... В доме всё по уму: и ковры, и диваны, и даже картины висели – красивые-е-е... А в конце огорода – огромная ива! А муж-то мой, знаете, чего удумал? Весь огород перекопал, капусту там, помидоры, всё убрал, и газон сделать хотел! Но пришлось наш дом продать и уехать сюда, родне помощь была нужна...

– Мам, перестань, – негромко сказала девица, – не надо.

– Что не надо? Что? – возмутилась женщина. – Ты вообще молчи!

– Представляете, – обратилась она к Олегу Петровичу, – эта-то что вытворяет? Бегаёт всё в этот парк по ночам, играют они там на гитарах, видите ли. Знаю я эти игры! Ходит как попало, косы плетёт, вон, на лоб какую-то дрянь цепляет. А вчера вообще заявила, что хочет уехать от меня и работать русалкой, вы только подумайте! Был бы отец здесь, он бы мигом ей мозги вправил. Но уехал вот, уехал... Вы простите, что я так глупо обозналась, темно тут, а я растерялась как-то. А я, может, ещё пожить хочу, мне ведь всего сорок семь! А вот вы – женаты?

Олег Петрович торопливо кивнул и вдруг – непонятно отчего – с благодарностью подумал о своих бывших жёнах: и о первой, и о второй. Ему снова стало страшно, но не за бумажник и телефон, а за собственный рассудок. Дом? Ива? Русалка? Всего сорок семь?

Но женщина не умолкала и говорила всё быстрее, слова её будто сыпались Олегу Петровичу на голову и больно стучали по макушке.

– Я ей твержу, что нужно по уму жить. Люди вон, – она кивнула на Олега Петровича, – шляпы носят, – а она что? А я ведь тоже поддержки хочу. Дом хочу. Дерево. Почему у кого-то есть дерево, а у меня нет? И вообще устала я, ох как же я устала... Ещё дедушка у нас заболел, сердце у него прихватило...

Женщина закрыла лицо руками и заплакала.

Девица, не глядя на Олега Петровича, обняла её и стала покачивать, словно расстроенного ребёнка.

– Ну не плачь, не плачь, мам, всё будет хорошо! Не поеду я никуда, если ты не хочешь, не поеду! И всё непременно будет хорошо! Вот помрёт дед, квартиру на нас переписет, и будет у тебя свой собственный дом!

– Ну да, конечно, переписет он, – всхлипывала женщина, – у него три внука и племянница... А мы ему никто-о-о...

– А он на нас переписет, вот увидишь! Внуки ему ногти на ноге не стригли, а мы стрижем... – девица гладила женщину по спине и сама еле сдерживала слёзы, – и мы с тобой мигом весь хлам из коридора выбросим, правда-правда! А хочешь, коврами всё застелем – ходить будет мягко. Картины повесим, и цветов понасадим на балконе.

Женщина ничего не отвечала и только кивала, вздыхая и дрожа.

Олег Петрович тихонько, чтобы никто не заметил, отступил к коридору. Достал бумажник и вынул из него две красненькие бумажки. Подумал и вынул ещё одну – синюю, подержал и спрятал обратно. Положил две бумажки на табурет и на цыпочках попятился к выходу.

Никто его не удерживал и не окликал; он вышел к лифту, но сесть в него не рискнул, спустился по лестнице и толкнул тяжёлую, на пружине, подъездную дверь. На улице уже совсем стемнело, но так радостно и ровно светили фонари, и смеялись где-то за углом так беззаботно и легко, что Олег Петрович расправил плечи и пошёл вперёд, без труда справившись со странным ощущением – лишь на секунду показалось ему, будто бы он что-то забыл сказать или сделать.

НИКОЛАЙ СЕДОВ

НЕГАСНУЩЕЕ

Рассказы

Света

Дед мой по материнской линии, Иван Мартынович, таёжный был человек. Всю жизнь прожил со своей Фёклой Степановной в дальневосточной глубинке. И лишь к старости они перебрались поближе к Владивостоку, в Угловку. Оттуда и навевывались изредка к нам на Украину, где мы обретались тогда, – "унучков поглядеть, побавить*".

Хорошие, верующие были люди, Царствие им небесное.

Последний их приезд пришёлся в аккурат под Пасху. Громко, по известным причинам в ту пору церковные праздники не отмечали. Но куличи на столе, конечно, всегда были. Ах, какие они получились тогда у бабушки и мамы! Высокие да румяные, источающие медвяный дух и зазывающие отщипнуть от бархатистого коричневого бочка хотя бы малую краюшку. Бабушка была начеку – рано! Она прямо из печи выставила это чудо на столик в красном углу – без иконки, понятно. А несколько штук вместе с крашенками завязала в белый платочек хустынку.

Ясно дело, это не могло не вызвать ревности "унучков". Мол, нам и попробовать не дала, а кому-то... Бабушка это заметила, но виду не подала. Подозвала меня и сказала:

– Утром меня на кладбище сведёшь, унучек.

Помолилась на пустой угол, и – спать.

Солнце встало холодное, но весёлое, мы и пошли. Я пацаном шустрым был, знал, где да что в нашем маленьком городке Костополе. Быстро добрались.

Бабушка долго ходила меж крестов и проржавевших жестяных звёздочек, что-то беззвучно нащёптывая синеватыми губами. Наконец остановилась у давно заброшенной могилки с завалившимся крестом. Встала на коленки и, перекрестясь, начала неторопливую тихую работу. Выполола окаменевший чертополох, подровняла гробничку, притрусилась её белым песочком, который принесла с собой, а потом, оглядевшись, послала меня за мхом. Я наковырял его на берегу подёрнутого прошлогодней ряской бочажка. Бабушка долго мох перебирала и выложила из зелёных ёжиков крестик. При этом она постоянно обращалась ко мне за помощью, как бы вовлекая в эту нехитрую работу. Я заартачился: то воды принеси, то поправь основание крестика, то сбегай ещё за мхом, хотя вполне хватало и принесённого раньше... Только много лет спустя я понял, зачем эта умудрённая жизнью и верой женщина искала во мне помощь. Не ей я тогда помогал – себе.

Могилка общими усилиями получилась светлой, праздничной. Дошёл черёд и до принесённого из дому узелка. Тонкими пальцами бабушка начала распускать завязанный на хустынке с вечера узел. Что-то у неё опять не получалось:

– А ну, Колюня, попробуй ты.

Узелок раскрылся без всяких усилий, как сказочная скатерть-самобранка. Бабушка бережно уложила к подножию безымянного креста крашенки и куличи, а один протянула мне:

– Заработал...

Видимо, уже что-то начиная соображать, я отказался. Бабушка улыбнулась и послала меня с дарёным куличом к другой бедной могилке:

– Поставь под крестик.

Я поставил, не удержавшись от вопроса:

– Бабушка, тут что, родственники наши похоронены?

– Та нет, унучек. А всё ж наши – христианские души.

С тем и пошли.

Дед в то утро принёс с Всенощной зажжённую свечу. Пасха холодной выдалась, ветреной. А он донёс святой огонёк, пряча его в своих лопатистых плотницких ладонях, как птица, прикрывая птенца крылами от стужи.

Только порог переступил Иван Мартынович, а тут я:

– Деда, что там?

В ковшик его ладоней заглянул, на дне – огонёк. Ну и дунул – ветер в голове! Пламя свернулось огненной ящеркой и юркнуло в жёлтый воск, как в норку, оставив снаружи чёрный хвостик фитилька.

Ох, видели бы вы лицо моего доброго рыжебородого деда в те минуты! Ведь через весь город, с самой окраины, где располагался храм, сквозь снежный ветер живую свечу донёс...

Не знаю, но мне казалось, что после этого гораздо реже прикасалась в ласке его широкая тёплая ладонь к вихрастой голове непутёвого "унучка".

Память об этом, особенно в горькие минуты, больно царапала душу все эти годы – уже и сам седой, вот-вот дедом стану. Но с особой остротой встал перед глазами обугленный фитилёк умершей свечи не так давно.

Был в командировке в Крымском районе. Ну и решили с водителем заскочить с оказией к источнику-роднику, что неподалёку от станицы Неберджаевской. Место святое, красное в этих краях – как красен иконный угол в избах верующих людей. Даром что ли этот источник зовётся Святой ручкой.

Впервые открыл его для себя в пору жаркой хлебной страды лет пятнадцать назад. Приехали тогда к Святой ручке напиться – а попали на праздник православных греков. И наши тут были, и оттуда – с Эллады и Кипра. Они к роднику чуть ли не каждый год съезжаются. Да и верующие казаки из близлежащих станиц и городов здесь гости частые.

Приезжают – как в храм приходят.

Что за вода здесь! Пьёшь и не напьёшься. Старожилы секрет знают, мол, есть в ней не только духовная, но и целительная сила. Душу просветляет и язвы заживляет. Правда, геологи, специально исследовавшие источник, сказали, что вода в нём обыкновенная, правда, с примесью серебра и йода. Но почему же тогда она не портится, хоть сто лет храни?!

Святая ручка – она и есть Святая ручка. Попьёшь с неё, словно благословение получишь.

Нет, не пришлось к ней приложиться во второй приезд. Лучше бы не приезжали. Искрящаяся влага, словно под рукой злого колдуна, превратилась в чёрный сухой камень. Кто-то связывал эту беду именно с колдовскими чарами. Кто-то – с необычайно засушливым летом. Так ведь на Кубани это не редкость – любит солнышко наш край. Но все сходились на том, что недоброе это знамение.

Старая казачка-неберджаевка Христина Федотовна Вовк так и сказала:

– Ох, ребята, не кончится добром иссушение источника. Такое перед самой войной Отечественной было. А кто Святую ручку убил? Люди. Узнали про целительную силу воды – ну и стали таскать её канистрами да ведрами. На продажу. Это святую-то воду продавать! Грех, грех...

Не знаю, была ли провидицей баба Христя, но как раз в том году залихорадило Чечню.

Господи, что ж за ветры поселились в наших душах?

Спасибо небу, закончу своё грустное повествование не этим безответным вопросом. На Иоанна Богослова был в церкви. Поставил свечи за деда Ивана и бабушку Фёклу. И услышал от знакомого священника доброе известие: спасли хорошие люди нашу Святую ручку. Вновь источник полон живой воды, а рядом златоглавым стражем поставлена часовенка.

Так светло стало на душе, будто вновь ожила, забила негаснущим пламенем дедова свеча.

* Бавить (диалект.) – ляскать.

Юрка

Юрка свихнулся в Афганистане, куда забросила его солдатская судьба. Прадед воевал, дед воевал, отец воевал и нарвался на пулю под знаменитой Кантемировкой, у мамы – медсестры батальона – оторвало руку в бою, за что её наградили орденом Красной Звезды.

Вот с этим орденом и огромным животом, где коротал положенные девять месяцев Юрка перед своим рождением, она и вернулась домой из госпиталя.

Ещё в материнской утробе Юрка стал сиротой – отца похоронили под Кантемировкой. К месту и не к месту Юрка любил повторять:

– Вы чё, ребята? Я ж фронтовик с трёхмесячного возраста!

С неё, с этой фразы, мы и познакомились в санатории, когда оформлялись в приёмном отделении. Попросились в один номер. Его направили сюда "на ремонт" после контузии. Меня – после сердечного приступа.

Чернявый, с крупными кольцами спадающих на лоб волос, чёрными же глазами и крючковатым носом, он был похож на цыгана. Особенно когда надевал красную рубаху под коричневый костюм. Наши курортные девушки заглядывались. А он запал на москвичку – обычную вроде бы русоволостую молодуху. Но глаза – лучше не заглядывать! То зеленющие, как у купринской колдуньи, то умиротворённо-спокойные, то горящие двумя изумрудами с голубыми искрами, то тёмные, как русалочки омуты. И вся она излучала такую женственную притягательность, что в душе холодело, и тут же разливалось теплом и надеждой.

Юрку бесило, что она никак не реагировала на его маячные сигналы – вот он же я, вот он! Бери меня в плен, издевайся, казни, но только не будь равнодушной.

По ночам мы нередко нарушали санаторный режим. Брали пару бутылок хорошего грузинского вина, черешен и клубники, выходили на лоджию и начинали пировать. Иногда к нам присоединялась палатная сестра Зоя Ивановна, которая приносила вкуснящие пироги с луком и яйцом из домашней печи. Что по сравнению с ними наши столовские кондёр*?

При ней Юрка больше молчал, а когда она уходила, начинался монолог сквозь слезу, который меня никогда не утомлял. Большею частью о войне. Сколько же в нём её накопилось, этой войны, за четыре родовых поколения...

– Ты понимаешь, Серёжа, – наливая стаканы поплотней, говорил Юрка, а потом, забыв, о чём хотел рассказать, бросал: – Давай за тех, кого нет среди нас. За Володю, Максима, за Гиви и Петра – это братишка мой.

– Родной? Вместе воевали?

– Роднее родного. Друг. Он меня спас фактически...

Была зачистка аула, из которого стингеровской ракетой сбили вертолёт. Десантники шли вдоль улицы, словно снегом, заваленной красноватой пылью. Оружие наготове. Не пропускали ни единой двери – один заходил в тундуру**, другой застывал у дверей. Предпоследняя тундура ютилась на склоне оврага, уходящего к реке. Юрка ринулся к открытой двери, но Петро, здоровенный хохол из под Борислава, его остановил:

– Не суйся поперёд батьки в пекло. Что-то тут не так. Гранаты на всякий случай приготовь...

Прямо на порожке его скосила автоматная очередь. Пожалел, пожалел Юрка афганцев, увидев сохнувшее на верёвке детское бельё. По негласному уставу этой странной войны, действовать в таких случаях надо так: сначала граната в дверь, потом врывается сам. Так и действовали.

Увидев, как валится набок друг с разорванной грудью, швырнул в дверной проём сразу три "лимонки". Когда вошёл в тундуру, стены были красными от крови. Тогда, как он говорил, и "свихнулся". Стал жёстким. Крови уже не боялся.

– Ну что, Юра, помянем Петра? – прервал я гнетущее молчание.

Выпили.

– Давай пройдемся, – предложил я.

Пошли.

И возле бювета с минеральной водой нос к носу встретились с Юркиной незнакомкой. За ней увязался какой-то местный хлопец, нагло требовавший внимания. Юрка метнулся к нему. Всё, что я успел заметить, – ноги незадачливого ухажёра, взметнувшиеся после проведённого им боевого приёма на уровень головы. Умеют готовить десантуру!

Незнакомка оценила рыцарский поступок моего товарища сухим, ни к чему не обязывающим: "Благодарю".

– Ну скажи, как мне познакомиться?! – взмолился Юрка, когда за ней закрылась входная дверь санаторного корпуса. И неизвестно было, кому адресована его тирада – мне, памятнику какому-то медицинскому светиле или небесному – Луне.

Помог случай.

Утром, идя на лечебный водопой в бювет, мы заметили толпу отдыхающих, которые, задржав головы, глядели куда-то вверх. Белка!

Яркая, как язык пламени, и такая же стремительная, вёрткая, она прыгала с дерева на дерево, восхищая скучающих курортников. На самом деле казалось, что это перелетающий с верхушки на верхушку пламень, от которого обычно занимается верховой пожар. Страшная, неукротимая сила, пожирающая сотни гектаров лесов. Когда-то я ощутил на себе эту силу в тайге под Хабаровском. Батюшка Амур спас, когда догнала огненная лава. Сиганули в него, как в детстве.

Но здесь, на курортном проспекте, если и бушевал пожар, то зелёный. После затяжной весны с губительными заморозками и снегопадами наступили солнечные деньки, и всё живое пошло в рост. Разлапились каштаны молодой листвой. Растеряли семена пушистые кругляши платанов, одевшись в молодую листву. На глазах почти до пояса поднялась первая трава, вся в жёлтых крупных кляксах горных лютиков и белой вызвезди пролесков. А в реку спустили длинные косы ивы в пушистых "котятках".

Вот в этом зелёном царстве и заблудилась маленькая белочка с жемчужным хвостом, которая металась на виду у курортников. Наконец, она успокоилась и, устроившись на мохнатой лапе лиственницы, начала грызть шишку. Старалась на славу, так что крылатые семечки разлетались во все стороны. Зеваки комментировали каждое движение зверька шёпотом. Чтобы не вспугнуть. Когда ещё можно будет увидеть такое необыкновенное действие!

Когда молодая женщина, в которой мы сразу узнали нашу незнакомку, насыпав семечек на ладонь, подошла к стволу лиственницы, на неё зашикали. Но она и бровью не повела. Сняла с пальца золотое колечко и постучала им по коре. Получилось неожиданно звонко, и белочка, оставив свою затею с шишкой, тут же наострила ушки с меховыми кисточками на концах. Она словно раздумывала, какое решение принять. И вдруг совершила головокружительный прыжок, в момент оказавшись у протянутой ладони с семечками. Но схватила плутовка не жареные зёрнышки, а то самое колечко, стуком которого женщина приманивала её. И была такова.

Любительница кормления животных только и успела проронить: "Ах!" Вслед за ней эхом повторила знак удивления толпа. А к вечеру весь санаторий гудел, смакуя подробности необычного происшествия.

Юрка не был бы Юркой, если бы не принял абсурдное на первый взгляд решение:

– Я кольцо найду.

Сказал, как отрубил. И на этом его санаторный "ремонт" закончился. В поисках заветного колечка он начал обход всех парков и близлежащих лесных опушек.

Не веря в душе в эту безнадёжную затею, я ему как-то посоветовал:

– Ты, Юрок, сузь зону поиска. Вернее, сделай его направленнее. Попробуй засеки белку, куда она направляется после общения с нашим братом-курортником.

– Ну ты, Серёга, поучаешь меня так, будто сам когда-то занимался таким делом...

– А вот представь себе. Детство всему научит.

И я рассказал ему об одной забавной поисковой операции. Было это в пору победного шествия по стране знаменитого приключенческого фильма "Тарзан". Мы буквально заболели этим Тарзаном. Каждый двор превратился в джунгли, и нас ничуть не смущало, что в роли увешанных лианами пальм выступали пирамидальные тополя, опутанные обыкновенными верёвками.

Между толстых ветвей мы устраивали что-то вроде охотничьих засидок, где отдыхали после рискованных путешествий по тополиным верхушкам и хрустели белым наливом из чужого сада.

Словом, тарзанья жизнь кипела. И мы с моим закадычным дружкой Алькой Сутыриным, обжив ближнюю посадку тополей, начали разведывать ту, что была подальше. Об этом героическом рейде мне напоминает всю жизнь сломанная правая ключица.

Когда я сверзился со старого высоченного тополя, то, летя, инстинктивно хватался за всё, что попадалось. В том числе за воздух. Упал на левое плечо. Что-то противно хрустнуло. Рядом рухнуло сплетённое из веток большое гнездо, сбитое мной. Почему-то оно звенело. Вслед за этим загадочным звоном раздался тарзаний крик Альки Сутырина:

– Ура! Мы нашли секрет. Мы богачи!

Откуда у воспитанного в рабочей советской семье мальчика обнаружились вдруг откровенно буржуйские нотки, я не знал. Но и я испытал это чувство, несмотря на боль, когда в куче обгаженных веток – всё, что осталось от гнезда – обнаружились какие-то кругляши. Это были монеты, на которых различались отчеканенные портреты польского маршала Пилсудского и этого гада Гитлера.

Мы с Алькой затаились. Эти двенадцать монет, свалившихся с неба, научили быть осторожными. Даже мамам – ни-ни! А потом, когда у меня с плеча сняли надоевшие до оскомины в зубах кольца, якобы способствовавшие быстрому заживлению поломанной ключицы, была объявлена новая операция "Поиск".

Мы долго выслеживали хозяйку порушенного гнезда. И надо же – она прилетела! Алька, который после моего "ранения" почему-то присвоил мои командирские полномочия, скомандовал:

– Ставится задача проследить, куда полетит ворона!

– Это – сорока...

– Ну, сорока. Какая разница?

А полетела ворона-сорока в сторону старого польского кладбища, спящего на песчаном холме рядом с заброшенным песчаным карьером. Мы туда и направились.

Научившись добывать порох из песка, просеивая его через сито, мы решили действовать этим же способом. Откуда порох? Да с войны. Оказывается, на этом месте был немецкий военный аэродром. Наши его разбомбили. Склады с бомбами и снарядами сдетонировали, а порох, которым они были начинены, не сгорев при взрывах, разлетелся по окрестностям. Был он и чёрный, квадратиками, и длиненький, карандашиками, и жёлтый, бочоночками с дырочками. Для самолично сделанных самопалов – в самый раз.

Монеты мы с Алькой нашли при первом же просеивании песка. Новенькие, блестящие, в основном польские золотые. Алька на этот раз не орал от радости – услышат же! Не орал он и тогда, когда мы обнаружили целый сейфовый ящик таких монет. Но молчал уже по другой причине: никакой ценности они не представляли, потому что их наклепали из железо-никелевого сплава. Блестели, правда, и звенели здорово. С ними мог бы посоперничать наш школьный звонок.

– Так ты понял, Юрка? – очнувшись от нахлынувших воспоминаний детства, спросил я. – Её отследить надо, эту белку. Понял?

Тот безнадежно махнул рукой.

Но поиск не бросал. Дупла на соснах вокруг санатория были обследованы досконально. Благо лазил он по деревьям, как та самая любопытная белка. Но нет – фарт не шёл! А может, наоборот, поймал он этот фарт в свои добрые, любящие объятия.

Стали замечать очень любопытные от безделья курортники, что уже не один Юрка делал вылазки в лесопарк в поисках кольца. С незнакомкой, имя которой я называть не стану.

Хотя... Любовью её звали. Любовью.

---

* Кондёр – походный казачий суп.

** Тундра (диалект.) – жилище (от слова "тандыр" – печка).

МИХАИЛ НИКОЛЬСКИЙ

НЕ КО ВРЕМЕНИ

Русский

Я всё время живу невпопад.
То чего-то боюсь, то смеюсь.
Попадая в жару в снегопад,
А весной в осеннюю грязь.

Жизнь свою раздаю за долги,
А бывает, и просто за так,
В завываньях январской пурги
Промотав неразменный пятак.

И промозглой дождливой весной,
И под золотом слёз октября
То терзаюсь напрасной виной,
То считаю, что всё это зря.

То опять невпопад матерюсь
И скитаюсь, и пью, и пишу.
То стихами душú свою грусть,
Целомудренной верой грешу.

То, забывшись, усну наконец,
Прозябая под толщей веков...
То со смертью шагну под венец,
То на волю пробьюсь из оков

И, карабкаясь к свету, вернусь!
И ещё допою, и смогу
Зализать свои раны. И пусть
Станет страшно и тошно врагу!

В резонанс наших душ не войти,
Если с нами не пить и не петь.
Ну а тех, кто пристанет в пути,
Станем коль не любить, так терпеть.

А дотоль тишина да метель,
Да тоска, что спокон – на века:
Сход народный, колхоз и артель,
И под пьяную руку строка.

... Я проснулся опять в январе...
Лишь позёмка... И всё замело.
Мне уютно в родимой норе –
Пусть не сытно порой, но тепло.

Мы

Ты нигде, и ты везде:
В листьев шорохе и ветре,
В яркой утренней звезде
И в дорожных километрах.

Бриз и яростный норд-ост,
Штиль и мощное цунами...
Нежность – ярость, радость – злость,
Лёд и свечи тонкой пламя...

Ты – прохладная роса
И самума вздох смертельный.
Наслаждений райских сад
И железный крест нательный.

Ты – молитва и протест,
Брань и слов любви услада.
Порицание и лесть,
Эликсир и капля яда.

Ты моя и ты ничья,
То слепá, то остро зряща...
Гром и тихий звон ручья,
Полный рог, пустая чаша...

То жестока, то нежна,
Веселá ты и печальна...
То понятна, то сложна...
Ты – Вселенной всей Начало!

И пусть с утра позбрь...

Обычный день, не хуже, чем вчера...
Досадно, что вчерашнего не лучше.
Мелькает жизнь в окне: то вечера,
То нудный дождь сменяет солнца лучик.

И ты всё ждёшь: вот-вот наступит май,
Со всем его теплом и соловьями...
И свято веришь, что уйдёт зима,
И корка льда с души сойдёт слоями.

И всё опять, как много лет назад,
Придёт в весны движенье и броженье.
И вату туч клинки лучей низать
По лету будут до изнеможенья.

И что с того, что юность позади?
Высок каблук и бёдра гладит юбка!
И пусть смартфон без усталости зудит –
В контакте этом красная зарубка.

Тебе сейчас от силы двадцать пять –
Ну, двадцать семь – ни чуточку не старше...
И ты влюбилась, кажется, опять...
И пульс в висках звучит победным маршем.

И пусть с утра ноябрь и снова дождь,
И понедельник гонит на работу,
...Он тоже верит, знает, что придёшь
Однажды в мае, вечером, в субботу.

Ночь неслышно прокралась пумой

Мне казалось, теперь легко
О тебе вспоминать и думать.
Но в рассветное молоко
Ночь неслышно прокралась пумой....

И когда ты пришла во сне,
Снова я всё, что было, вспомнил.
Ты мотивом вплыла Массне,
Маслянисто, тягуче, томно.

Лето где-то шумит вдали,
Обделив этот край лучами.
Ты в нём Гála, а я Дали.
И лишь море и крики чаек.

От волны мириады брызг –
Гулок гребня удар о камень...
Все мечты разметало вдрызг,
Не поймать их уже руками.

Рассветает... Пора... Прощай!
Разрешешь о себе мне думать?
И по мягкой стене плюща
Сон уходит на лапах пумы...

Замороженный конфликт

Вполнакала светит лампа –
Скоро, видимо, погаснет –
От обстрела в прошлый вечер
Загорелся трансформатор.
Здесь ни Путина, ни Трампа,
Здесь лишь мины да фугасы.
И рождения предтеча –
Смерть – над сущими куратор.

Всё здесь "в пол", всё как-то "недо":
Недомир и недоправда.
И в пустых глазницах окон
Недосвет во тьме мерцает...
Чьи-то, сталкиваясь, кредо
Аргументами из "Града"
Сыплют щедро и жестоко
Меж лачугами, дворцами...

Только шёпот о спасенье
В каждой утренней молитве.
И всё реже детский щебет
В лабиринтах мрачных улиц.

Ни Союза, ни Расеи,
Серый с красным на палитре...
Вой снарядов в тёмном небе,
Вместо птиц щебечут пули...

И пока без перспективы
На какую-то стабильность.
Пятый год войны, и дети
Так привыкли к артобстрелам...
Сводки, как речитативы:
Кто живой, кого убили...
А в степи всё тот же ветер,
Только с запахом горелым.

Мы знаем, ад – он рядом

Ты знаешь, ад – он здесь, он рядом,
Ты только руку протяни,
Взгляни окрест пытливым взглядом –
Ну вот же он, за Райским Садам,
Своим зловонием манит.

Людские рты в нём ежедневно
Войны глотают гарь и пыль.
В глазах без слёз лишь пламя гнева.
А где-то празднует Женева...
К чему нам сказки? Это быль.

Когда вдруг страх твой сон нарушит,
А ночь – как вечность до зари,
Тоска вонзит заточку в душу,
И Добродетель, взяв "беруши",
Уснёт, давай поговорим!

Про райский сад, в тиши цветущий,
Про радость, счастье и любовь...
А их всё больше – Смерть несущих,
А Бог всё хуже слышит, глуше
Мольбы стенающих рабов.

И поколения рождённых
В аду не ведают про Рай.
Решимость лиц их измождённых,
Останки взорванных, сожжённых –
Про это не покажет прайм.

Про это все молчат пугливо,
Чтоб усидеть в своём седле.
А Гефсиманские оливы
Друг с дружкой шепчутся стыдливо,
Что Ад – он здесь, он на Земле...

А ненасытная орава,
Поправ законы, правит бал!
Взгляни налево и направо:
За пальмой – видишь? – ада лава
Вскипает, как девятый вал.

Ледяной поход. Конец

Адский холод – мга и ветер –
С неба сыплет чёрт-те что...
Тьма, хоть час всего лишь третий.
Пушка лупит за баштой.

В лёд земля, одежда, ветки –
Пробралó до самых душ.
И "максимки" крошат метко
Белых, красных... Неуклюж

Покосившийся "журавль"
Без верёвки и ведра...
Так никто и не поправил...
– Всё, соколики, пора!

– С Богом, братцы! За державу!
За Отечество, царя!
С шашкой вверх, от крови ржавой,
Галунов шитьём горя,

Есаул рванул к станице
Эскадрон за ним вослед...
Только хлопнули ресницы,
Головы на шее нет...

Конский топот, крики, стоны,
Звон клинков, предсмертный храп,
В грязь хоругви и иконы,
В грязь шинелей серый драп!

Нарвались. Видать, засада
Здесь у красных. Кони ржут –
Смерть не лучшая награда
За терпенье их и труд.

Лёд копытами ломая,
Ноги рая о плетни,
Кто-то рысью, кто – хромая,
Вдоль по улицам они

Понеслись. Кто с мёртвой ношей,
Кто с висящею уздой...
Урожай смертельный скошен
И кровавой принят мздой.

А остатки конной сотни
Прямо к красным в арьергард
Зарубились клином, плотно,
Разметали, как пурга.

Стало это им спасеньем –
Так внезапен был удар
На коварном льду весеннем –
Провиденья редкий дар.

На восток, вперёд, на Маныч,
Без погони в степь пошли.
Спутал бес иль Бог их планы,
Прочь погнав с родной земли...

Через год добыют остатки,
Большинство полягут здесь.
Кто везучий, с волчьей хваткой,
Доберутся до Одесс,

Севастополей... Оттуда –
До Марселей, Канн, до Ницц...
Горечь – главное их блюдо,
Что вкушали без границ.

Сколько их тоски хлебнуло
По парижским кабакам,
По Харбинам и Стамбулам,
Распылившись по векам...

То всё в будущем, а ныне
Им до Дона, на покой...
Ветер, степь, ковыль да иней.
Да по следу Смерть с клюкой...

Доживи, пехота

Заалел далёко
В хмарь рассвет.
Огонёчек блёклый –
Был и нет.
Эх, косить бы травы –
По росе...
Только немец справа,
За шоссе.

Развернуть бы пушку
По нему,
Да по той опушке
Долбануть:
Нынче не до игр –
Ведь вот-вот
Два десятка "Тигров"
Примет взвод.

А трава по пояс
Ждёт покос.
Воет ветер в голос,
Словно пёс.
Дотерпи, пехота,
Доживём!
Встретить день охота
Всем живьём.

Через час в атаку
Фриц пошёл.
Рвали танков траки
Луга шёлк.
Взвода аж две трети
Из полста
Полегли здесь, встретив
Грудью сталь.

А в росе чернела
Масла гарь.
И паучьим телом
Танка тварь
Догорала в полной
Тишине...
...Выл про это в полночь
Ветер мне.

Бой в сорок третьем

Мои стихи горчат, саднят, чадят
Пожаров гарью, копотью тротила.
Сквозь ночи тьму проходит череда
Солдат, которых память захватила.

Из года в год, в какой – не знаю, раз,
Уходят в ночь под зарево разрывов.
Скользит тропа, оврага липнет грязь,
Трассёры в тьму летят куда-то криво.

Мне кажется, они зовут с собой,
На высоту без имени на карте.
Там каждый раз один и тот же бой,
И знаю точно: в сорок третьем, в марте.

Среди бойцов в строю родной мой дед,
Артиллерист, гвардеец, замкомбата.
Ему всего там двадцать восемь лет,
Но все солдаты звали деда "батя".

Уже тепло, вовсю идёт весна,
Высотка их покрылась первоцветом.
И дед кричит оттуда мне, из сна,
Что на войну наложено им вето.

А мне всё кажется, что он зовёт с собой,
На батарею их, что бьёт по склону.
Я слышу взрывы, вижу этот бой...
Но как кремён дед, строг и непреклонен.

Вновь снится сон, что я не раз видал,
И дед живой, и склон в осевшей гари...
...За этот бой он получил медаль.
И капитанских звёзд, и пуль – по паре.

Солдат Победы

Он столько лет носил в себе войну –
Под сердцем грамм металла от снаряда.
Героем был... а после был в плену:
Сперва в немецком, позже – в нашем – к ряду.

Потом опять геройски воевал –
Смывал "позор" своей и фрицев кровью.
И вновь войны накрыл девятый вал,
Когда лишился матери и крова...

Но всё ж дошёл до самого конца,
И даже орден дали за Варшаву,
А он, по сути, был совсем пацан –
Солдат Победы, сын своей Державы.

И он дожил почти до сотни лет,
Ненужным став последние лет тридцать...
Жалел, что сдал когда-то пистолет –
Сейчас бы смог, наверно, застрелиться:

Вчера его в автобус не пустил
Шофёр, решив, что бомж он и бродяга...
Хотя и впрямь карманы-то пусты,
А был – герой Победы с красным стягом.

Хоть плачь теперь, хоть вешайся – саднит
Осколок тот... И рвёт не сердце – душу.
Однополчан бронёй укрыл гранит...
А гул Победы дальше, тише, глуше...

На погосте

Мрачен тихий погост,
Лишь стучат копачи по гвоздям молотками.
Крики вдов не слышны –
Их вполне заменяет собой вороньё.
Я покуда здесь гость,
Пью декабрьский воздух большими глотками.
И совсем не страшны
Пасти ждущих могил, обмеряющих тело моё.

Знаю, срок не настал,
А когда он – не знает никто, кроме Бога.
Не дописан ещё
На руке моей правой из линий узор.
Струн звенящая сталь
Ранит душу и снова пророчит дорогу:
Я ещё не прощён,
И не вынесен мне до сих пор приговор.

Кисть калины – что кровь
Среди голых костей, прежде трепетных крыль-
ев.
И промёрзший туман,
Оседая, становится коркой из льда.

Пришла пора внезапных гроз,
 Что раздирают громом небо...
 Дождей, природе на потребу,
 Что колос поят, лист и гроздь...

И всем бы радоваться, жить,
 Вдыхать цветущий клевер в поле,
 Но, покорясь недоброй воле,
 Не покидают этажи:

Есть те, кого сжимает страх,
 И те, кого сжигает злоба...
 И те, кто верят Вангам, Глобам...
 И те, кто в Призрачных мирах...

И все, в пружину сжавшись, ждут,
 Когда придётся распрявиться,
 Чтоб замелькать сквозь дни, как спицы
 Колёс, летящих по дождю.

Но нет пока людской толпы
 И непрерывного движенья:
 Повсюду камеры слеженья...
 И то ли вирус, то ли пыль...

Таков зенита механизм

Ты спросишь: "Милый, что болит?"
 "Душа, – отвечу я – не тело...
 Она бы в Космос улетела,
 Но тяжела, как монолит..."

Гнетёт ли что её? Как знать...
 Но не летает ведь, по факту.
 Пилюли, может, есть, экстракты?
 Не знаешь, где их заказать?

А может, просто помолчим?
 Погладь мне голову и плечи –
 Я слышал, ласка тоже лечит.
 Найди от дум моих ключи.

Прижмись, тебя я обниму.
 Ты знаешь, скоро будет лето...
 Давай возьмём с тобой билеты,
 Навстречу вылетим ему?

И там начнём другую жизнь,
 В которой каждый точно знает,
 Что тени в полдень исчезают –
 Таков зенита механизм...

Сверчок

Упавший в пыль, молчит его смычок,
 Что пел в ночи, приветствуя в ней лето.
 Устал, уснул, намаявшись, сверчок,
 Найдя в саду укромный угол где-то.

Он спать мешал, порой, в крошечной тьме,
 Он, говорят, вредил на огороде...
 Играл сверчок на скрипке песни мне
 Про то, как месяц ночью в небе бродит.

Про то, как крот живёт в сырой норе,
 Червяк мечтает стать большой цикадой.
 Как спит медведь в берлоге в январе,
 Как соловей поёт в ночи рулады.

Про то, как волки воют на Луну,
 А лисы зайцев ловят в первоснежье.
 Как чешет лось загривок о сосну,
 Как прячет рысь добычу под валежник.

Играл всё лето, а теперь – молчок,
 Уже дней шесть молчит, а может, восемь...
 Пропал совсем мой друг – ночной сверчок.
 Должно быть, просто наступила осень...

АННА ВАРТАНЬЯН

СОГРЕТЬ БЕРЁЗАМИ

Неба

Хочу идти по солнечной тропе
И улыбаться небу и деревьям.
Смолу-янтарь погладить на стволе
И в март, пришедший
в Новый год, поверить.

И неба синева, как очи Бога,
И не солгать ни сердцем, ни письмом.
Христа бы только попусту не трогать,
Но для него всегда распахнут дом.

И я иду за янтарём и светом,
И солнце не позволит мне упасть.
Ребёнок я. И остаюсь поэтом.
И в этом – неба солнечная власть...

*Олиной дороге**Ольге Вахтиной*

Я иду по Олиной дороге.
А на ней – и радость, и печаль,
А на ней – и счастье, и тревоги,
И надежд лазоревая даль...

И любовь надёжная, как солнце.
И потерь смятение и страх.
Только Оля смело улыбнётся
И поднимет радость на руках.

Полыхают розы и тюльпаны,
Их взрастила Олина душа.
И дорога вьётся без обмана,
Юностью и мудростью дыша...

Алёшке

Обними меня, Алёшка!
Помнишь встречи, ночи, дни?
Воробьи и хлеба крошки...
Стали строчками они.

Обними меня, Алёшка!
Годы мчатся без тебя...
Возвратись хоть на немножко,
Потеплеет вновь Земля.

Обними меня, Алёшка:
Зарыдать – не перестать!
Укрепи спасенья вёшки.
Руки дай поцеловать.
Обними меня, Алёша...

*Согреть берёзами**Василию Макаровичу Шукшину*

Хочу берёзового сока –
Во исцеленье от беды.
Да где же он? Бежит далёко.
И не достать, как до звезды.

Звезды, что спряталась за хмарью,
А боль терзает каждый день.
Я становлюсь седой и старой,
А встать так хочется с колен.

Бежать во храм и на работу –
Все ноты детям рисовать.
Лишь музыка расскажет, кто ты,
И поведёт в пути, как мать.

А сок берёзовый всё льётся –
Припасть губами. Замереть.
"Калина красная" поётся,
Чтоб нас берёзами согреть...

*Твои строчки**Степану Деревянко*

Кубань в камышах заснеженных
И лодка – печаль и свет.
И лошади не объезжены –
Держи их судьбе в ответ.

А то понесутся бешено,
Любовь и строку сомнут.
Кубань в камышах заснеженных
И строчек твоих уют...

*Августа яркие дни**Тамаре Данцевой*

Хочется силы отдать тебе, мама,
Молодость, годы твои.
Чтоб седина не белила упрямо
Августа яркие дни.

Чтобы зелёные очи смотрели,
Видели букв красоту,
Чтобы холодные злые метели
Боли забыли в лесу.

Мамочка, мама, прости, дорогая!
Слово и сердце возьми!
Боженька годы твои сберегает,
Августа яркие дни...

СЕРГЕЙ ЛЁВИН

СКАЗКИ ИЗ ЛЕСОВ КУБАНСКИХ

Очень большой Краснодарский край, просто огромный. Есть в нём моря и реки, озёра и степи, луга и долины, горы и низины.

А уж какие здесь леса! Будто самый талантливый художник их рисовал! Смешал оттенки изумрудно-зелёного с небесно-голубым, добавил жёлто-оранжевых осенних листьев, яркими солнечными лучами сверху брызнул.

Живут в тех лесах звери разные: есть мирные, есть и опасные. Травоядные и хищные, добрые и суровые. И у каждого свой характер, свои особенности. Давайте скорее с ними знакомиться! И с удивительными историями, которые с лесными зверями однажды приключились.

Как енотики лес спасали

Жили-были в горах рядом с заповедником Утриш еноты: папа, мама и трое сыновей. Звали их Прыгун, Полоскун и Хулиган.

Обитало семейство в дремучих лесах – от людских глаз подальше, и у каждого енотика было любимое дупло. Только у Прыгуна не было – ему все дупла сразу нравились, вот он и скакал с дерева на дерево с утра до вечера. Неутомимый!

Полоскун очень ценил чистоту. Наберёт ягод и грибов и ну их в ручье мыть. Полощет, трёт, снова полощет – семья уже поужинала и спать улеглась, а он всё моет и моет. И не лень ему!

А Хулиган то и дело каверзы для туристов придумывал. Ну, для тех, которые без спроса на его любимой полянке палатки ставили. То носки тёплые утащит и вместо галстука себе нацепит, то в контейнер с продуктами лягушку посадит.

Захочет утром туристка молодая позавтракать, контейнер откроет, а оттуда "ква!" Девушка давай охать да ахать, а Хулиган на суку еловом сидит, за сценкой этой наблюдает и со смеху едва не падает – так ему весело!

В основном туристы – народец мирный. Сидят возле палаток, песни под гитару расппевают, общаются. Ничем не хуже енотов. Но, правда, небезобидные тоже встречаются...

Забрели как-то в лес люди шумные, грубые, стали костёр большой складывать. Соорудили громаду из дров, запалили, а сами поели, попели, да и спать легли.

Костёр-то не потушили! Искры по сторонам летят, уже и листочки на нижних ветвях деревьев обугливаются. А вредные туристы храпят только.

– Как бы пожара не было, – сокрушается папа-енот.

– Сгорим, точно сгорим, – всплёскивает тоненькими лапками мать-енотиха.

– Не бойтесь, родители! – говорят им братцы-енотики. – Сейчас мы всё быстро исправим!

И давай действовать!

Полоскун схватил пустой котелок, прибежал к ручью и начал воду набирать. Прыгун ловко, с ветки на ветки, стал котелок тот к костру носить и пламя заливать. А Хулиган у дрыхнувшего туриста из кармана мобильный телефон вытянул и службу "112" набрал. Ему про этот важный номер старый и хитромудрый филин Аксакал рассказывал.

Вызов пошёл, из трубки – голос женский, приятный: "Алло! Служба спасения слушает". А Хулиган говорить-то не умеет! Пищать лишь да тьякать, как собачонка.

И придумал он тогда план! Подбежал к туристке, телефон рядом с её головой положил и за ногу тётеньку укусил. Не сильно, а чтобы разбудить только.

Она как завизжит: "Помогите! Убивают!"

Диспетчер крик услышала, переполошилась и немедленно все спасательные службы на Утриш вызвала: и пожарных, и полицию, и скорую помощь на всякий случай.

Те быстро приехали. Костёр затушили, царапину туристке продезинфицировали и перевязали, а самых шумных и возмущённых крикунов в отделение отправили – в целях профилактики. Чтобы неповадно было так безответственно с природой обращаться!

Долго семья енотов порядок наводила. Родители мусор в бак за полкилометра таскали, чтобы на земле не валялся, а сыновья им помогали.

– Вы, ребята, молодцы, не испугались! – гордился папа.

– Смелчаки! – улыбалась мама.

А Прыгун, Полоскун и Хулиган носили мусор и думали, что ничего особенного не совершили. Лес – их дом, его беречь надо. Вот они и сберегли!

Хотя за смельчаков им всё-таки было приятно...

Лиса-хромоножка

На зелёных лесистых холмах рядом с Крымским районом лет пять назад поселилась лисья семья. Лисы звери умные да ловкие, красивые и проворные. Но в том семействе жила особенная лисичка по прозвищу Хромоножка.

Отец её был, как и положено, хитрец. Рыжий, юркий, сильный, с пышным оранжевым хвостом, бегал он туда-сюда и зверюшек на обед приносил. То зайца, то землеройку, а то и курочку из сарая с окраины хутора умыкнёт. Может и ворону поймать, и воробушка – тут уж как повезёт. Мама-лиса от него не отставала, охотницей была преотличной.

А дочка их, когда ещё крошечной лисичкой была, случайно под машину угодила. Их семья дорожку ночью перебежала, но какой-то лихач из-за поворота так резко вырулил, что малышка от света фар зажмурилась, увернуться от колеса не успела и лапку повредила.

Ранка со временем затянулась, косточка срослась, а вот одна лапка короче других осталась. Не повезло Хромоножке.

Другие лисята посмеивались, когда она неловко спотыкалась, а самые злые даже дразнили – то лягушонком, то уточкой, то цыплёнком. Лисичка сначала обижалась, плакала тихонько, пока никто не видит, а потом перестала обращать на вредин внимание. Не стоили они его.

Надо сказать, что выросла Хромоножка красавицей: шёрстка её была пушистой и нарядной, не хуже соболиной шубки. Могла стать эта шкурка заветным охотничьим трофеем – таким меткий стрелок хвастает, сидя у камина в своём каменном доме, похожем на старинный замок.

Как-то раз объявился в здешних краях не просто охотник, а самый настоящий браконьер. И начал этот злющий, заросший чёрной бородищей тип отстреливать зверюшек не только в охотничий сезон, но и когда это строго-настрого запрещено.

Сколько ни пытался его местный лесник на месте преступления застать, не получалось: очень уж хитрым браконьер оказался.

Крадётся однажды этот гнусный тип среди зарослей папоротника, добычу высматривает и видит вдалеке семейство лисье. Расчехлил он двустволку, прицелился, положил палец на курок...

Папа с мамой следы заячьи изучали, а Хромоножка головой по сторонам вертела, деревьями в золотистой осенней листве любовалась. Вот браконьера с ружьём и заприметила!

– Осторожно! – пискнула она, и семья мигом кинулась врассыпную.

Охотник только крикнуть от досады и успел.

На другой день вновь пришёл он за лисьим мехом. Разрисовал себе лицо маскировочной краской, ветками и листьями с головы до пят увешался – совсем как кустик стал. И захочешь – не увидишь. Залёг в засаду в ложбинке на каменистом берегу реки и приготовился ждать.

Час терпел, другой, третий. И дождался...

Прошли мимо него звери на водопой, не заметили.

Правда, лис всего две было. Хромоножка из-за лапки своей короткой от родителей поотстала.

Ковыляет она потихонечку и видит: ствол ружейный из куста торчит. Да и не куст это, а человек переодетый!

Испугалась лисичка, но не за себя – за папу с мамой. И ка-а-ак прыгнет с берега на браконьера! Тот от неожиданности ружьё в воду уронил, его сразу течением вниз уволокло.

Разъярился охотник, хотел лисичку схватить, но куда там! Она намного быстрее оказалась, хоть и с больной лапкой. Вывернулась из цепких рук и бегом к родным.

Стал браконьер ругаться и кричать, да ногами от бессилия топать! Тут-то его лесник и услышал. Он как раз мимо шёл, грибы на ужин собирал. Вот ему преступник прямо в руки сам и попался!

Рассказали папа и мама с гордостью своим друзьям-лисам, как дочка их два раза от верной гибели спасла. И больше Хромоножку никто и никогда в лесу не дразнил.

Потому что совсем не важно, длинная у тебя лапка или короткая. Куда важнее, какое у тебя сердце...

Кот-стихонёр

У многих из нас дома есть кошки: добрые, умные да ласковые. А в краснодарских лесах можно повстречать кота дикого – его ещё кавказским называют.

Ох, и давно живут они в здешних местах! Даже несколько тысячелетий назад гуляли они по этим заросшим кустами и деревьями холмам и пригоркам. И уже тогда чувствовали себя хозяевами мира.

Дикий кот Романтик слыл одиночкой: шумных компаний избегал, ходил-бродил сам по себе, на мышей и змеек охотился. Иногда стихи сочинял, но никому в этом не признавался. Просто ему творческий процесс нравился.

Стихотворения он любил короткие, не длиннее двух строчек. И чтобы обязательно про природу. Или про любовь. Вроде такого:

– В небе звёзды, словно птицы,
Темнотой спешат напиться.

Или вот такого:

– Из скалы родник течёт
Лет пятьсот иль восемьсот.

Романтик иногда их про себя мурлыкал. Придёт водички из ручья полакать или на небо полночное залюбуется, сразу стихи вспоминает.

Сидел кот весенней ночью высоко-высоко на дубовой ветке, за жизнью лесной лениво наблюдал и никуда не торопился. Он в темноте ничуть не хуже чем днём видел. А тут ещё полная луна из-за горизонта приползла, устроилась поудобнее среди лёгких облачков и засияла не хуже фонаря какого.

Вдруг видит кот: бежит вдоль ручья дикая кошечка. Хорошенькая такая, маленькая да миленькая. Торопится, правда, сильно: вот-вот из виду скроется. Наверное, за мышкой или ящеркой охотится, сверху не разглядеть.

И так захотел Кузьма с прекрасной незнакомкой подружиться, что долго рассуждать не стал и прыгнул вниз. А ветка под лапкой сухая попалась. Хрусть! – и обломилась. И полетел котик кубарем с огромной высоты. Прямо перед кошечкой с дуба и рухнул!

Хорошо, коты, хоть дикие, хоть домашние, переворачиваться в воздухе ловко умеют и на лапы приземляться. Им высота нипочём.

От внезапности такой незнакомка ойкнула, зашипела грозно и Романтика по физиономии оцарапала. Шрам у него на всю жизнь остался.

Но помирились они быстро. Лесных котов да кошек в дикой природе в последние годы совсем немного осталось. Так зачем им враждовать? Дружить надо!

А позже, когда у Романтика и Бусинки (так незнакомку звали), котята родились, они им перед сном рассказывали:

– Мы, дети, познакомились, когда наш папа с луны свалился.

– Я сразу поняла, что это кот лунный, особенный, – улыбалась Бусинка.

А Романтик не спорил. Мурлыкал тихонько и новое двустихие сочинял. Вроде такого:

– В жизни очень вам везёт,

Если рядом лунный кот...

Сказка про ласку

Жила-была в лесах за городом Туапсе ласка по прозвищу Колбаска. Это её так енотик Хулиган назвал – юморист местный, всем окрестностям известный.

Ласка была премилая: изящная, с гибкой длинной шеей, симпатичной мордочкой и гладким светло-коричневым мехом. Красивая, но и опасная немножечко. Потому что хищник!

Правда, в краснодарских лесах хищником она была самым-самым маленьким: ни медведь, ни волк или лиса конкурентом её не считали. Да и охотилась Колбаска на мелких зверюшек вроде мышек и лягушек, даже заяц для неё крупноват был.

Хоть и не птица, жила Колбаска в гнезде. Чтобы внутри тепло и уютно было, выстилала его сухими листьями и мхом, травками душистыми. Сюда поспать приходила, а по большей части по окрестностям бегала и охотилась.

Ох, и шустрой она была! Прыгала с ветки на ветку, словно молния. Миг – и не видно её!

Вернулась ласка вечером в понедельник с охоты недовольная и уставшая. Очень долго добычу выслеживала, а потом случайно упустила и расстроилась. Смотрит, а гнезда нет! На его месте лишь жёлтый листик дубовый лежит, одинокий такой, мятый.

Погрустила Колбаска, но делать нечего: переночевала в пустом беличьём дупле, а наутро новое гнездо мастерить стала. Целый день на него потратила, лучше прежнего оно получилось.

Но в следующий раз, когда ласка с охоты вернулась, и оно пропало! Будто и не было гнезда. Снова пришлось Колбаске в холодном дупле спать.

Рассердилась она.

– Кто так шутить со мной выдумал?! – воскликнула. – Нельзя так с честной лаской поступать!

И решила проказника найти.

В третий раз обустроила ласка аккуратное гнёздышко, сделала вид, что за добычей побежала, а сама на ветках лещины среди листочков да орешков притаилась. И сверху внимательно наблюдает.

Видит: идёт по тропинке енотик. И по сторонам озирается. Потом на дерево прыг! И по сучкам – к гнезду скок. И лапками его хватя!

Тут-то Колбаска навстречу воришке и выбежала, враспloh его застала.

– Ты что, – возмутилась, – делаешь, хулиган ты этакий?!

А это и правда Хулиган был.

– Ой, – удивился он, – привет, Колбаска! Я тут гуляю, гнёзда собираю. У меня их целая коллекция! Всем енотам на зависть. Кукушкино только найти никак не могу. Очень редкое оно, наверное... Но я одни брошенные гнёзда беру, честное слово.

– Да какое же оно брошенное? – вздохнула ласка. – Я его своими лапками делала, столько сил и времени потратила!

Смутился енотик, опустил глаза. Он хоть и Хулиган, в душе добрый. Проказничать просто любит.

– Я и не знал, что в гнёздах не только птички живут, – объяснил он. – Я сначала всегда внутрь заглядываю. Если там яйца лежат или птенчики пищат, ни за что не трону. А это гнездо пустое было. Я точно проверял.

– И правда, пустое, – согласилась ласка. – Это домик мой. Я в него ночевать прихожу.

– Извини, Колбаска. Я больше так не буду, честное енотское, – сказал Хулиган и пообещал, что всю свою коллекцию по местам непременно вернёт. Вдруг в ней и другие гнёзда не заброшенные есть?

Решил енотик, что с завтрашнего дня шишки собирать начнёт. Самые большие и красивые. Этим точно никому не навредишь. Даже случайно.

А с Колбаской он подружился. Гуляют они вместе, в догонялки играют, а иногда над людьми подшучивают. Охотнику однажды вместо пуль желудей в ружьё насыпали. Чтобы неповадно было по зверюшкам стрелять.

В другой раз грибнику незадачливому, который допоздна по лесу бродил с пустым ведёрком, сюрприз устроили. Он спать в палатке лёг, а наутро у входа целую горку маслят и опят обнаружил.

Бормотал потом, наивный, озираясь по сторонам: "Спасибо вам, лесные духи!" А какие это духи? Это Колбаска с Хулиганом шалят.

Может, как-нибудь и вам они в лесу повстречаются. Вы их не бойтесь. Они хорошие...

Шакалёшка

Неподалёку от озера Абрау-Дюрсо – в заповедном лесу, где тянутся ветвями к облакам сосны и ползут по склонам древние можжевельники, а воздух чист и свеж, будто дыхание ледяного великана, жил себе и не тужил шакалёнок. Звали его Алексеем, но родители, пока сын мал и не слишком толков, обращались к нему так:

– Алёшка! Шакал Алёшка! Ты куда опять запропастился, непоседа?

И так часто им это приходилось кричать, так любил наш шакалёнок-пострелёнок по окрестностям бегать да прыгать, что два слова незаметно в одно слились. И получилось забавно – Шакалёшка. Так кличка к сорванцу и прилипла.

Похож он был и на волчонка, и на щенка одновременно: с густой шёрсткой красноватого оттенка, толстым хвостом и слегка выпученными, будто всегда удивлёнными глазами.

А уж как покушать любил! И за живностью всякой-разной охотился, и за птичками ловко прыгал, и на виноградники по осени наведывался: очень ему солнечная ягода нравилась, особенно тёмная и сладкая сочная молдова.

Там, среди лоз виноградных, тёплым сентябрьским вечером он с ежонком Колючкой познакомился. Тот с упавшей грозди переспелыми виноградками лакомился, когда Шакалёшка на него нечаянно наступил.

Оба от неожиданности вскрикнули, в стороны отпрыгнули, но друг к дружке пригляделись, заулыбались и решили непременно приятельствовать.

Стали они не разлей вода: вместе на горластых лягушек на озёрном берегу охотились, вместе по холмам да пригоркам ночами бегали, вместе на луну выли. Ну как вместе: Шакалёшка знай себе скулил во всё горло, а Колючка рядышком сопел, почихивал да пофыркивал. На большее у него дыхалки не хватало.

Пришла холодная зима. Задул с гор со стороны Новороссийска ветер по имени борá: сильный, студёный, безжалостный. У Шакалёшки мех ещё плотнее от первых морозов стал.

А Колючка внезапно пропал. Ещё вчера лапками топал и жучков-червячков лопал, а сегодня нет его. Не видно ёжика и не слышно.

Искал его приятель, искал, весь лес от края и до края оббегал, все овраги да пещерки облазил. Нет нигде Колючки!

Потужил, погоревал шакалёнок, но делать нечего: смирился с потерей.

Правда, бегая по делам своим звериным, тьякал иногда и завывал: "Ёжик! Ёжик!". Всё бесполезно...

Закончилась зима, оживился лес – ручейки текут, птички поют, травка зелёная из-под палых листьев пробивается, солнышко светит. Красота!

Скачет наш Шакалёшка по лужайкам и полянкам пуше прежнего, весне радуется. И вдруг видит: топчет мимо друг Колючка, живой и невредимый!

– Ты где пропадал? Я тебя три месяца искал, думал, не найду уже! – воскликнул шакал.

– А я никуда и не исчезал, – невозмутимо ответил ёжик. – Я норку себе вырыл и поспать прилёг. Ну и проспал зиму-то. Всё равно она скучная.

И Колючка громко и протяжно зевнул.

С той поры стали приятели жить веселее прежнего. Ещё и с лисичкой Хромоножкой подружались: её семья в их края недавно переселилась.

Больше Шакалёшка и Колючка не расставались. И не собираются.

Ну, ровно до той поры, пока в лес снова не придёт зима.

Рысь Брысь и леопард Леонард

В ярко-зелёных лесах, на высоких горах рядом с курортом Красная Поляна жили и много лет дружили кавказская рысь по прозвищу Брысь и переднеазиатский леопард по имени Леонард.

Главной радостью прирождённой охотницы рыси было выследить дичь. Особенно ту, которую поймать сложнее всего. Острые ушки с кисточками на кончиках чутко ловили и цокот копыт горного барашка, и едва различимый шорох травы под лапками шустрого зайца. Когда Брысь слышала эти звуки, что были для неё мелодичнее любой музыки, в жёлтых глазах вспыхивал азарт, рысь сжималась в пружину и готовилась к прыжку. И лучше было не попадаться в её острые когти!

Шёрстка рысья была серой, в тёмных пятнышках, для маскировки очень удобной – с листвою да со скалами сливаться. Но вряд ли кто мог назвать этот скромный наряд привлекательным: слишком тускл да невзрачен.

Зато Леонард был редким красавчиком: грациозным, подтянутым, с роскошной золотистой шкуркой, переливающейся в солнечных лучах, словно грани драгоценного камня.

По лесу леопард вышагивал с гордо поднятой головой. А чаще просто сворачивался на толстом суку калачиком и спал. Он знал, что отзвучивая Брысь всегда с ним добычей поделится. Друзья же!

Выпало холодным декабрьским днём в горах много снега. Леопард обрадовался и поспешил в сугробах изваляться, чтобы шерсть его ещё чище и краше стала. Кувыркается он, со своим хвостом играет и от удовольствия порывкивает.

А Брысь поохотиться собралась: на свежем снегу все звериные следы, как на чистом листе бумаги. Вот спозаранку заяц петлял, а вот косуля мимо проскакала.

Затаилась рысь среди зарослей, слилась с листвою пожухшей и наблюдает, как неподалёку идёт ни о чём не подозревающий кабанчик. Головой покачивает, похрюкивает, пяточком землю роет – жёлуди ищет.

Только собралась Брысь схватить его, на полянку Леонард прибежал. И давай в снегу валяться! И песни напевать.

Кабанчика как ветром сдуло: лишь копытца вдалеке мелькнули.

Рассердилась рысь, выпрыгнула из своего укрытия, воскликнула:

– Что же ты делаешь, Леонард? Я нам обед добыть хотела, а ты...

– Ой, да ладно тебе! – глазом не моргнул леопард. – У меня упражнения, разве не видишь? Это гимнастика такая. Мне представительно выглядеть надо. А ты ещё кого-нибудь поймаешь, тебе всё равно делать нечего.

Он во всю пасть зевнул и начал снова в снегу резвиться.

Прыгал Леонард, прыгал, к вечеру проголодался. Стал рысь звать:

– Брысь! Брысь! Ты где? Я кушать хочу!

А рыси-то нет. Обиделась она на зазнайку и ушла на другой конец леса, к горе Фишт.

Решил Леонард сам охотиться. Только совсем позабыл, как добычу выслеживать. То с подветренной стороны спрячется, и косуля его по запаху учует, то на сухую ветку наступит, а она щёлкнет не хуже выстрела из ружья и куропатку спугнёт.

Остался, в общем, без еды.

Весь следующий день леопард искал свою подругу. Бродил по чаще, кричал жалостно:

– Брысь, а Брысь, прости меня, пожалуйста. Я больше так не буду.

Наблюдала за ним рысь из тайника в расщелине на скале, наблюдала и пожалела бедолагу. Крикнула ему:

– Эй, модник! Что слоняешься тут, скулишь? Соскучился?!

Как же тот обрадовался, когда её увидел!

– Я больше никогда не буду мешать тебе охотиться! – пообещал. – Наоборот – помогать во всём стану.

– Хорошо, – улыбнулась Брысь. – Пусть так и будет.

Больше друзья не ссорились. Рысь еду добывала, а Леонард ей помогал.

Иногда, правда, бывает, в глади озёрной на отражение своё засмотрится. Но потом одумается, сам на себя рыкнет и вслед за Брысь спешит.

Потому что красота красотой, а кушать-то хочется...

Лекарство от страха

Жила-была на широких просторах Сочинского национального парка семья кавказских серн: дедушка Чабрец, папа Лютик, мама Незабудка, сынишка Василёк и дочка Люцерна. Дед Чабрец очень любил биологию, поэтому всех своих близких именами растений и цветов называл.

Серна с виду – почти что домашняя козочка. Только шерсть погуще да рога поизогнутее. А уж какая быстрая – оглянуться не успеешь, а рядом нет её уже, ускакала!

В семье Люцерна была самой пугливой: любого шума боялась. Бывает, обычный летний ветерок дунет, а она – сразу бежать без оглядки, лишь копытца мелькают. На бегу серна ещё и посвистывала – такая у неё на испуг реакция была необычная. Скачет и свистит – смешная такая!

Ох, и устала она от каждого шороха вздрагивать, надоело, что трусихой все дразнят, а как смелее стать, не знает. Тут старший братец её Василёк и предложил:

– Давай, – сказал, – я как-нибудь под волка замаскируюсь и тебя напугаю? А ты попробуй страх перебороть. И отпор мне дать!

– Можно, – кивнула серна. – А когда?

– Этого, сестричка, я тебе не скажу. Эффект неожиданности важен!

Согласилась Люцерна, сама себе удивилась. Понимала, что придётся постоянно испытания от Василька ждать. Но и со страхом совладать очень уж хотелось.

День проходит, другой. Серна подвоха ждёт. А братец лишь усмехается.

Скачет она солнечным утром по тропинке, листики с деревьев срывает и жуёт, за мхом аппетитным склоняется. И тут из-за мощного дубового ствола выпрыгивает на неё волк. Громадный и косматый, ужасный!

Но Люцерна сразу догадалась, что это Василёк! Он, хитрец, травой сухой обмотался и камушки мелкие в рот положил, будто клыки это.

Очень жутко серне стало, но пересилила она себя, подскочила к липовому волку и с разбега крепко боднула его рожками! А сама хохочет, заливается.

– Какой ты смешной в этом волчьем прикиде, братец! – говорит.

– Какой я тебе братец, коза! Совсем с ума сошла?! – ревёт ошарашенный волк.

В этот момент сам Василёк на полянку выбежал: палой листвой завешанный и на волка ничуть не похожий. Стоит, смотрит растерянно на сестру и на зверя злобного, ресницами хлопает.

Тут-то серна всё и поняла. И что хищник перед ней самый настоящий, и что сейчас он в себя придёт и съест и её, и Василька бедного.

И так ей обидно стало, так рассердилась она на себя и на волка этого внезапного, что налетела на него и ещё раз боднула! Изо всех сил!

– Бежим, Василёк! – крикнула и вместе с братцем быстрее ветра помчалась прочь, пока ошарашенный от удара и наглости козьей волчара головой ушибленной туда-сюда вертел.

Спаслись они от хищника, и долго потом по всему лесу сороки разносили историю о побеждённом волке, весёлом Васильке и храброй Люцерне, которая сама от верной смерти спаслась и брата выручила.

Серна после того случая бояться и правда меньше стала. Но ведёт себя по-прежнему очень осторожно. Чуть что, сразу убегает. И свистит! Хорошенькая такая! Смелая.

ЛЮБОВЬ ДЕТКОВА**СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧИК***Наша Земля*

Лесная полянка встречает рассвет,
Окрасила платье в сиреневый цвет.

Пока соловьиные трели в лесу
На травах ещё не застыли в росу,

Из гнёздышка солнце вспорхнуло, как дрозд,
Присело на веточки белых берёз.

И вот уже тонкой тесёмкой ручей
Играет, волнуется в блеске лучей.

Проснулась синичка, щебечет: "Чив-я",
Какая красивая наша Земля!

Весна

Весна, растопив белоснежную стужу,
Весенним теплом обогрела поля.
Дождём озорным пробежалась по лужам,
Подснежником первым в лесу расцвела.

Наполнила ласковым солнцем мимозу,
Под крик возвратившихся к нам журавлей.
Метнулась в черёмуху, в алую розу,
И прыгнула в лето сверкающих дней.

Лето

Солнце проснулось
И улыбнулось:
"Лето настало.
Ура!

Эй! Удивляйтесь
И наслаждайтесь,
Радуйтесь тоже с утра

Белым ромашкам,
Разным букашкам.
Песенки птицы поют.

Птенчики-детки
В гнёздах, на ветке
Первого вылета ждут!"

Ручей

Среди цветущих берегов
Ручей на камушках играет.
Как озорник, то прыгнет в ров,
То заскользит, то засверкает.

Над ним то бабочки кружат,
Накинув белые платочки,
То пчёлы быстро прожужжат,
Скрываясь в мареве цветочном.

Ручей проведать каждый день
Приходит серенький зайчонок,
А с ним и мишка, и олень,
И даже маленький мышонок!

Солнечный лучик

В лужице солнышко лучик умыло
И поутру в детский сад проводило.
В садике лучик с детьми разыгрался,
Прыгнул на люстру, на ней покачался.

В зеркало спрятался, стал незаметным,
Все закричали лучику: "Где ты?".
Выскочил лучик, запрыгал по книжкам –
В садике весело стало детишкам.

Весёлая тучка

На небе весёлая тучка
Держала две лейки за ручки,
Под радугой ярко сияла
И дождиком всех поливала.

А дождик большие сапожки
Примерив на тонкие ножки,
По лужам сверкающим шлёпал
И звонко пузырики хлопал.

Почему?

Почему мне утром солнце
Посылает луч в оконце?
Кто травкою, словно пледом,
Укрывает землю летом?

Отчего на небе тучи
Стали выше горной кручи?
И о чём щебечут птицы:
Воробьи, чижи, синицы?

Почему журчит ручей,
Голосочек слышен чей?
Почему грибы в рубашках
На полянке и в овражках?

И какой волшебной кистью
Красит в парке осень листья?
В школу скоро я пойду
И ответы там найду!

До грозы

До грозы жучок лесной
Улетел к себе домой.
В одуванчик-шарик
Спрятался комарик.

И сложили бабочки
Юбочки и шапочки,
И укрылись в травах,
В рощах и дубравах.

А семейство муравья
Быстро спряталось у пня
Под сосною длинной
В домик муравьиный.

Только смелый червячок
Червячок-дождевичок
На краю тропиночки
Лёг и ждёт дождиночки.

Я хочу служить на море

"Я хочу служить на море", –
Говорит малыш Григорий
И показывает маме,
Как умеет плавать в ванне.

То дельфином проплывёт,
То "солдатиком" нырнёт,
То у дна, как барабулька,
Проскользнёт – вода не булькнет.

"По морям и океанам
Я, как папа, плавать стану,
А пока в домашней ванне
Я – как рыбка в океане!".

Секрет

Слоник с мамою-слонихой
Мяч подкидывают лихо.
Мячик влево, мячик вправо.
Мы в восторге: "Браво-браво!".

Мяч большой с цветным буклетом,
С удивительным секретом.

Говорит с улыбкой мама:
"Очень милая реклама,
Значит, к нам с программой новой
Цирк Столичный прибыл снова!".

Развернули мы буклет –
Пригласительный билет.

Младший братик

Разыгрался брат Валера
И не хочет отдыхать.
А меня подружка Вера
На скакалке ждёт скакать.

Чтоб уснул скорей братишка,
Вслух ему читаю книжку:
Тут и Муха-Цокотуха –
Позолоченное брюхо,

И Федорино корыто,
И заботы Айболита...
Только брат не засыпает –
Мне косичку расплетает.

Говорю тогда я строго:
"Бабка-ёжка у порога,
И Кошей с клюкой в руке,
В чёрном длинном сюртуке".

Но братишка гладит кошку,
Не боится Бабку-ёжку,
Не боится ни Кошея,
Ни злодея Бармалея.

Лучше "баюшки-баю"
Я ему тогда спою.
Он и станет засыпать,
Значит, я смогу гулять.

Прыгать с Верою пойдем
На скакалочках вдвоём.

Внук Василий

Во дворе сказал Василий:
– Стать хочу я самым сильным!
Хоть один в неделю раз
Отжимаюсь целый час...

Вышла бабушка Марина,
На крыльце стоит корзина.
– Подсоби-ка, внучек милый,
Мне поднять её нет силы.

Ухватил внучок корзину
– Ой! Да я её не сдвину!
– То-то, – бабушка сказала, –
Раз в неделю – это мало!

Рисует солнце сказку

Рисует солнце сказку
Оранжевою краской,
Оранжевые горы,
Кораблики на море.

Раскрасило Танюшку,
На дереве пичужку,
Мальчишек двух чумазных,
Котят голубоглазых.

А кот дремал ленивый
В тени плакучей ивы,
Ему и не хватило
Оранжевого дива.

Когда бы не проспал он,
Оранжевым бы стал он.
Теперь он чёрный очень –
Чернее тёмной ночи!

На празднике

Мы на празднике с сестрой
Шариком любимся:
– Он как будто бы живой, –
Вместе с ней волнуемся.

– Вот бы, если нам надеть...
Крылья, а не варежки,
Мы смогли бы полететь
На воздушном шарике.

Я помощница

Рано утром я встала с кровати,
Быстро сделала с мамой зарядку.
Накормила всех куколок кашей,
Напоила их чаем из чашек.

И цветочки покрыла росой,
Окатив их из лейки водой,
И игрушки свои собрала,
Вместе с бабушкой пол подмела.

И ещё я коту для красоты
Гребешком расчесала усы.
И за это мне мама сказала:
– Ты хорошей помощницей стала.

Катя на самокате

Очень любит отважная Катя
На своём погонять самокате.
Разрешил возле детской беседки
Прокатиться Алёнке-соседке

И хорошей подружке Наталке,
А Наталка предложит скакалку.
И теперь со скакалочкой Катя,
А подружка – на самокате.

Стало в нашем дворе веселей:
Самокат подружил всех детей!

Всё могу

Всё могу: свистеть, кричать,
Лишь бы только не молчать.
Поросёночком захрюкать,
По-кошачьи замяукать.

Замычать "му-му" бычком,
Кукарекать петушком,
Пробежаться, улюлюкнуть,
И, как филин, громко ухнуть...

Улыбнулась баба Валя
И мне ласково сказала:
"Ты, Андрюша, не шуми,
Лучше книжечку возьми".

Стал букварик я листать
Буквы в нём запоминать.
Много букв узнал и слов,
Рек, озёр и городов.

Прочитал я в букваре:
Рыба язь живёт в реке.
И ещё узнал, друзья,
Среди букв там есть и "Я"!

Рыбаки

Встали тихо на рассвете,
Наша Мурка тут как тут.
Промурлыкала: "Приветик!" –
И бегом за нами в путь.

По натопанной тропинке
Не спеша идём к реке.
На плече у деда спиннинг
И приманка в рюкзаке.

Где впадает речка в море,
Сядем прямо на траву,
Будем с дедушкой вскоре
На червя ловить плотву.

В банке плещется рыбёшка.
Хоть улов и небольшой,
Я и дед, и Мурка-кошка
Возвращаемся домой.

Котик

Спинку выгнул рыжий котик
И поймать решил свой хвостик.
Думал глупый шалунишка,
Что за ним крадётся мышка.

Стал за хвостиком гоняться,
На диване кувыркаться.
Изловчился тут плутишка
И когтями цапнул "мышку".
Замяукал – больно стало,
Спрыгнул на пол с одеяла.
Осознал игривый котик,
Что ловил себя за хвостик.

Диво

Сегодня бесшумно
Какое-то диво
Проникло в квартиру
И всех удивило.

Пропала на кухне
Сметана с тарелки,
Исчезла колбаска
У брата на гренке.

Без сыра остался
Кусочек батона,
Не стало в кастрюльке
Мясного бульона.

Потом вдруг метнулось
Оно на окошко.
Открыли мы шторку,
А диво-то – кошка!

Наша кошка

Наша рыженькая кошка
Не задремлет у окошка.
Ловко прыгает весь день –
Ей играть со мной не лень!
Даже я готова с ней
Половить её мышей!

Котёнок Рыжик

Наш котёнок, рыжий Рыжик,
Поутру залез на лыжи.
Только дверь ему открыла,
И кататься разрешила,
Бросил Рыжик наши лыжи,
Только хвост метнулся рыжий.

Кот Барсик

Расхрабрился Барсик-кот:
"Стал я тигром сильным – вот!
До мышей мне дела нет,
Не на них сошёл свет".

Мыши стали бегать смело,
Дразнят "тигра" то и дело.
Тихий шорох – он ни с места:
"Много будет серым чести!

Ни за что тигрову участь
Не сменяю на мяучасть".
И, как тигр, он под кустом
Стал накручивать хвостом.

Дичь настигнуть в два прыжка
 Был готов исподтишка.
 Тут вдруг дедушка Илья:
 "Кис-кис-кис", – позвал любя.

Положил сметанки в блюдец.
 Не успел кот облизнуться,
 Пыл плутишки и пропал.
 Кот быть тигром перестал.

На площади у ёлки

Дорогою просёлочной
 На площадь в декабре
 Заснеженная ёлочка
 Явилась на заре.

Хрустальные снежиночки
 На веточках висят,
 Качаясь, как былиночки,
 На солнышке блестят.

На площади у ёлки
 Мы водим хоровод
 И песнями весёлыми
 Встречаем Новый год!

Возле ёлки новогодней

Возле ёлки новогодней
 Собрались мы всей семьёй.
 Дед Мороз прийти сегодня
 Обещался к нам домой.

Снег на улице искрится,
 И на стёклах лёд намерз.
 Слышим, кто-то в дверь стучится,
 Открываем – Дед Мороз.

Шуба красная и шапка,
 И в снежинках борода.
 Рукавицы, белый шарфик
 И весёлый, как всегда.

Дед с порога рассмеялся,
 Снял с подарками мешок.
 Каждый в доме постарался
 Рассказать ему стишок.

Слушал Дед про ёлку сказки,
 Про Снегурочку стихи.
 И дарил цветные краски
 И с конфетами кульки.

От веселья жарко стало –
 Шубу снял он и жилет.
 Сразу я его узнала:
 Дед Мороз-то был мой дед!

Снег

В холодильник на ночлег
 Положили талый снег,
 Чтобы снова стал искристым,
 Белоснежным и пушистым.

Утром дверцу приоткрыли,
 Очень сильно удивились:
 Снег, наверно, простудился
 И в сосульку превратился.

Ёлочка

В Новый год Снегурочка
 Ёлку украшает.
 И на ветки колкие
 Иней рассыпает.

Кружится Снегурочка
 В танце новогоднем.
 Как сверкает ёлочка
 Звёздочкой сегодня!

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

2022 год

Корректоры Лидия Железовская, Зинаида Палиева

Подписано в печать.....03.11.2022.

Дата выпуска .....08.11.2022.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес типографии: г. Краснодар,

ул. Рождественская Набережная, 3

Издание журнала в бумажном варианте:

Е-mail: skudarnovnf@gmail.com

Телефон: +7 905-408-40-82

5-й съезд писателей России в Кремлевском Дворце съездов Слева направо: К. Профимин, В. Логинов, А. Пасечник 1980 г.

